ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!

Артем ДРАБКИН

Я ВЗЯЛ БЕРЛИН И ОСВОБОДИЛ ЕВРОПУ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Победная весна 1945 года. Красная Армия рвется к Берлину – «добить фашистскую гадину в ее логове». Война подходит к концу, и у солдат впервые забрезжила надежда выжить. Но впереди еще последние бои – самые трудные и кровавые, которые разделят их на живых и мертвых…

«Бои в Берлине шли страшные. Под ногами валялись оторванные головы, было месиво. И чем ближе к центру, – тем опаснее для жизни. А жить хотелось! Вот еще один квартал, дом, атака – и все! Пахнет Победой! Но сделаешь неправильный шаг, и – «привет, Шишкин». Сколько ребят потеряли!.. Знамя было у каждого, но не каждому суждено было его водрузить…»

«В Берлине я командовал штурмовой группой. Пять танков, взвод автоматчиков и взвод саперов. Шли медленно вперед, прижимаясь к стенам домов, чтобы хоть один борт уберечь от «фаустников». Кто на середину улицы выезжал, того сразу поджигали. Дошли до большого перекрестка, а из-за углового дома – сплошной огонь. Убийственный. Пехота залегла, а танки под «фаусты» и зенитки я не имел права бездумно пускать. Взял автомат, вылез из танка и пошел на разведку, а потом, вместе с пехотой, полез немцев из здания выкуривать. Первый этаж отбили, а на втором этаже мне пулей прошило ногу насквозь. Кость не задело. Оттащили меня назад, занесли в какой-то дом, там перевязали. Кто-то из наших сказал, что это дом, в котором до войны жил фельдмаршал Паулюс. Два дня в санбате отдохнул «на больничном», а потом похромал обратно в роту, без всяких там сентенций, мол, не дай Бог погибнуть в логове врага, за мгновение до Победы. И не было у меня никакой жалости к себе или страха смерти…»

- Артём Драбкин
  -
  - Винник Павел Борисович (Интервью А. Драбкина)
  - Ваулин Дмитрий Петрович (Интервью А. Драбкина)
  - Маслов Иван Владимирович (Интервью Г. Койфмана)
  - Стекляр Борис Ефимович (Интервью С. Смолякова)
  - Пшенко Владимир Арсентьевич (Интервью А. Драбкина)
  - Борисов Михаил Владимирович (Интервью А. Драбкина, А. Пекарша)
  - Кацевман Петр Маркович (Интервью Г. Койфмана)
  - Пичугин Иван Игнатьевич (Интервью Ю. Трифонова)

- Востров Владимир Борисович (Интервью Г. Койфмана)
- Полонский Лев Маркович (Интервью Г. Койфмана)
- Винницкий Михаил Яковлевич (Интервью А. Драбкина)
- Афанасьев Юрий Сергеевич (Интервью А. Драбкина)
- Усов Валентин Владимирович (Интервью А. Драбкина)
- Канищев Василий Алексеевич(Интервью А. Драбкина)
- Марков Владмир Протасович (Интервью А. Драбкина)
- Дементеев Борис Степанович (Интервью А. Драбкина)
- Мовшевич Юрий Моисеевич (Интервью А. Драбкина)
- Беспалов Николай Ефимович (Интервью А. Драбкина)
- Гехтман Эля Гершевич (Интервью Г. Койфмана)
- Москалев Алексей Владимирович (Интервью А. Драбкина)
- Борисов Михаил Федорович (Интервью А. Драбкина)
- Назаров Борис Васильевич (Интервью А. Драбкина)
- Шишкин Николай Константинович (Интервью А. Драбкина)
- Войцехович Владимир Викторович (Интервью Н. Чобану)
- Корякин Юрий Иванович (Интервью Н. Чобану)
- Садрединов Решат Зевадинович (Интервью Ю. Трифонова)
- Шлемотов Александр Сергеевич (Интервью М. Свириденкова)
- Деген Ион Лазаревич (Интервью Г. Койфмана)
- Шипов Константин Николаевич (Интервью А. Драбкина)
- Винокур Николай Абрамович (Интервью Г. Койфмана)
- Козубенко Иван Семенович
- Максименко Алексей Афанасьевич (Интервью А. Драбкина)
- Хайла Александр Федорович (Интервью А. Драбкина)
- Бурцев Александр Сергеевич (Интервью А. Драбкина)
- Железнов Николай Яковлевич (Интервью А. Драбкина)
- Андриевский Сигизмунд Болеславович (Интервью Ю. Трифонова)
- Логачев Владимир Герасимович (Интервью Н. Чобану)
- Темеров Владимир Викторович (Интервью А. Драбкина)
- Иванов Мстислав Борисович (Интервью А. Драбкина)
- Скопас Шалом Лейбович (Интервью Г. Койфмана)
- Бухенко Владимир Федорович (Интервью Н. Чобану)
- Александрова (Савельева) Зоя Никифоровна

(Интервью А. Драбкина)
- Батиевский Алексй Михайлович (Интервью О. Корытова, К. Чиркина)
- Яганов Николай Максимович (Интервью А. Драбкина)
- Гольбрайх Ефим Абелевич (Интервью Г. Койфмана)
- Покровский Александр Семенович
- Купцов Сергей Андреевич (Интервью А. Драбкина)
- Стратиевский Исай Борисович (Интервью Г. Койфмана)
- Михаленко Николай Фомич (Интервью А. Драбкина)
- Отрощенков Сергей Андреевич (Интервью Н. Домрачева)
- Матусов Григорий Исаакович (Интервью Г. Койфмана)
- Кузьмичев Николай Николаевич (Интервью А. Драбкина)
- Анкудинов Павел Ефимович (Интервью А. Драбкина)
- Штангеев Николай Иванович (Интервью А. Драбкина)
- Мясников Владимир Владимирович (Интервью Н. Аничкина)
- Бем Юрий Оттович (Интервью А. Драбкина)
- Чепик Василий Прокофьевич (Интервью Ю. Трифонова)
- Гершман Матвей Львович (Интервью Г. Койфмана)
- Белик Владимир Филиппович (Прислала Г.Кравченко)
- Климов Александр Митрофанович (Интервью Ю. Трифонова)
- Рогачев Александр Васильевич (Интервью А. Драбкина)

Артём Драбкин
Я взял Берлин и освободил Европу

Фотография на переплете: Архивный фонд Фото ИТАР-ТАСС
© Драбкин А.В., 2015
© ООО «Яуза-пресс», 2015

Винник Павел Борисович *(Интервью А. Драбкина)*

стрелок 1374-го стрелкового полка 416-й стрелковой

азербайджанской дивизии

Одер мы форсировали по льду под Кюстрином. Мы отразили две очень сильные немецкие атаки, и там же, под Кюстрином был мой первый рукопашный бой. Именно рукопашный, а не штыковой. Второй был в Берлине. Мы выходили на улицу, и как у него, так и у меня могло оторвать голову. Штурм Берлина… Я никогда не забуду о боях в Берлине. Причем там такая была интересная вещь: Берлин – город удивительный, так безалаберно, несмотря на немецкую пунктуальность и аккуратность, построен! Бои под Берлином шли очень сильные… Мы к этому времени не один город брали: и Варшаву, и Кишинев, – это там у меня друг погиб. Каждый город имеет свою специфику, но Берлин – город особый. Он очень большой, очень. Одни подступы, пригород!.. Мы шли со стороны аэродрома. Немцы драпали удивительно: все было уже ясно. Когда мы стали подходить к центральным районам, где стояли большие дома, имеющие гранитный фундамент, начались проблемы. Скажем, идет улица, и на перекрестке дом, у которого нижние этажи превращены в бойницы. Немцы простреливали всю улицу. Никакой танк не может туда попасть! Или, например, прямая улица, но на ней все здания имеют гранитные основания, а вдоль здания – амбразуры, и немцы простреливают все улицу. Попробуй ее взять! Полное идиотство было бы вводить танки, как сделали в Грозном. Не может танк участвовать в городском бою, это липа! С 3-го этажа зажигательную бутылку бросаешь, и танк взрывается со всем, что в нем есть. Было решено брать пехотой. Около 6 армий замкнули Берлин. Немцы сопротивлялись очень сильно. Некоторые сдавались, но драчка была сложная. Пехота играла в ней решающую роль.

Танков было дай бог, но в город они не шли. А пехота шла! Надо было освободить центральную улицу. Салкин собрал нас: «Как будем?» – «У меня есть предложение». – «Говори». – «В городе есть черный ход и парадный. Если заходить с черного входа, можно через квартиры верхних этажей выйти в парадный подъезд другого дома». Немцы дали населению команды – не закрывать квартиры. Мы этим воспользовались. Вдвоем с бойцом мы прошли в указанный командиром дом. Во дворе стояли походные кухни, лежали ящики с минами – и немцы там сидели. Буквально через 40–50 минут я остался один, а напарник вернулся и привел туда всю роту. Мы спустились на третий этаж, открыли окна и забросали немцев гранатами. От них месиво осталось, и улица была открыта. Вот что такое, когда командир думает о судьбе своего подчиненного! Разные были. Были такие,

которые могли положить всю роту.

Сами жители находились в подвалах. Города были пустые. Входишь в дом – горячая кастрюля, а жителей нет. Они нас боялись как чумы. Думали, что будем мстить. И было за что! Сколько нашего населения уничтожили?! Но мы действовали по приказу Жукова: если немец сдается – не убивай! Бросали листовки: «сдавайтесь, гарантируем жизнь».

Все этажи жилых домов открыты, а они сидят в подвалах. Вот вы спрашивали насчет половых контактов. Мы бежим, немки нас видят и сами ложатся. Дурочки, нам не до этого! Они готовы были на все, только не убивайте. Мужики поднимали руки, а они ложились. Потом поняли, что русские не убивают.

Мы были с противотанковыми гранатами, не с «лимонками». Это более мощное оружие, и еще на нее можно разрывной панцирь надевать. Взрыв был страшнейший. Участие пехоты, наше участие в боях за Берлин было основным. Потом подтягивали саперов, а на окраинах стояла тяжелая артиллерия, и танки на окраинах стояли, только десанты работали.

Каждому подразделению, полку и роте было выдано знамя для водружения на Рейхстаге. Но все зависело от направления. Мы дошли до Александерплац, где потом погиб Берзарин: сел на мотоцикл, рванул, отказали тормоза. Мотоциклист насмерть, ему сломало позвоночник, и он скончался.

На улицах жуткий огонь стоял! Под ногами валялись оторванные головы, было месиво, бои были очень страшными. И чем ближе к центру, тем опаснее для жизни. А жить хотелось! Вот еще один квартал, дом, атака – и все! Пахнет Победой! Сделаешь неправильный шаг, и – «привет, Шишкин». Сколько ребят потеряли! У меня было несколько атак из окопа, но таких, как в Берлине, ратных, в один строй, атак никогда не было. Когда подается команда «вперед», каждый делает это по-своему. Кто ползком выбрасывается, кто рывком, по-разному. Пять шагов – и упади. Потом следующие шаги, перебежками. Жить хотелось… Знамя было у каждого, но не каждому было суждено его водрузить.

Мы попали не в Рейхстаг, а во Дворец Фридриха, напротив Рейхстага. Он уникальный по красоте, прямо музей. Задняя сторона – река Шпрее. Пусть небольшая, но она его защищала. Мы успели дойти до Бранденбургских ворот, даже ближе. Потом там было посольство СССР, – когда я после войны приезжал в Берлин, то все это вспоминал… Центр сгорел весь. Разобраться, где наши, где немцы, было невозможно. Мы, рота автоматчиков, были при штабе полка. В нашем полку было три батальона и вспомогательные подразделения: матчасть, машинная рота и др.

Целая комплектация! И вот мы были со штабом полка. Честно говоря, было ощущение близкой, ближайшей Победы. Каждый мыслил: какая она будет, Победа?! И вдруг к утру стало тихо-тихо. Что такое? Мы не могли понять. Снаряды кончились? И вдруг по рации: «Немцы капитулировали. Не стрелять! Ждать распоряжений!»

Немцы шли колоннами на окраину города по определенным улицам, которые им отвели. На углах стояли автоматчики, и они бросали оружие в кучу и дальше шли без оружия. Их построили в колонну.

Тогда казалось все, уже стрелять не надо. Первый раз, когда объявили полную Победу. Это было 2 мая. «Ура, Победа!» Мы стреляли, орали. Потом прибегает парень и говорит: «Во втором квартале, за тем поворотом, склад амуниции. Там такие хромяги!» Это хромовые сапоги. А мы же в кирзе. Человек пять пошло – и вот нет и нет их. Тогда этот парень нас повел. Двух мы не нашли, а трое лежали с простреленными головами… Там была засада.

Когда закончились бои, на все центральные улицы, где стояли части, были выдвинуты походные кухни, и немцам раздавалась горячая кухня и хлеб… Первые две недели после Победы мы стояли в переулочке, был такой переулочек Вассер-Гассе. А потом нас перевели в Трептовские полицай-казармы, в Трептов-парк. Но проживание военных в городе приносило многие неприятности. Было очень строго в отношении «выйти на улицу». Иногда нас замполит посылал за пивом, и один раз меня комендантский патруль арестовал, когда я в очереди за пивом стоял. Нас посадили на «губу» только за то, что мы ходили по улицам без разрешения! Пиво было потрясающее, но если увидит комендантский патруль… Привели в комендатуру, сорвали погоны, посадили на гауптвахту. У нас не было документов на выход. Очень было строго! Только вечером меня освободили.

Даже после Победы случалось, что бойцы погибали в засадах. Гибли люди и по непродуманности, по небрежности. Тогда был введен режим строгой оккупации. Нас вывели из центра, из Трептов-парка, в город Цосен, в 30 км от Берлина, – это еще Вайсензее. Там позже был знаменитый штаб всех оккупационных войск. Штаб гарнизона стоял в Белом озере, это очень красивый, элитный район. Но и при таком строгом режиме пропало 12 ребят из подразделения в составе нашего полка. Оказывается, на территории этого лагеря был бункер-конус на случай бомбежек. Часто ребята туда заходили, спускались вниз. И оказалось, что решив посмотреть, что и как, они нашли ход, который вел 30 км до Берлина. Там были военные заводы, изготавливающие

оборудование. И когда они это открыли, то пропали почти на неделю. Это была удивительная история!

Берлин был поделен на несколько секторов: английский, американский, французский и наш. Наш – самый центр. Раз в неделю менялись объекты охраны. Мы несли охрану Рейхсканцелярии. До сих пор помню, что Рейхсканцелярия хорошо сохранилась. Мы сменили первую команду и несли охрану. Там был аудиенц-зал, где Гитлер награждал своих. И там в стене были сейфы, где хранились ордена Рейха. Мы набирали их, и у американцев меняли их на сигареты. У нас не было сигарет: самое лучшее – Беломорканал, а так махра. У немцев же сигареты были: валялись прямо на улице, целые блоки сигарет. Мы брали, курили, потом один из наших распотрошил сигарету – оказалось, пропитанная никотином бумага. Когда я попал на фронт, то не курил и не пил. Но в зимний период можно было согревать руки, раскуривая папиросу, и так я начал курить.

Тогда же у меня появился фотоаппарат: очень интересный, знаменитый «Цейс». Я уже говорил, что мы несли охрану гитлеровской канцелярии, а там раньше сидели немецкие флигель-адъютанты. Я зашел взять бумагу, письмо матери написать, открыл ящик – а там фотоаппарат лежит. Когда я общался с немцами, немцы мне сказали: это «зер гут!» В расцвете Германии, в 1938 году, корова стоила 30 марок, а аппарат стоил 300! Вот какой был аппарат. Когда был первый обмен денег, то я его продал за 17 тысяч, чтобы матери помочь. А потом тут же начался обвал: эти 17 тысяч перешли в 30 рублей – вот так я камеру и потерял.

Ваулин Дмитрий Петрович
(Интервью А. Драбкина)

летчик 890-го дальнебомбардировочного авиационного полка

Когда в конце войны мы вылетали из Барановичей на Берлин, погода была очень плохая. Бывает, в апреле-мае идут вторичные атмосферные фронты, или, как их еще называют, «аклюзии», когда через каждые 40 минут идет град, снег, тучи налетают, а потом опять солнышко. Потом снова непогода. Мощные стояли фронты, грозовые. А лететь надо тысячу километров до Одера. 16 апреля мы взлетели в 3 часа ночи, погода была очень плохая. Пролетели тысячу километров, отбомбились по передовой. Там все горело, все дымило. Причем характерно, подлетаем к Познани с опрежением, примерно минут на 15. Познань начала стрелять по нам. Сигнал «Я свой» – зеленые ракеты. Как посыпались зеленые ракеты – и справа, и слева, и сверху. Туча самолетов дальней авиации летела, и все летели с опрежением минут на 15! Нужно было время гасить на «петле». И вот все стали гасить это время в районе Познани. Тут смотри в оба, чтобы не стукнуться! Подходим к цели, все горит, кругом прожектора. Видно, как артиллерия стреляет, вспышки. Мы были на небольшой высоте – может быть, тысяча метров. Море огня! Видимо, там и мелкая авиация работала, и артиллерия. У нас цель – какой-то опорный пункт. А где там его найдешь, в этом море огня? Мы знаем примерно: расстояние от Одера до немецких позиций 10 километров. Мы отбомбились, прилетели обратно домой в девять часов утра.

Потом летали мы на Берлин 22 и 24 апреля. 24 апреля погода была ужасная. Взлетаем, облачность – 30 метров. И всю дорогу был грозовой фронт, очень низкая облачность. Решили идти под ней. Включили автопилот и сами ему помогаем. С консолей плоскостей, с винтов, пулеметов стрелков срываются огни статического электричества, и кажется, что во тьме несется огненное чудовище. Кидало нас страшно. Вдруг впереди вспышка, и покатился огненный шар – кто-то врезался в землю. Проскочили. Отбомбились по Берлину, я говорю:

– Вася, давай домой не полетим. Ты видишь, какая погода?! Давай сядем.

Дошли до Познани.

– Давай сядем в Познани, там аэродром работает.

Мы кружочек сделали, сели. Заруливаем на стоянку.

Там нас встречают вопросом:

– Что, заблудились?

– Нет, не заблудились, я сел по погоде. Не хочу лететь дальше. Погода очень плохая, там будет трудно с посадкой.

– Тогда идите, отдыхайте.

Мы «отстучали», что сели в Познани, чтобы за нас не переживали. Наутро заправились. Прилетели в два часа дня. А

нам сообщают:

– Паша Михалец заблудился.

Это штурман эскадрильи, а с ним замкомандира эскадрильи. В общем, начальники наши. Заблудились. Бросили самолет, спустились на парашютах. А другой самолет примерно в это же время из-за погодных условий сел в Белостоке, и экипаж тот поляки зарезали. Вася Алексеев, мой кореш, грохнулся. У него второй летчик Мурзин – не то убрал, не то выпустил щитки, самолет просел и грохнулся. Они живы остались, но нехорошо получилось. Один или два самолета выкатили за полосу, поломали передние ноги. Погода была, облачность 30 метров!

Этого Мурзина, моего второго летчика Тиму Кучеренко и Милованова прислали к нам вторыми летчиками из Бугуруслана. Характеристики у них были такие: «Теряет пространственное положение. В полете обсикается, обсерается. Направляется на самолеты типа «Ли-2» вторым летчиком». А их к нам! Тупые, тупые летчики.

А мой этот Кучеренко… Летали на Данциг с Орши, дошли до Вислы за облаками. Еще светло было. Нырнули под облачность, шли по Висле до Данцига. Высота была 800 метров. Мы из-под облаков бомбили. Данциг ощетинился. Стреляет МЗА, а я на нее пикирую. И только когда ко мне эта колбаса малоколиберных снарядов стала приближаться, я ухожу в сторону. Носился от пушки до пушки, но удрал! А мой второй летчик сиденье назад откатил, ноги поджал, руками голову закрыл, так и сидел… Прилетели – правый элерон выбит, весь самолет в дырках. Потом он уже понемножку научился летать, даже стал командиром на Ту-4.

Последние три вылета были на Свинемунде. Это порт на Одере. Там были все отступающие войска. Бомбили порт. Немецких самолетов уже не было, и вражеских ПВО практически не было. Но там была другая проблема – своих самолетов очень много, как бы не столкнуться. Мы на встречном курсе чуть не столкнулись, и нас на спутной струе сильно тряхнуло. Отбомбились.

Говорю:

– Вася, самолетов очень много. Давай мы пойдем домой не по суше, а по морю, потому что можно столкнуться.

Пошли на море. Обошли.

А дальняя авиация шла волнами – там бомбят и тут бомбят. Мы морем прошли, потом на сушу и нормально сели.

И последний вылет был в ночь на первое мая. Мы всей дивизией летали пьяные. Получилось так вот почему. Погода была ужасная – низкая облачность, дождь идет. 40–50 метров

высота. И нам дают команду: «Отбой!» Мы жили в городе, а аэродром был километрах в трех от города. 30 апреля у нас был торжественный вечер в клубе в честь Первого мая. Потом танцы. У нас, естественно, спиртик водился. Мы до ужина выпили. Покушали, еще выпили, а потом пошли на торжественное собрание в клуб. Пьяненькие уже.

Начальник политотдела дивизии полковник Николаев на трибуне в клубе речь толкает, прославляет коммунистическую партию, товарища Сталина. Мы ждем, когда начнутся танцы. И вдруг в середине этого доклада объявляют:

– Боевой вылет, война.

Мы боевые вылеты называли войной. Так говорили: «Сегодня будет война или нет?» Допустим, нет. Значит, отбой. Сегодня уже объявили, что войны не будет, отбой. Поэтому мы побрились, почистились, напились и пошли на танцы.

А тут – война. Я думаю: «Какая война! Идет дождина, не видно ничего». Но приказ: «На аэродром!» Думаю: «Ладно, доедем до аэродрома и обратно приедем».

Приехали на аэродром, ничего не видно, дождина.

– По самолетам!

Ладно, думаю, посидим в самолетах и обратно в клуб. А тут команда:

– Запускайте моторы, взлетать.

Мы переоделись. Взлетаем. Разожгли плошки, костры, пытались сделать какое-то направление, чтобы было видно немножко. Взлетели. И буквально через 30–40 километров погода стала более-менее хорошей.

Я жалуюсь:

– Вася, меня мутит.

Вот так. Я вообще очень плохо переносил спиртное – пацан еще был. Если выпью стакан водки, то уже валяюсь трупом. А там спиртику выпили.

Он говорит:

– Командир, у меня есть шоколад, съешь шоколадку – может быть, полегче будет.

Я перекусил. Летим дальше. Отбомбились нормально. И это был последний боевой вылет, в ночь на 1 мая 1945 года. И практически вся дивизия летела пьяная, потому что все выпили хорошо.

После первомайского вылета нам дали задание днем лететь на Либаву. Мы готовимся, подвешиваем бомбы, нам дают задание, а погоды нет. Идут вторичные фронты. Нам все время дают отбой, отбой, отбой. И так нас продержали до 9 мая. А 9 мая утром пальба, шум, гам. В Барановичах стоял бронепоезд, и он

заухал из своих пушек. Конец войне!!!

Стрелки побежали, начали стрелять изо всех пулеметов, все кричат:

– Ура!!! Ура!!! Ура!!! Война закончилась!!!

Состояние было необыкновенное. Очень трудно это описать: столько переживаний и в то же время такой стресс.

Маслов Иван Владимирович
(Интервью Г. Койфмана)

командир 1-й танковой роты 1-го танкового батальона 52-й гвардейской танковой бригады

Я первый ворвался на станцию Барут со своей ГПЗ и устроил там немцам «изумительный концерт по заявкам». Тремя танками я бы такую большую станцию не удержал, да мне и не давали такого приказа. Это был прорыв в районе Цоссенского укрепрайона, 20 апреля 1945 года. До этого мы прошли почти без боя километров тридцать. На станцию заехали, смотрим – справа от нас останавливается эшелон. Я подумал: наверное, наши, и вдруг до меня дошло, – какие, к черту, наши, тут же рельсы другие, не как у нас. Развернули башни и врезали по эшелону. В вагонах пехота. Долго их крошили, убили очень много немцев. Сколько мы там немцев положили… Будто сама смерть с косой прошла… Сотни трупов… Рядом на платформах стояли восемь новых немецких танков. Их тоже «в капусту». Вроде все вокруг уничтожили. И моя ГПЗ двинулась дальше. Но немцы позже смогли организовать оборону станции, и ее окончательно брали силами двух бригад, нашей 52-й гвардейской ТБр и 53-й гвардейской. ТБр генерала Архипова. Там еще пару часов шел тяжелый бой.

Я всегда надеялся, что выживу. Я не верил в приметы и суеверия. Я не верил искренне в Бога, хоть в нашей семье и отмечали все религиозные праздники. Даже в самых тяжелых боях старался не вспоминать имя Господне всуе и первый раз на войне перекрестился, когда мой танк, уже в Берлине, переправился через Тельтов-канал, и в ту минуту я сказал вслух: «Я в Берлине!» Я верил в свою судьбу. Был убежден, что знания и опыт заранее определяют, кто победит в танковой схватке. А опыта мне было не занимать… Никогда не боялся смерти, знал: чему быть, того не миновать. Не считал про себя, а сколько раз меня уже подбивали, и не думал об этом… Я относился к войне как к своей работе, как к своему ремеслу, меня никогда не мучили «книжные» вопросы: «Кто виноват?» или «Что делать?». Пусть то, что сейчас я скажу, возможно и прозвучит для вас с долей бахвальства, но я могу о себе заявить с гордостью: я был на войне профессионалом. Не каким-то Терминатором киношным, а конкретно – грамотным специалистом по ведению танкового боя. Опыт меня к этому обязывал. Я никогда не занимался подсчетами, сколько танков я подбил, сжег и сколько немцев на тот свет отправил. Я и так знал, что за моей спиной уже есть моими руками созданное солидное кладбище для солдат, танков и другой техники противника, но такой хреновиной, как разбираться после боя, кто сколько подбил, брезговал. Это война или соцсоревнование? За каждый уничтоженный немецкий танк кто-то из наших товарищей платил своей жизнью. Так чем тут кичиться?.. У меня, например, из всего, что я на войне

уничтожил, есть «два особо любимых мной немецких танка», но мне и в голову не приходило, рисовать звездочки за каждый подбитый танк на стволе своего танкового орудия, как это иногда делали другие. Я на станции Барут с двумя танками роты уничтожил почти десяток немецких танков, прямо на платформах. Так что, мне после этого звезды надо было на корму танка наносить?.. Ствола бы уже не хватило, хоть он у Т-34 довольно длинный. Никогда не ждал ни от кого наград, похвал, подачек, восторженных отзывов, благодарностей, никогда не был «любимцем штаба» или «пай-мальчиком». А просто воевал, делал свою работу по высшему разряду. Уничтожал фашистских захватчиков, врагов моей Родины. За семь лет, проведенных в танке, ты чувствуешь его, как живого человека, танк становится частью тебя, а ты становишься частью танка. Есть еще один нюанс. У меня выработалось хорошее чутье на опасность, на засады. И обладание подобным качеством тоже придавало мне уверенности, что выживу всем смертям назло, ну а если нет, то хоть отдам свою жизнь в бою не зря. Не обессудьте, если я сейчас слишком высокопарно выразился, но ответил вам от чистого сердца.

Там же, в Германии, в весеннем наступлении, прорвались в немецкий тыл. Пехоты с нами не было. Приказ был двигаться только вперед, без малейшего промедления. Вижу перед собой лес и крупное селение, которое не отмечено на карте. Странно. Мне это не понравилось, что-то тут было неправильно. Надо было принимать решение, что делать дальше. Идти в лоб? Послать танк в разведку боем? Повел своих в объезд, сделали приличный «крюк», обошли это селение и с тыла ворвались в него. А там «законспирированный» немецкий завод по производству фаустпатронов. Охрану частично побили, а часть – сами разбежались. И что самое интересное, перед заводом стояли две немецкие батареи зениток и одна пушечная батарея на прямой наводке, как раз на том направлении, с которого мы теоретически должны были появиться, если бы не решились на обход. Немцы не успели развернуть свои орудия, мы их раздавили. Каждый экипаж всадил в этот завод по 15 снарядов, и когда мы поняли, что эта «контора» больше никогда не заработает, то с чистой совестью двинулись дальше на запад.

Везло мне почти всегда… Сколько машин и экипажей поменять пришлось…

Ранило меня 26 апреля 1945 в Берлине, а 29 апреля 1945-го я сбежал из санбата и вернулся в роту, продолжив участвовать в берлинских боях.

У меня почти не было таких мыслей, мол, раз я войну в сорок

первом начинал, так непременно должен первым до Рейхстага дойти. Просто я знал, что нужен сейчас своим ребятам, своей роте и от меня тоже зависит, уцелеют ли они на берлинских улицах или их всех там сожгут. Я мог бы еще 16 апреля 1945-го выйти из боя. Шестьдесят танков бригады переправлялись через Нейсе, из района Бунцлау. На глазах у командарма Рыбалко, в считаных метрах от переправы, мой танк подорвался на мине. Рыбалко стоял на переправе вместе с группой комбригов в ста метрах от места подрыва. Я вылез из танка, вроде целый, но контузило здорово. Подбегает ко мне какой-то капитан и приказывает: «Немедленно к командарму!» Слегка пошатываясь, подошел, откозырял Рыбалке. Он спросил: «Кто командир танка?» – «Я, командир роты, старший лейтенант Маслов!» – «Давай, Маслов, пересаживайся на другой танк. Мне ротные командиры в Берлине нужны», – сказал мне Рыбалко. Сел в танк № 217. Помню свой экипаж, с которым вместе заканчивал войну в Берлине. Радист Тюрин. В Берлине он был ранен, вместо него ко мне пришел Максим Росляков, который после войны стал кадровым офицером. Командир орудия Иван Мовчан, погиб… Механик-водитель Михаил Лапин. Ваня Мовчан в Берлине сильно переживал, нервничал. Сидел с поникшей головой, предчувствуя свою смерть. Он сам «похоронил» себя заранее… Его убило 28 апреля. Я сбежал из санбата, вернулся к экипажу, а Вани уже нет… Через несколько месяцев, когда мы уже находились в Чехословакии, возле нас остановился эшелон, увозивший на Родину бывших «ост-рабочих», угнанных в Германию с оккупированных немцами территорий. К нам подошла молодая женщина из репатриируемых и спросила: «Ребята, вы танкисты? А может, кто-то из вас знает Ивана Мовчана, он мне родня?» И я рассказал ей, что нет уже в живых танкиста Мовчана. Вот такое печальное «совпадение»… В Берлине я командовал штурмовой группой. Пять танков, взвод автоматчиков и взвод саперов. Шли медленно вперед, прижимаясь к стенам домов, чтобы хоть один борт уберечь от «фаустников». Кто на середину улицы выезжал, того сразу поджигали. Дошли до большого перекрестка, а из-за углового дома – сплошной огонь. Убийственный. Пехота залегла, а танки под «фаусты» и зенитки я не имел права бездумно пускать. Взял автомат, вылез из танка и пошел на разведку, а потом вместе с пехотой полез немцев из здания выкуривать. Первый этаж отбили, а на втором этаже мне пулей прошило ногу насквозь. Кость не задело. Оттащили меня назад, занесли в какой-то дом, там перевязали. Кто-то из наших сказал, что это дом, в котором до войны жил фельдмаршал Паулюс. Два дня в санбате отдохнул «на больничном», а потом похромал обратно в роту, без

всяких там сентенций, мол, не дай Бог погибнуть в логове врага, за мгновение до Победы. И не было у меня никакой жалости к себе или страха смерти. И когда нас кинули из Берлина на Прагу, я пошел головным танком в бригаде. Первым в ГПЗ должен был идти ГСС старший лейтенант Крайнов. Но я видел, что Крайнов «нервничает», понимал, что тяжело ему на смертельный риск идти, уже после Берлина, и вызвался пойти вместо него. А наш бросок к Праге не был «бескровной прогулкой». Все дороги были минированы, немцы постоянно нас долбили со всех сторон. Но судьбе было угодно, чтобы я уцелел в майские дни 1945 года.

И еще одна важная деталь – надо было иметь смелость в «сомнительных ситуациях» послать подальше всех начальников, взять на себя ответственность и действовать согласно своему чутью и интуиции. Приведу пример. На подступах к Берлину получаю приказ от замкомбата по фамилии Грунин: «Маслов, давай! Вперед! Жми!» Передо мной болото, есть какие-то проходы, но чувствую, что все впереди заминировано. За болотом шоссе. Вроде тихо, немцев не видно. Но неспокойно на душе. Всем нутром чувствую, что здесь нас сейчас всех пожгут. Я передал по рации в батальон, что этот приказ выполнять отказываюсь и вперед, напролом, не пойду. Развернул роту, прошел несколько сотен метров левее и без потерь вклинился во фланг к немцам. Подбил в борт две «пантеры». На шоссе держали оборону молоденькие немцы, курсанты первого курса военного училища, отряд истребителей танков, «фаустники». Они мою роту с левого фланга не ждали. Всех их подавили и поубивали. А если бы я сунулся в лоб? Что бы от моей роты осталось? Танковый командир обязан быть способным на свободный маневр, на импровизации при выполнении боевой задачи, не обращая внимания на окрики штабных начальников.

Второго мая, когда в Берлине затихли уличные бои, меня переполняло чувство радости и гордости, что я дожил до этих дней, что, может, я один из всего 24-го ТП выжил на войне и дошел до немецкого логова. А позже я задал себе вопрос: почему я, танкист, уцелел в этой «мясорубке», почему меня судьба сохранила? Долго анализировал все, что со мной произошло за эти годы, и пришел к выводу, что выжить мне позволили следующие факторы. Сейчас я их перечислю. Прозвучит это сухо, как текст с передовицы газеты «Красная Звезда», но так все на самом деле и обстоит. До войны я занимался исключительно боевой подготовкой, настойчиво учился только тому, что пригодится на войне. Получил хорошую огневую подготовку, умел быстро стрелять на поражение, хорошо читал карту и мог молниеносно рассчитать данные для стрельбы, был

ответственным и требовательным по отношению к себе и к подчиненным. Да плюс к тому – везение. Только благодаря этому и выжил.

Стекляр Борис Ефимович *(Интервью С. Смолякова)*

командир взвода управления 211-го артиллерийского полка 23-й стрелковой дивизии

Наши провели мощную артподготовку. Немцы стрельбу вообще не прекращали: «шапочно» били по площадям и вели

заградительный огонь. Мы переправлялись на двух больших лодках. Сначала было прямое попадание в первую. Потом накрыло нас. Перевернулись…

Хе-хе. Первое дело – скинуть сапоги и все тяжелое, что тянет тебя на дно. А куда плыть? Река шириной в 250 метров, а то и более. Назад плыть поздно, берег противника ближе. Вылезли на берег, посчитались. Неутешительно! У меня пистолет, у хлопцев две финки. Что делать? Увидели разбитый дот, решили рискнуть… Повезло. В доте нашли трех тяжелораненых немцев и ящик гранат. Первым делом порезали одеяла немцев на куски, обмотали ноги. А то ведь уже начали коченеть… Еще холодно было, апрель месяц. Немцев прикончили, вооружились, двигаться решили вбок по траншее. Первый попавшийся блиндаж закидали гранатами. Та же участь постигла два следующих дота. Что нам помогло? Немцы беспрерывно вели артиллерийский и минометный огонь. Таким образом, мы дошли до немецкого КП с рацией и телефонами. Наша рация пошла на дно вместе с лодкой. Спрашиваю радиста: «Как ты, разберешься?» – «Командир, нет вопросов. Сейчас все организуем». – «Давай-давай, включай эту шарманку!» Тот включает. Выхожу на связь, начинаю говорить…

Сначала не поверили. Они же видели, как нас накрыло. Я уже им открытым текстом: «Такой-то, такой-то. Нахожусь на КП противника». А они мне: «Стекляр, ты продался… шкура…» Боже мой. Дал им координаты, попросил огня. Ладно, вроде поверили. Хе-хе, нормально мы там посидели. Дошло до того, что вызывали огонь на себя. Ну, ничего, на Красное Знамя заработал…

А после Одера уже пошли на Берлин. Объявили нам, что дадут Знамя Победы. Но оказалось, таких Знамен давали много и многим. Мы не стали исключением. Скажу, что напряженных боев уже не было, мы хорошо устроились в городке Эберсвальдэ (нем. Eberswalde). Меня хотели назначить заместителем коменданта города. Но это же очень дурная работа. Зачем она мне нужна? И хлопцы меня не отпускали.

Всем дали новое обмундирование. Создали специальные отряды для дежурства по городу. Потом было объявлено, что немцы должны сдать все оружие. И что вы думаете, сдали все подчистую: и охотничье, и какие-то древние клинки, шпаги. Чего только не было.

Как я уже говорил, расположились мы очень хорошо. Чтоб личный состав не скучал, началась учеба. Меня вызвали к начальству, предложили возглавить дивизионную разведку. Потом еще предложение – поехать в высшую школу артиллерии в Ленинград. А солдаты мои опять начали уговаривать: «Товарищ командир, не надо. Зачем вам это? Оставайтесь!» Я отказался,

сказал, что останусь со взводом. И тут мне говорят: «Боря, тебя вызывают в СМЕРШ».

Как я понял, СМЕРШ меня заприметил еще в 42-м, когда я стал командиром взвода полковой разведки. Мне тогда довелось выполнять задания особого отдела – переводить людей через линию фронта. Всякий был народ: мужчины, женщины и даже подростки. Приходилось носить их рации – им не хватало сил. И все эти моменты, видимо, передавались с моим личным делом. Первую группу мы удачно протолкнули в районе Ржева. Как сейчас помню, вели двух женщин и четырех мужиков. Одеты они были по-зимнему, в гражданскую одежду. Оружия я не заметил. У всех какие-то сумки, котомки. А один вообще нес фанерный чемоданчик. Мы тогда прошли чисто, никто нас не засек. Довели их до села, а дальше они уже сами…

Еще запомнилась группа из трех человек, которую вели под Сталинградом. Мы зашли в дом к калмыкам, эти трое начали переодеваться. Оказалось, что двое из них – мужчины, а одна – девушка.

По последней группе нас инструктировал оперативный работник в чине капитана. По-моему, мне тогда сказали, что это пришла Пинская флотилия. В группе было двое партизан. Ничего примечательного. Оба с оружием, с котомками. Главная наша задача была, чтоб наши их не тронули. Хе-хе…

Переводить группы переводили, а вот встречать ни разу не довелось.

Начальник особого отдела нашей дивизии, с которым у меня сложились неплохие отношения, был очень симпатичным и приятным в общении человеком. Я шел в особый отдел и гадал, зачем же понадобился им на этот раз. Хотя вызовы в СМЕРШ уже не пробуждали во мне того первоначального трепета, но холодок по спине все-таки пробежал… Я опять не угадал. Подполковник огорошил меня предложением: «Слушай, Боря. У нас есть разнарядка в школу СМЕРШа. Поедешь?» Неожиданно для самого себя я вдруг произнес: «С удовольствием!»

Пшенко Владимир Арсентьевич *(Интервью А. Драбкина)*

летчик 16-го Гвардейского дальнебомбардировочного авиационного полка

В лунную ночь очень много зависит от стрелка, поскольку

истребитель будет идти ниже и стараться увидеть меня на фоне неба. У меня стрелком был опытный Леша Гудков. Один раз, 20 декабря 1944 года я его оставил дома, а вместо него взял старшего техника-лейтенанта Толю Прача. Он все просился: «Командир возьми меня войну посмотреть, а то домой приду, и что я скажу?» – «Будет близко цель от линии фронта, я тебя возьму вместо стрелка, ты же умеешь стрелять». Техник – он все умеет. Перед вылетом, наверное, для смелости, в столовой он выпил грамм 100. Я это почувствовал, говорю: «Ты, наверное, употребил?» – «Нет-нет, командир». Вылетели подсвечивать цель Мемель (Клайпеда). Первый экипаж сбросил светящие бомбы, я сбрасывал вторым. Через три минуты мне надо зайти и сбросить еще раз, чтобы цель освещалась непрерывно. Зашел, САБы сбросил. Зенитные снаряды рвутся недалеко от самолета, а этот пулемет вниз опустил и начал стрелять. Кричит: «Бей гадов!!» – и стреляет. Я говорю: «Прекрати». Сманеврировал, отошел от цели, но, видимо, истребитель нас засек по выстрелам пулемета и уже не выпускал из виду. При подходе к линии фронта я перестал маневрировать. Взялся переключать баки (мы основные баки, которые ближе к мотору, использовали только над целью, чтобы уменьшить вероятность остановки двигателя в результате повреждения бензопровода осколками или при разрыве струи при резком маневрировании), в этот момент между моими ногами и спиной штурмана начали рваться снаряды, выпущенные истребителем. Зарево! Все как будто взлетело вверх. Я оказался в огне! Штурвал туда-сюда – самолет не слушается, перебито управление. В переговорное устройство кричу: «Алло, алло!» Никто меня не слышит. Посмотрел на штурмана Кречетова Ивана Николаевича, но за стеной огня его не увидел, стал кричать. И тут появилось какое-то чувство, какая-то сила над головой и говорит: «Прыгай немедленно! Не забудь кольцо!» Я за кольцо вцепился – и за борт, но за что-то зацепился брезентовой лямкой унтов. Дергал-дергал – сорвал унт. Меня струей подхватило, набок перевернулся, дернул за кольцо, в этот момент я вскользь ударился тазом о хвостовое оперение. До этого, на земле, тренировались, растянув под крылом брезент: «Как ты будешь прыгать? Показывай» Надо было изготовиться, выбраться из кабины, скатиться по плоскости, отсчитать 21, 22, 23 и дернуть за кольцо. Инструктор тогда сказал: «Когда жарко будет – выпрыгнешь, никуда не денешься!» Это точно! Это я на себе испытал!

Парашют открылся. Горящий самолет пошел вниз. Думаю: «Все погибли». Однако штурман сидел с 3,5 тысячи до 1500 метров, а потом все же рискнул выпрыгнуть и спасся. А радист и

стрелок, видимо, были ранены и погибли вместе с самолетом.

Приземлился я в густой еловый лес. На левой ноге один меховой носок «унтенок», на правой ноге – унт. Достал индивидуальный пакет, бинтом перемотал ногу. Вытащил пистолет. Шлемофон снял. Стянул парашют. Сел и заплакал. Минут 15–20 сидел, пока не почувствовал – прохладненько. Ну, думаю, надо выбираться. Ножом вырезал у шлемофона уши, надел. Пистолет в правую руку, компас в левую и пошел на восток. Сначала слышал стрельбу впереди. Где ползком, где пригнувшись, так и шел не знаю сколько, только смотрю, а осветительные ракеты уже по сторонам взлетают. Думаю: «Где-то здесь наши». Обрадовался. И рискнул на рассвете постучаться в крайний дом какого-то населенного пункта. Открывается шторка. Выглядывает мужчина. Я к нему с пистолетом: «Скажи, тут немцы или русские?» Он со страха окно закрыл. Потом выглянула хозяйка: «Тут немцы были. Дней 20 тому назад их прогнали». – «Если вы меня обманули, то ваш дом сожгу!» – «Нет! Нет!» – крестится. Тогда смело пошел в этот населенный пункт. Прошел по нему – никого. На обратном пути стал стучаться в дома. Слышу окрик: «Стой, кто идет?» Меня фонариком осветили: «Разряди пистолет». Вызвали начальника караула, привели меня в дом. Зажгли коптилку. Расспросили, как, чего, проверили документы, обняли, отдали пистолет, пригласили медсестру, которая мне ногу забинтовала. Нашли мне обгорелые валенки, переодели в ватные брюки и фуфайку. Пошли на завтрак, где мне налили большую кружку разведенного спирта. Выпил, поел. Уложили меня в лазарет. Я пролежал весь день, но до вечера никак не мог уснуть, хотя мне и дали какие-то таблетки.

Оказывается, я попал к заградотрядовцам, которые дезертиров и блуждающих немцев отлавливали. Они мне сказали, что обязаны, согласно приказу Сталина, летный состав доставлять немедленно на аэродромы. До ближайшего аэродрома штурмовиков надо было ехать 18 километров. Дали мне сани с лошадью и охрану из двух автоматчиков – по лесам очень много бродило дезертиров с оружием. Привезли на аэродром прямо к руководителю полетов. Я своих спасителей расцеловал, поблагодарил, и они сразу поехали обратно, чтобы домой засветло попасть. Подождал, когда вернутся с задания Ил-2. Спрашиваю командира полка: «Сколько они будут в воздухе находиться?» – «Полтора часа». Чудно. У нас-то вылет длится по 6–9 часов, а тут всего полтора, а то и того меньше. Вместе с вернувшимися с задания штурмовиками пошел в столовую. А там мой штурман! Побыли на этом аэродроме пять дней. Полк должен был перевооружаться на Ил-10. Летный состав на самолете улетел

в Смоленск, и мы вместе с ними. Оттуда уже самостоятельно добирались на поезде до Барановичей, в которых базировался наш полк. В общем, в часть мы вернулись через двенадцать дней. За это время НИКТО не сообщил в полк, что мы живы. Обычно ждут десять дней. Мы со штурманом появились в полку на рассвете. На нас набросились, на руках понесли в столовую, целовали, обнимали. Потом командир полка велел идти отдыхать, а постель моя уже свернута. Поставили мне кровать и новую постель сделали. Они и матери сообщили, что я погиб. Но как видишь, все обошлось, правда, за то, что техника взял, мне влетело. Рассказывали, что через пару дней командир эскадрильи увидел моего стрелка: «Ты что здесь делаешь?» – «Я не полетел». – «Кто полетел?» – «Техник». Это стало известно командиру дивизии. Потом, когда мы вернулись, командир дивизии нас вызвал на беседу: «Победителей не судят. Но больше этого не делай. Техника не бери». Пожурил меня, но представление к Ордену Красной Звезды зажал.

Летать я не мог, поскольку слегка обгорел и болела поясница. Да и внутреннее состояние было не ахти. Нас отправили в Солнечногорск, в дом отдыха санаторного типа с углубленным осмотром и лечением. Пробыл я там 24 дня, подлечился, успокоился и вернулся в полк. Сначала слетал с командиром эскадрильи, потом самостоятельно днем. Потом сделал контрольные полеты ночью, провели меня в прожекторах. Как это происходило?

Прожектор стоит вертикально. Я подхожу, помигал огнями, вошел в прожектор, и они тебя ведут, а ты, во-первых, должен поначалу привыкнуть, ну а потом постараться вырваться. Главное, чтобы тебя не ослепили. В кабине так светло, что пылинки считать можно. Ни в коем случае нельзя смотреть на прожектор – ослепит, не увидишь приборы и разобьешься Поэтому даешь полный накал приборам, взгляд только на них – ни направо, ни налево, и начинаешь по приборам маневрировать. Обычно делали резкий разворот с потерей высоты и выход из прожектора спиралью. Я попробовал днем сделать такой маневр, который я делал ночью по приборам. Когда я увидел по горизонту то, что я обычно делал по приборам, мне стало страшно. Сразу штурвал отдал и не стал делать. Думаю: «Свалюсь!» Но так виражить можно только тогда, когда уже сбросил бомбы. Пока ты на боевом, бьют – не бьют – держи боевой курс, пока не сбросил бомбы. Как сбросил бомбы, так сразу самолет бросаешь. Над Будапештом меня взяли примерно 15 или 18 прожекторов. Вышел оттуда с пробоинами от зенитных снарядов. Я все удивлялся, как они могут так резко менять высоту взрыва снаряда? Я же со

скоростью снижаюсь, а снаряды как со ШКАСа идут и все время рвутся на моей высоте… Моего друга, Ивана Седых, там так побили, что едва прилетел. Разворочена плоскость была..

Дали новый самолет. И я еще сделал 28 вылетов. Первые вылетов пять мандражил. Было страшновато. Кажется, самолет не так идет. Вроде заходят меня сбивать. Я уже кричу: «Радист, смотри! Стрелок, смотри! Второй раз уже живой не останешься, если шибанут!» Потом привык, все прошло, как будто ничего не бывало.

Кстати, после этого случая, когда техники просились взять их, у нас говорили: «Иди к Володе Пшенко, он хорошо возит…»

Борисов Михаил Владимирович
(Интервью А. Драбкина, А. Пекарша)

летчик 51-го минно-торпедного полка

4 мая 1945 года встал вопрос вылета на линкор «Шлезиен». Вылетало две группы. Первую группу повел старший лейтенант Фоменко. А вторую группу повел я. Пять топмачтовиков с полутонными бомбами и я с торпедой. Макарихина, Орленко отправил для наведения. Погода была паршивая. Мы взлетели, прошли немного. Макарихин отошел от меня на полтора километра, и я его потерял из виду. Тогда даю сигнал наводчику, что его не вижу. Он мне объясняет, где он. Но я же с группой не могу искать. Я действую самостоятельно без наводчика. В штабе этот разговор тоже слышат. Мы атаковали. Видимость, конечно, была паршивая. Линкор пытался уйти от удара, сесть на мелководье. Фоменко бросает, у него торпеда зарылась в песок, стала бурлить. Моя торпеда пошла, и истребители, которые сопровождали нас, кричат: «Торпеда пошла». Потом взрыв. Фактически получив пробоину, линкор сел на мель, так там и остался стоять. На следующий день создают комиссию с целью определения, что же попало в линкор. Заключение комиссии, что обнаружил там-то такой площади отверстие, предположительно в результате взрыва торпеды или тысячекилограммовой бомбы. А тысячекилограммовых бомб никто туда не возил. Стало быть, взорвалась только моя торпеда!

Кацевман Петр Маркович *(Интервью Г. Койфмана)*

летчик 141-го гвардейского штурмового авиационного полка

Первый раз сбили в Силезии в январе 1945 года. Штурмовали в районе памятника Кутузову, помню, там стояла стела со скульптурным орлом наверху. Зенитка достала «Ил» на выходе из пикирования на высоте 300 метров, перебило петрофлекс, масло моментально вытекло, и мотор заклинило. До аэродрома мы дотянуть не могли, пришлось садиться «на живот», в грязь, хорошо хоть, земля мягкая была. Комкор Рязанов прислал за нами свой «Виллис». А потом механик поехал разбирать остатки самолета на запчасти, а там, в бомболюке, неразорвавшаяся бомба. Так что повезло нам неимоверно.

Или вот, например, эпизод, произошедший 20 апреля 1945 года. Полетели шестеркой на штурмовку немцев, прорывающих кольцо окружения под Бреслау. Над целью образовали круг и стали атаковать. При первом заходе уничтожили 4 танка и много пехоты. И при выходе из пикирования мне вражеский снаряд попал в левую плоскость, в которой образовалась большая дыра. Благо, что наш аэродром находился рядом, так я спланировал, как в песне – «на честном слове и на одном крыле». А во второй половине дня поднялся в воздух уже на «чужом» штурмовике. Летим на Берлин, ориентируясь по автостраде. Под нами город Штемберг, сказали, что в нем уже находятся наши войска. Шли на бреющем полете. А в городе – немцы. Врезали по нам из зенитных орудий. В кок винта попал снаряд, и машина пошла вниз. Смог посадить «на живот», но при посадке ударился головой об приборную панель и потерял сознание. От удара о землю на штурмовике сработали пушки и пулеметы. Писаренко выскочил с пистолетом из самолета, смотрит по сторонам, где упали, кто ближе – немцы или наши. На наше счастье, рядом находились танкисты-ремонтники. И когда они меня начали вытаскивать из кабины, я пришел в сознание.

Все же самым памятным был вылет двадцать шестого января сорок пятого года. Плохие погодные условия были чрезвычайно неблагоприятными для нас и фактически полностью исключали возможность применения авиации. Но тогда мы получили приказ произвести штурмовку. Пошли всей эскадрильей: Андрианов, Петров, Блинов, другие экипажи. Этот вылет я запомнил до мельчайших подробностей, так как во время взлета у моего самолета лопнуло левое колесо шасси и штурмовик отклонился от направления движения, и только чудо спасло его от столкновения со стоящими самолетами, и взрыва не произошло. После выполнения задания посадку я производил на одно колесо, и что мне пришлось пережить в эти мгновения – не могу забыть

до сих пор. А задание было следующим: произвести бомбардировку войск противника, разгружающихся на ж/д станции. По данным воздушной разведки, на станции скопилось множество железнодорожных составов. Но нам, летчикам, никто не сказал, что на этой железнодорожной станции стояли эшелоны с узниками из лагеря Освенцим. Да и кто из штаба полка мог это тогда знать… Погода в тот день была мерзопакостная, видимость 200–300 метров, весь полет проходил «вслепую», только по приборам, и когда мы пробили облака на высоте свыше 2200 метров, то увидели станцию со стоящими на путях эшелонами, и вдали – многие ряды складских помещений – пакгаузов. Мы даже не предполагали, что это лагерные бараки для заключенных Освенцима. Бомбардировка штурмовой авиацией с такой большой высоты малоэффективна, и командование об этом, конечно, знало. Обычно бомбометание проводилось с пикирования, с высоты 600 метров и ниже, приборов-прицелов у нас не было, и только нос самолета и перекрестье на лобовом бронестекле заменяли прицел. Но нам было приказано произвести бомбометание с большой высоты, то есть только посеять панику. Мы выполнили это задание. А на следующий день нашей пехотой был освобожден концлагерь Освенцим, и уцелевшие узники рассказали, что немецкая охрана и прочий фашистский персонал, увидев над лагерем советские «Илы», в панике сели на машины и сбежали, так и не успев уничтожить последних узников лагеря и замести следы своих преступлений. И если это действительно так и было, то для меня этот вылет является самым важным в жизни. Если, даже косвенно, благодаря нашей штурмовке спаслись узники концлагеря, то я могу гордиться этим вылетом до самого своего последнего часа.

Пичугин Иван Игнатьевич
(Интервью Ю. Трифонова)

командир взвода 275-й отдельной штрафной роты

Меня же с января 1945 года по февраль 1945-го назначили комендантом Гутштадтского уезда. Моей переводчицей стала Катя Телюкова, девушка с необычной и трагической судьбой. Она попала на работы в Германию одной из первых русских женщин, еще в 1939 году, когда в составе группы наших артистов, выступавших в Белостоке, оказалась в немецкой оккупации. Мой комендантский взвод состоял всего из 12 солдат, и как назло все старики, или хромые, или косые. А во главе я, раненый комендант. Думаю, бродячих немцев в округе еще полно, поэтому решил комендатуру сделать в трехэтажном каменном здании местной школы. Выбрал верхний этаж, чтобы в случае неожиданного нападения враги гранаты не смогли бы забросить.

Дальше встал вопрос о том, как похоронить убитых, и наших, и немцев, их очень много лежало в уезде, бои здесь шли сильные. А в марте здесь уже тают снега, подозреваю, что играет роль теплое морское течение. Надо устанавливать контакт с местными жителями, Катя мне посоветовала решать вопросы через католического священника, ксендза. Но в нашем Гутштадте в здание церкви попал советский снаряд, и орган как музыкальный инструмент был разбит, так что церковь не работала. Тогда я взял Катю Телюкову, мы с ней поехали в соседнее селение, где находился действующий костел. Нашли священника, он организовал сход граждан, и мы договорились о том, что соберем всех убитых и похороним у Гутштадта, в одном месте наших, в другом – немцев. На том и порешили, и когда все тела собрали, оказалось, что советских солдат и немцев было убито примерно одинаковое количество. Тут же над братскими могилами, расположенными неподалеку от здания комендатуры, немцы сделали памятник. Кстати, в этой работе нам очень помог тот факт, что в Германии между населенными пунктами имелись хоть и узкие, но везде асфальтированные дороги.

Когда началось под Мельзаком наступление, меня с февраля 1945-го года назначили командиром 277-й отдельной штрафной роты все той же 3-й армии. Прибыл в штаб части ночью, принял документы, мне сообщили, что все распоряжения и документы могут быть выпущены только с моей подписью, все остальные считаются недействительными. А утром пошел к бойцам принимать роту. Мы тогда стояли в направлении города Хайлигенбайль. Он находился недалеко от побережья залива Фриш-Гаф, и немцы свою технику стягивали на расположенную в заливе косу, для перевозки своих войск в Германию. А в этом городе размещался авиационный завод по производству каких-то приборов. При этом обслуживающий персонал из советских

военнопленных работал под землей. Так что враг цеплялся за Хайлигенбайль. К тому времени мы обладали прекрасными разведданными и уже точно знали, что опасаться стоит не столько вражеской артиллерии, орудий у немцев после отступления оставалось не так и много, сколько минометов, которые активно выпускали в Кенигсберге. Вообще же надо сказать, что немцы не дурные, а дисциплинированные, культурные и сильные вояки, они умели воевать, надо признать. Если намечено у них открыть огонь – то они стреляли, ты уже знаешь, когда они откроют огонь и когда закончат. Дисциплина у нашего противника была на высоте, надо им отдать должное.

Итак, наша рота вышла на исходное положение для наступления, я хорошо запомнил этот день, 23 марта 1945 года. Тепло уже было. Наша авиация стала бомбить город с белоснежными зданиями, рядом Балтийское море. Красота. В строю находилось не больше 200 штрафников, из офицеров только я и командир санитарного взвода. Смотрю, в стороне проходит железная дорога, вокруг которой валяются разбитые вагоны. Решил, пока немцы из минометов не открыли огонь, переведу свою штрафную роту к высокой железнодорожной насыпи. Думал, что мины сверху пролетать будут и нас не зацепят, и так штрафников мало. Замысел-то хороший был. Но совершил перед боем ошибку – у меня на гимнастерке были прикреплены Ордена Боевого красного Знамени и Отечественной войны II степени. Последний был позолоченный, настоящий, а не такой, какой в честь 40-летия Победы всем ветеранам вручали. И видимо, немецкий снайпер по блеску наград меня заприметил и ранил, пуля вошла под плечо и вышла ниже лопатки. Когда я очнулся, командир санитарного взвода, лейтенант, обрабатывает мне рану водкой. Он мне рассказывал перед боем, что всегда имел с собой фляжку с водкой. Сам я никогда перед боем не выпивал, потому что видел: когда человек поест и выпьет, в случае ранения в живот кишки вылезают, это страшная картина. Всего этот немецкий снайпер ранил человек пять, и меня вместе с остальными на палатке волоком с переднего края штрафники вытащили.

Востров Владимир Борисович
(Интервью Г. Койфмана)

старшина, наводчик САУ 1433-й отдельный Новгородский самоходно-артиллерийский полк РГК

Мы шли через Судеты на Прагу. Трое суток не спали. Непрерывные стычки с немцами. Все дороги заминированы, леса по обочинам спилены. Немецкие зенитки с гор бьют по нашей колонне.

Ночью остановились на привал. Вдруг крики со всех сторон: «Победа! Ура! Конец войне!» Солдаты плачут от счастья, стреляют в воздух…

У меня первая мысль в голове мелькнула: «Как конец войне?! У меня же полный боекомплект?!» Но расстрелять этот боекомплект по врагу мне еще представилась возможность. Наш полк вел бои в чешских горах еще пять дней после объявления о капитуляции фашистской Германии.

И несколько ребят из полка погибли в боях уже после Победы…

Четырнадцатого мая сорок пятого года был мой последний бой на войне.

И когда он закончился, я сказал себе: «Все, теперь точно отстрелялся… Скорей бы домой…»

Полонский Лев Маркович *(Интервью Г. Койфмана)*

начальник радиостанции 35-го гвардейского

артиллерийского полка 1-й гвардейской мотострелковой дивизии

И тем не менее в этом наступлении только частям 1-й гвардейской Пролетарской Московской дивизии удалось зацепиться за окраину Кенигсберга и захватить форт «Понарт», или, как тогда говорили, форт № 9 или № 10 (нумерация согласно различным источникам), во внешнем обводе южного кольца немецкой обороны в районе Альтенберга.

В генеральских мемуарах Галицкого взятие форта «Понарт» представлено как очередное гениальное достижение нашей полководческой мысли. Но у Галицкого все мемуары написаны в подобном духе, и как их матерно комментируют фронтовики, мне уже приходилось неоднократно услышать. И что-то мне слабо верится, что форт был взят в результате классически подготовленной войсковой операции.

Я был одним из первых, кто ворвался в «Понарт». Форт был захвачен не в результате какой-то стратегической операции, а по стечению невероятных и счастливых для нас обстоятельств. Во внешнем полукольце обороны у немцев было 15 фортов, каждый в 3–4-километрах друг от друга. Стены трехметровой толщины, бункеры, казематы, все напичкано орудиями, зенитками, пулеметами всех мастей.

Каждый форт – настоящая крепость. В гарнизонах таких фортов находилось по 300–400 подготовленных бойцов. Вся местность между фортами простреливалась фланговым и перекрестным огнем и контролировалась пехотой, зарывшейся в землю и бетон по обводу обороны. Внутренний обвод обороны состоял из 12 фортов.

К форту мы, разведка 3-го артдивизиона, подошли темной ночью, первыми, вместе с разведротой дивизии. И поубивали бы нас там всех за считаные минуты, но тут помог то ли Бог, а то ли случай. Послушайте, как иногда на войне людям везет.

Когда мы ворвались в укрепления перед фортом, то увидели перед собой крутой откос, а далее глубокий ров с водой, шириной примерно 20 метров. Немцы прямо перед нашим расположением забыли убрать переходной мостик! Попытаться перебежать по этому мостику не было смысла: мостик почти упирался в глухую стену и хорошо простреливался с боковых казематов. И тогда появился какой-то лихой старшина, то ли из разведроты, то ли из саперов, который прикатил небольшую бочку с динамитом и имел с собой детонаторы и запальные фитили. Эта бочка ровно покатилась по мостику и взорвалась у самой стены. Через несколько мгновений раздался еще один взрыв чудовищной силы. Стена форта исчезла в дыму и пламени. Когда мы, оглушенные и

контуженые, снова стали что-то соображать, то увидели, что ров перед нами засыпан глыбами земли и обломками стены. Какой-то разведчик крикнул: «В форт! Бегом!» Быстро перебежали и ворвались в огромный проем в стене.

По всей территории форта мы наталкивались на оглушенных и обезумевших от взрыва немцев, которые даже не пытались сопротивляться. Их просто пристреливали на бегу, не было времени брать кого-либо в плен.

От форта уходили подземные ходы в сторону города. Мы проскочили по ходам и даже захватили еще один укрепленный пункт, расположенный за западной стеной форта. В этом укреплении находилась стационарная зенитная батарея с центральным управлением. Батарею развернули в немецкую сторону и стали бить по пригороду Кенигсберга. Пригородные дома находились в километре от нас! В этом укреплении мы просидели больше полутора месяцев. Я захватил себе еще один личный «трофей» – БТР с пушечкой

Так что же произошло в форту?.. Выяснилось, что от взрыва заряда, направленного, героем-старшиной через мостик к стене, сдетонировал и взорвался огромный склад боеприпасов, находившийся прямо в этом месте под землей, этот взрыв и разнес стену форта, обломки которой засыпали глубокий ров, позволив нам перебраться в форт. В другой оконечности форта находился еще один большой склад снарядов и патронов, но он не взлетел на воздух и уцелел.

В мемуарах командарма и еще в нескольких сборниках воспоминаний взятие форта представлено как организованный и подготовленный штурм с массированной артподготовкой и поддержкой с воздуха. Но на самом деле ничего этого не было. Просто нам крупно повезло в ту ночь…

В самом Кенигсберге пришлось нелегко. Был очень тяжелый бой, когда брали Южный Вокзал. Бились с немцами на железнодорожных путях, в здании вокзала. На подходе к вагонному депо и мы, и немцы оказались разделены между собой высокой четырехметровой стеной. Кидали друг в друга гранаты через эту стену…

Дошли до городского зоопарка. Здесь произошел курьезный случай. Ведем бой, а между нами бегают звери, выпущенные из клеток и загонов. Во время боя на них даже не обращали особого внимания.

В районе здания биржи переправились через реку Прегель на подручных средствах, и только тут немецкое сопротивление стало ослабевать.

Уже после того как гарнизон Кенигсберга согласился на

капитуляцию, в подвалах и в домах засело множество недобитых групп, не согласных на сдачу в плен. В основном это были эсэсовцы и офицеры. Эти бились до последнего патрона. Зачистка города продолжалась еще трое суток.

Помню один момент во время зачистки. Шли группой, человек двенадцать, по огромному подвальному помещению. Широкий длинный коридор, слабый свет. С двух сторон коридора было множество дверей. Шли с боем. Вроде всех немцев в подвале поубивали. Стрельба затихла. На какое-то мгновение в самом конце коридора мы расслабились. И тут неожиданно открывается дверь. В проеме двери стоял высокий здоровый немец без кителя. В вытянутой руке пистолет, который он направил прямо на Мишу Богопольского. Расстояние между ними – один метр. Я успел срезать немца автоматной очередью. Он рухнул прямо в ноги к Богопольскому. А тот поднял пистолет с пола и сказал мне: «Держи «трофей»! Спасибо, что спас!» Пистолет оказался тринадцатизарядным «Вальтером», уважаемой всеми фронтовиками моделью. На другой руке у убитого сверкали золотые часы. Командир второго дивизиона Богопольский снял их с его руки и подарил мне эти часы.

Порядочные люди честно воевали до последнего дня войны, не думая ни о каких «трофеях». Но были всякие, с позволения сказать, «товарищи»…

Вообще «трофейная тема» очень многогранная. В самом конце войны в том же Кенигсберге произошел один случай. Стояли с несколькими орудиями в центре прусской столицы. А в центре города оставались еще «необследованные», вернее сказать – неразграбленные, дома. Рядом с разгромленным зданием банка мы увидели шикарного коня под седлом. С нами был КВУ (командир взвода управления), который предложил подарить этого коня нашему командиру дивизиона. Многим эта идея понравилась. Вдруг появляются кавалеристы и заявляют: «Эта лошадь наша!» Начали спорить с ними, все на нервах. Обе стороны схватились за оружие. КВУ дал команду ближайшему расчету: «Орудие! Заряжай! Огонь!» Но кто-то из кавалеристов успел выстрелить раньше, и в тот момент, когда лейтенант кричал «Огонь!», ему пуля попала в открытый рот и вышла через щеку. Лейтенант – КВУ упал, заливаясь кровью. Кавалеристы, понимая, что за это их сейчас щедро «угостят свинцом и картечью», сразу отхлынули назад.

Мы накинули на плечи раненого кожаную тужурку майора Горелова, выскочили на дорогу, остановили встречное движение с криком: «Полковника ранило!», быстро добрались до переправы и

через реку, на понтоне доставили лейтенанта в санбат. Пока лейтенанта оперировали в санбате, кто-то снял с его руки четыре пары часов, которые были надеты «лесенкой», от запястья и выше.

Так что «битва за трофеи» иногда принимала и такие уродливые формы…

А по поводу своих личных «трофеев» что сказать. С войны я привез две пары часов, два трофейных фотоаппарата.

Мы располагались в Кенигсберге в бывшем юнкерском училище. В подвале спортзала, в подземных коммуникациях, я сделал себе «тайник», в котором хранил трофейное оружие – 3 пистолета. Один из них я не смог провезти в Союз во время демобилизации.

Вообще у нас, у молодежи, было наплевательское отношение к каким-то ценностям, к чужому добру. Мы настолько ошалели от самого факта, что выжили на войне, что все остальное нам казалось глупым, пустым и ненужным. Инкрустированное «буржуйское» трюмо, из дорогих пород дерева, обменивалось «баш на баш» на несколько пачек папирос. Осенью 1945 года я провожал на Южном вокзале Кенигсберга своих друзей, возвращавшихся на Родину. Ко мне подошел пожилой подполковник, комендант вокзала.

Долго и пристально, с болью в глазах смотрел на меня, а потом… тихо сказал: «Сын у меня на фронте погиб… А вы так с ним похожи… Сержант, чем тебе помочь? Что тебе отправить?»

И благодаря этому знакомству я мог бы отправить домой вагон добра, и не один. Но у меня не было дома… Мне было некуда и нечего куда-то что-то отправлять. Наш дом немцы сожгли еще в начале войны.

Даже когда осенью 1945 года я мог спокойно демобилизоваться из армии – и как бывший студент, и как получивший три ранения, и как прослуживший в РККА больше шести лет, – то я попросил командование временно задержать меня в армейских рядах. Мать еще работала в госпитале в Ульяновске, отец продолжал служить в армии, а брат на флоте. Мне некуда было податься… В штабе к моей просьбе отнеслись с пониманием.

Несколько боевых ветеранов дивизии собрали из линейных подразделений и перевели служить на штабные должности. Дали нам отдохнуть после войны. Демобилизовался я уже только в 1946 году.

Винницкий Михаил Яковлевич
(Интервью А. Драбкина)

летчик 966-го штурмового авиаполка

Запомнились вылеты в районе Кенигсберга. Надо отдать

должное авиационному командованию, там все было поставлено очень четко. В этот день была прекрасная видимость. Причем нам сказали так: «Работаем с одного захода!» Почему? Потому что очень много было штурмовиков, и чтобы не столкнуться, все группы делали только один заход. Второй вылет, а небо уже закрыто облаками гари. Потом третий вылет. Скажу честно, ничего видно не было. Только с наземного командования давали приказ: «Давайте, сбрасывайте». Сплошной дым над Кенигсбергом! Когда город взяли, то некоторые летчики ездили на экскурсию, но я не поехал. Ребята говорили, что там только какие-то полоумные старухи и старики: Гитлер успел часть людей вывезти.

Потом летали над морем. Лупили по транспорту. Не знаю, какие пассажиры там были… Для полетов над Балтикой нам выдали, как говорится, «один гондон на экипаж»: надувной плот, который при падении в воду надувался. Не знаю, наш он был или иностранный. Я говорю: «Федя, выброси его». Там вода-то какая, пять минут, и все – тебе конец.

Потом сделали несколько полетов на Куршскую косу. Два или три таких вылета мы совершили, потом еще было дополнительно один или два вылета. И все, на этом война была закончена…

Афанасьев Юрий Сергеевич
(Интервью А. Драбкина)

летчик 211-го штурмового авиаполка

И еще один удар мне запомнился. Это был самый тяжелый для меня вылет перед самым концом войны – 25 апреля под Берлином. Немцы к тому времени собрали всю истребительную авиацию в кучу. Мы вдруг получаем сообщение, что немцы прорвали нашу оборону и ведут наступление на город Балцин. Это была уже занятая нами территория, и туда ударили немецкие танки. Послали две четверки штурмовиков и четверку истребителей в прикрытии. Первую четверку вел Костя Балашов, он у нас был заместителем комэска. Вторую – я.

Минут через 20 мы подходим к той линии фронта. По нам открыли сильный зенитный огонь, и наши истребители сразу ушли, больше мы их не видели. Маневрируем, подходим к Балцину, еще пуще зенитки стреляют. Костя по всем правилам поставил звено в круг, заходит на цель – две танковые колонны. Бомбы сбросили. И сделали заход на танки тем, что у нас осталось: эрэсами, пушками и пулеметами. И вдруг снизу вверх, свечой, посередине нашего круга взмывают «мессеры»!!! Правда, нам уже кричат: «Братцы, истребители противника!» Мы начали считать и сбились со счета, столько было немецких истребителей! Потом мы узнали, что их было 32. А нас было 8… Костя, молодец, командует: «Переходим на бреющий!» Самый тяжелый момент – это выходить из круга в нормальный полет, потому что здесь кто-то остается последний, а последним всегда достается. Передо мной выскочил один «фоккер», пытаясь атаковать кого-то передо мной, и я ему «вмазал»! Он задымился, загорелся и куда-то пошел. Мне его зачли как сбитого. Слышу, мой стрелок говорит: «Сейчас нас бить будут». – «Откуда?» – «Слева!» Значит, надо уходить вправо. Ногу даю, без крена, скольжением, из стороны в сторону маневрирую.

Гляжу, третий номер моего звена, мой лучший друг Вася Шеповал, со своим ведомым Мишей Вульфиным вдруг клюнул и пошел в сторону Германии. За ними сразу куча немецких истребителей, «мессеров». Больше мы их не видели и ничего не знаем о них. Кто знает, почему они ушли? Может быть, по ним попали… Нельзя сказать, что они нас бросили – просто не могли вырваться. Теперь, значит, нас осталось 6. Я еще «потелепался» предпоследним, и моего последнего тоже срубили. Я говорю стрелку: «Толя, у тебя есть чем стрелять?» – «Пока есть». Я пристраиваюсь к этой четверке слева. Они низко идут, а я еще ниже, буквально по веткам. Когда самолеты низко идут, к ним снизу не подойти, а сзади их пять стрелков отгоняют. Но вот гляжу, пара истребителей нас догоняет и дает две очереди

залпом: один, второй. С четвертого номера Костиного звена вся обшивка слетела… Четверо нас осталось. Вот здесь я малость струхнул.

Немцы били нас по всем правилам. У ведущего срубили антенну – значит, он остался без радио. У второго вывалились щитки. Чувствую, он пытается ими управлять, но только закроет, они опять открываются. Эти щитки забирают 30–40 км скорости. Хорошо, у него пневмосистема работала! А у третьего – сквозная дыра метрового размера в фюзеляже, и масло льет. А у меня все в порядке, как ни странно.

Еще до нашей территории не дошли, там озеро еще было, как немцы от нас отвалили: там уже начали стрелять наши зенитки. Нас вернулось четверо. Приходим на свой аэродром. Балашов сел первый. Командир полка шумит: «Куда Афанасьев со своей четверкой делся?» А поскольку моя машина была цела, то я ждал, пока все остальные сядут со своими повреждениями. Коржевин, у которого фюзеляж был дырявый, сел на пузо, притер машину вдоль посадочной. И только он коснулся, как у него хвост отвалился, и он на глазах у всех куда-то врезался. Командиру полка говорят: «Коржевин на пузо сел!» Тот схватился: «Я ему сейчас! Такой-сякой, не мог посадить!» Подъезжает в машине, смотрит, хвост отдельно, все отдельно. «Да, – говорит, – трудновато ему садиться было».

После этого, правда, я побывал у особистов. Один спрашивает: «Где был?» Второй: «Где был? Куда удрал?» Все побитые, а я целый! Это был единственный раз, когда у меня было что-то с Особым отделом.

После этого вылета нас отправили во Львов за новыми самолетами. 1 Мая я встречал во Львове. Там была коммерческая продажа, а у нас рейхсмарок было много. Я привез ящик водки, и мы так потихоньку по бутылочке в день «на пару» распивали. А 8-го объявили: «Война окончена!» Все, ура! Все кругом стреляет. Очереди! Мы тоже очереди пустили. Часа в 4 легли спать, навоевались. А в 5 часов, как обычно, подъем, объявляют готовность. «Какая готовность? Война кончилась!» – «Готовность!» Прибыли на аэродром, а там уже составляют боевое расписание. Меня в первый эшелон. Туда, на помощь Праге. Я не особо трезвым был, но ладно, взлетели, все нормально. Вообще, выпивши, лететь нетяжело: когда вылет, все работает на тебя, все концентрируется. Стукнули раз по какой-то деревне, – там база какая-то была. Потом по подъездным дорогам – и туда стукнули. Летим обратно, смотрим, над нашим аэродромом какой-то наш самолет, бомбардировщик, взрывается. Один выпрыгнул оттуда, но до земли не дожил, умер, приземлился мертвым. Вот здесь

стало так… неприятно. Ведь война-то уже закончилась… Почему он взорвался, я не знаю, но бывали такие вещи. Это был последний день войны. 10-го мы уже не летали, хотя и были уже трезвые. Была готовность, но нас уже не выпустили.

Усов Валентин Владимирович
(Интервью А. Драбкина)

механик 109-го Гвардейского штурмового авиаполка

Я сам потерял самолет в начале Висло-Одерской операции в январе 1945 года. Солодилов утром удачно слетал, и дело шло к вечеру, уже все расслабились, решив, что полетов не будет. И вдруг – срочно второй вылет. Повел группу командир полка.

Ведущим у него был штурман полка Солодилов, а за ним шли два командира эскадрильи, зам командира полка и командир звена из первой эскадрильи. Из вылета вернулся только командир звена. Я к нему: «Где мой?!» – «Зенитки. Я видел, что он горел, но линию фронта перетянул». Ночью инженер полка говорит: «Собирайся. Бери инструменты. Полетишь со старшим лейтенантом Базовкиным на По-2 разыскивать». Вылетели на рассвете. Увидели мы такую картину: поле перед и за линией фронта усеяно сбитыми штурмовиками. Начали мы среди них выискивать наши, с опознавательными знаками полка. Вдруг мотор забарахлил, и пришлось нам садиться на аэродром к истребителям, что стояли рядом с линией фронта. Подрулили к стоянке По-2, чтобы нам помогли с ремонтом. Смотрю, бежит высокая сутуловатая фигура – Солодилов! Лоб перевязан. Мы с ним обнялись. Я говорю: «Как?!» – «Ничего, вот только стрелок ногу повредил. Понимаешь, подбили – горю. Увидел площадку, а в это время наши истребители садиться стали. Мне пришлось отвернуть и сесть на нейтралку. Пехотинцы наши подбежали, помогли выбраться. А у них, понимаешь, оказывается, легенда ходит, что эрэсы сульфидином снаряжены (сульфидин применялся в годы войны для лечения венерических заболеваний. – *Прим. ред.*). И они давай под самолет лезть. Я стал стрелять, отгонять их, но куда там…»

Вскоре Солодилову присвоили звание майора и дали Героя Советского Союза, назначив на должность командира полка. Он получил другую машину, и я вместе с ним. Вообще у него был штатный стрелок, но я просился летать, и иногда он брал меня. Меня за это гонял инженер полка, считая, что я летаю, чтобы награды зарабатывать, а мне просто так легче было. Кроме того, в полк пришел стажером командир полка с Дальнего Востока майор Бавин. У него экипажа своего не было, и я летал с ним стрелком. Вот мои-то полеты стрелком и отношение ко мне командира фактически спасли меня в Германии от трибунала. Как-то под вечер мы перелетели под город Грюнберг. Ясно, что полетов не будет. Был у нас в звене Вася Маслов, потомственный крымский винодел. Я ему говорю: «Давай поедем, посмотрим винные подвалы. Все равно вылетов не будет». – «Давай». Мы сели на велосипеды, прихватили две канистры и поехали. Город только взяли – на улицах валяются убитые – и наши, и немцы, раненых собирают, мирных жителей нет, дома пусты и открыты. В огромном подвале, протянувшемся на сотни метров, лежат здоровенные бочки. Пехота бродит, расстреливает их из автоматов – к струе кружку подставит, выпьет глоток, рожу скривит: «Кислятина!!» и – следующую. Я на аэродром вернулся в

розовых портянках. Но Василий – он же винодел. Он два сорта смешал – получилось ничего. Вышли мы из подвала с двумя полными канистрами, а тут подскакивает к нам лощеный, штабной майор на «Виллисе»: «Что это у вас?» Васька объяснил. «Дайте попробовать!» Налили ему кружку. «Ой, какое хорошее вино. Дайте мне его». Мы ему канистру вина, а он нам полканистры спирту. Тут Васька спирт с вином смешал, чтобы ребятам привезти. Пошлялись по городу. А у немцев много разной красивой посуды – сил нет удержаться, чтобы из этой посуды да не выпить. Так я и прикладывался к разным рюмкам. Наприкладывался до того, что на велосипеде уже ехать не смог. А Васька, стервец, говорит: «Я поеду». – «Нельзя! Вместе уезжали, вместе должны вернуться». Но он все равно уехал. Я проехал немного, тут наши на подводе едут: «Ну, что, авиатор? Налетался? Садись, подвезем». Подвезли до поворота на аэродром. Я уже немного пришел в себя, сел на велосипед и добрался до части. Спрашиваю: «Васька приехал?» – «Нет». Поехали его искать – не нашли. Что делать? Протянули до утра, а утром пришлось мне докладывать о том, что Васька пропал. Через день приходит Васька с перевязанным горлом. Он, оказывается, решив сократить дорогу, поехал через лесок. Стало ему жарко, приложился к этой канистре. Дальше ничего не помнит. Его, лежащим поперек дороги, нашли связисты. Причем в горле у него торчал немецкий штык. Кто-то нетвердой рукой его ударил, но только кожу содрал. Его растормошили: «Ты откуда?» – «С аэродрома» – «Куда?» – «На аэродром». Они его посадили на машину и привезли. Но я уже доложил, что он пропал. А тут еще оказалось, что пока мы по городу ходили, он, стервец, в каком-то доме пару маек взял. А как раз вышел приказ изменить отношение к немцам. Поначалу-то, сам знаешь, и насилие, и мародерство было. Через некоторое время стали закручивать гайки и жестоко подавлять любые бесчинства. А тут мы, как горячий пример: самоволка, пьянка, да еще и мародерство. Нас – под арест, и ожидаем приезд трибунала. Вот тут-то Солодилов меня и спас, заявив, что без меня не полетит. Меня из-под ареста – и на самолет. Потом вызвал меня командир дивизии. На глазах порвал наградные материалы и дал 15 суток гауптвахты за самоволку, но отправки в штрафную роту я избежал. А поскольку из нас двоих я был старшим по званию, да к тому же и зачинщик происшествия, то отпустили и Васю.

Война для меня закончилась так. Я, помню, стоял часовым. Полночи отстоял, потом меня сменили. В полк не захотел идти, прилег в штабной землянке. Что-то не спалось, голова ни с того ни с сего разболелась. Оперативный дежурный, начхим капитан

Гуренко, по телефону разговаривает. Один звонок, другой – жизнь идет. Вдруг он как закричит: «Что?! Как кончилась?!» Выскакивает из землянки и начинает палить из пистолета. Я выскочил за ним, и давай стрелять из автомата. Потом зенитчики начали палить вовсю. Смотрим, из деревни полуголые фигуры бегут – там паника поднялась: думали, немцы. Разобрались и тоже стали палить в воздух.

Канищев Василий Алексеевич*(Интервью А. Драбкина)*

летчик 86-го Гвардейского истребительного полка

Немцы шли парой. Сбивать ведущего, конечно, было себе дороже, потому что ведомый-то сзади. Когда ты атакуешь ведущего, то тебя тут ведомый как раз и рубанет. Немцы же были ушлые. Алейников, мой ведущий, был хитрожопый, грубо говоря. Я держался хорошо, реакция нормальная была, но он как даст газ

почти до конца – и шурует. Он повернул влево, я за ним, но мне, чтобы его догнать, надо бы газу добавить, а у меня газ полностью дан, и догнать я его могу, только если он опять влево пойдет и я его подрежу. Мне держаться за ним очень тяжело было. И тут он, как обычно по своей привычке, крутанул влево, я тоже за ним влево и смотрю, внизу два «Фокера». Я Алейникову говорю: «Справа внизу два «Фокера». Атакую!» Ведомый «Фокер» повернул влево. Я еще подумал, что он ножницы делает вокруг своего ведущего. Я его проскочил и нацелился на ведущего. Я до этого стрелял, но все с больших дистанций, метров с 600–800, и конечно, мазал. А тут выждал, пока до него метров сто осталось, и как нажал. У него в воздухе что-то оторвалось, и «Фокер» пошел вниз. Его ведомого я потерял. Тут же начал крутиться, смотреть, где второй «Фокер». Ни хрена его нет. Но ничего, прилетели, сели, у меня такое возбужденное состояние. Тут как раз и командир дивизии на аэродроме. Я вылезаю из самолета. Докладываю командиру полка: «Товарищ командир полка, задание выполнено. Сбил «Фоке-Вульф-190». «Это мы уже знаем, – отвечает. – Уже пришло подтверждение от пехоты. Чего у тебя глаз-то дергается?» – «Задергается. Ведомого-то этого немца я потерял. Думаю, срубит на хрен…» Ты пойми, у меня нет-нет, да и возникала такая мысль. Вдруг опять не повезет, хренак – и собьют, и опять в плену окажешься. Как тогда? Скажут: что ж ты, твою мать, только и делаешь, что перелетаешь туда-сюда. А ведь такое могло быть вполне.

Свой третий самолет я сбил под Берлином. Это был «мессер». Наши нещадно бомбили Берлин. В воздухе стояла гарь, копоть. Берлин горел.

На патрулирование и сопровождение летали полками самолетов по 20. Вот как-то нас подняли. Взлетел я. Осматриваюсь: вроде интересно, все кругом горит. И вдруг – раз, «Мессер». Смотрю, он как будто специально под меня разворачивается. Я пристроился. Нажал. Смотрю, немец пошел вниз. Быстро все получилось. Высота две тысячи. Я за ним еще метров 500 прошел, смотрю, он вниз пошел. Ко второй половине войны уже не засчитывали сбитый самолет, пока не подтвердит пехота, а в городе как подтвердишь? Так что мне его не засчитали, а биться я не стал. Четыре дня до конца войны оставалось уже, буду я там выяснять… Дрались же не за ордена.

Марков Владмир Протасович
(Интервью А. Драбкина)

летчик 91-го истребительного авиационного полка

31 марта 1945 года мы вылетели на штурмовку аэродрома города Ратибора. Группу вел командир полка Ковалев. Завязался

воздушный бой. В какой-то момент я вышел в хвост паре «ФВ-190». Мой ведомый, Гена Смирнов, отбил атаку на меня другой пары и дал мне возможность атаковать «ФВ-190». Одного я сбил, а когда потянулся за ведущим, меня стала отсекать немецкая зенитная артиллерия. Чувствую, попали, начало трясти самолет. Погода была облачная, стояла дымка. В такой обстановке группу искать было невозможно. Мы с Геной вышли из боя, довернули на курс «0» с расчетом выйти на автостраду. Глядим, в дымке курсом на свой аэродром идет пара «Ме-109». Догнать я их не мог, поскольку самолет трясло и набрать скорость я не мог. Сказал Гене: «Сумеешь, атакуй, я буду сзади». Немцы, похоже, нас не видели. Смирнов немного развернулся вправо и атаковал. Несколько отставая, я шел за ним сзади. Одного сбил, а второй «109-й», заметив атаку, быстро вошел в облака. А нам того и надо – пора домой. Облачность прижала нас до 300–400 метров. Я местность просто не узнаю, хотя до этого не один раз водил в этот район группы. По компасу держим курс «0», а фактически полет проходит под другим курсом. Горючее на исходе. Машину трясет, решил я выбрать площадку и садиться. Вроде кругом спокойно, под собой вижу подходящую площадку. Говорю Геннадию: «Прикрывай, сажусь». Сел, немного пробежав, колеса стали зарываться. Самолет поднял хвост и остановился. Я выскочил из машины, вижу, человек на подводе едет. Я к нему, вытащил пистолет. А он, увидев меня, на ломаном русском языке говорит: «Я поляк». Спросил я его, чья территория, где есть аэродром. Он ответил, что территория польская, что русские здесь, а линия фронта где-то километрах в 10–15 (махнул рукой в сторону ее). Далее сказал, что аэродром у такого-то населенного пункта находится. Аэродром оказался, действительно, недалеко. Побежал я к самолету и по радио сказал Гене, куда лететь. Говорю ему: «Садись и приходи ко мне». Он улетел, однако через 7–10 минут вернулся, по радио мне объясняет: «Сесть не смог, аэродром раскис, много воды, опасно садиться». По моей подсказке он также на пределе горючего сел рядом.

Потом выяснилось, что в этом районе действует магнитная аномалия. Вот почему и курс по компасу был неправильный. Мы, сдав польским местным властям под охрану самолеты, взяли парашюты и с помощью поляков добрались до станции. Кстати, мы летали в комбинезонах, а иногда в спортивных костюмах. Так, чтобы не выглядеть офицерами. Поскольку говорили, что офицеров немцы избивали и расстреливали, если брали в плен.

От станции мы две остановки проехали, а затем на машинах автобатальона, который подбрасывал боеприпасы и горючее нашим войскам, добрались поздно ночью до аэродрома. Как

выяснилось, с этого боевого вылета не вернулось шесть человек, в том числе и мы двое. Командир полка был рад нашему возвращению, тем более что еще самолеты целы. Группа техников вылетела на место нашей вынужденной посадки, починили они мой самолет, заправили и перегнали на аэродром.

8 апреля 1945 года наш полк стоял на аэродроме Гроткау. С утра была неплохая погода, высокая облачность, небольшая дымка. Мы вместе с другом Мишей Пятаком получили приказ вылететь на разведку железнодорожной станции города и аэродрома, расположенного восточнее города.

Обойдя стороной аэродром и сам город, мы зашли с запада. На станции стояли три наливных состава «головой» к фронту. Чувствуется, что они только что прибыли, однако с воздуха не было заметно, чтобы их разгружали. Мы доложили о результатах на землю. Нам тут же дали задание сделать два «холостых» захода, чтобы проверить, нет ли у немцев зенитной артиллерии. Мы выполнили, что было нам приказано, доложили, что по нам не стреляли. Как потом выяснилось, немцы, видимо, решили не демаскировать себя. Мы обошли город; взяв курс на северо-восток, пошли на аэродром. Мы шли с прижимом «ножницами», набирая скорость, чтобы пройти пониже и избежать обстрела с земли. Пройдя аэродром, заметили в воздухе только что взлетевшую пару «Ме-109». У нас было удобное положение для атаки, даже разворачиваться почти не надо. Мы с ходу атаковали эту пару. Впереди шел Леша, но после первой очереди у него заело оружие. Он крикнул по радио: «Продолжай атаку!» Что я и сделал. Один упал. Мы проскочили ведущего, довернули влево и на бреющем ушли на свой аэродром.

Доложили командиру, который решил отправить на штурмовку составов пару: Толю Малышева с Витькой Альфонским. Мы им все рассказали. Подходит Малышев к своему самолету и как-то странно себя ведет. Я ему говорю: «Что ты, Толя?» – «Я что-то чувствую. Знаешь, вспомнилось, как горел на Курской дуге». Я ему говорю: «Толя, брось ты! Ни пуха тебе, ни пера!» Полетели они на своих «Як-3». Час проходит. Погода становится все хуже и хуже. Через некоторое время раздался гул мотора, и один «Як» пошел на посадку. Вернулся Альфонский.

От него мы узнали, что пошли они по нашему маршруту на железнодорожный узел. Знали от нас, что там не стреляют. Первый заход сделали под углом к составам, чтобы как можно дольше быть над целью. Стали уходить, все, что могло с земли стрелять, все по ним открыло огонь. Малышеву снаряд попал в распределительный бачок. Альфонский говорил, что видел, как от его самолета пошли белые, а затем черные струи. Толя стал

задыхаться, фонарь открыл. (Летали ведь с закрытым фонарем. Приучались к этому. К слову, приучаться приходилось и к рации, ведь поначалу ими не пользовались. Когда ввели звания: летчик-радист 3-го класса, 2-го, 1-го, летчик-радист-мастер, за которые доплачивали, стали ими пользоваться.) И вот Толя фонарь открыл. А надо сказать еще, что мы летали в немецких сеточках. Мы их под Бригом захватили. А то ведь в наших шлемофонах голова потеет и волосы выпадают. Даже шелковые подшлемники не спасали. Пламя перекинулось Малышеву на голову. Альфонский ему кричал: «Толька, тяни!!!» Километров 15 до линии фронта оставалось, а высота метров 900. Но видимо, сил терпеть у него уже не было. Он перевернул самолет и выбросился. Попал в плен и вернулся в полк 13 мая.

Бреслау был взят 7 мая. Мы звеньями находились на боевом дежурстве. Самолеты на деревянных настилах стояли вдоль взлетной полосы. Со мной дежурили Леша Пятак, Юра Данилов и Гена Смирнов. Время подходило к обеду. Погода стояла ясная, солнечная, по-настоящему весенняя. Вдруг видим, прямо вдоль взлетной полосы нахально идет шестерка «Ме-109» на высоте около 1500 метров. По тревоге немедленно поднялись в воздух. За нами еще поднялись две или три пары из другого полка, базировавшегося на этом аэродроме. Завязался воздушный бой. Группа немецких самолетов распалась. Один «Ме-109» атаковал «Як» из другого полка. Вышло так, что я оказался несколько ближе к «Ме-109» в выгодном для атаки положении. Дал одну очередь, другую. Вижу хлопки дыма от мотора, перебои винта, лицо немецкого летчика, его взгляд – влево назад на меня, большие белые кресты на крыльях его самолета. Это картина врезалась в память. Еще очередь, и он сваливает на крыло свой самолет и с дымом потянул к линии фронта.

Под вечер пришла после выполнения задания группа самолетов «Пе-2» в сопровождении «яков». Приземлились все бомбардировщики и почти все истребители сопровождения. Только один «Як» шел к третьему развороту, выпустил шасси прямо по-школьному. В этот момент со стороны солнца «Ме-109» на большой скорости с прижимом идет прямо на него в атаку. Кричим летчику: «Смотри, сзади «Ме-109»!» Как будто он мог услышать. Но ему, видимо, подсказали по радио. Он резко заложил левый крен, и «мессер» на большой скорости проскочил мимо. Атака не удалась. А вообще, это не единственный случай, когда фашисты приходили мстить за своих напарников.

8 мая мы перелетели под Берлин. Погода была ясная. Меня поднимает командир полка: «Лети на тракт такой-то». Я полетел, докладываю: «Князь, я Ласточка-8, пришел 204 (то есть

четверкой), дайте мне работу». Мне отвечают: «Ласточка-8, Марков, большое вам спасибо за работу. Выполняйте 555». Это был единый номер, означавший возвращение на аэродром. Я говорю: «Князь, вы перепутали, я только что пришел на работу, тут были другие группы». Мне еще раз повторили: «Нет, не перепутали, выполняйте 555, спасибо за работу». Подхожу к аэродрому. Командир полка Ковалев мне: «Я Задорный, почему Ласточка-8 прилетел?» Отвечаю, что доложу на земле. Дело в том, что у нас 5 мая годовщина части намечалась, но ее передвинули на 8-е. На дежурстве приказали оставить шестерку, остальным готовиться к вечеру. А у меня как сердце чувствовало, все бреются, а я не стал. И точно, слышу, боевая тревога! Это часа в 2 дня было. Мы побежали на аэродром, полком поднялись в воздух и полетели на Прагу. Оттуда я привез две пробоины – одна пуля в патрубок попала, вторая – в лонжерон. Вот так война закончилась. Всего я выполнил 139 боевых вылетов, сбил шесть самолетов противника.

Дементеев Борис Степанович
(Интервью А. Драбкина)

летчик 101-го Гвардейсккого истребительного полка

В 1945 году летали на сопровождение бомбардировщиков, летали на штурмовку. Бомбы бросали. Нам вместо подвесного

бака к самолету подвешивали одну 250-килограммовую бомбу. Ходили на Данциг, бомбили корабли. Кто как мог, конечно… Один раз велели бомбить эсминец, который обстреливал наши войска. Дня три его гоняли. Как только мы появлялись, смотрим, он сразу прекращает стрелять и начинает маневрировать. Попасть в него тяжело, но хоть отгоняли. Хотя командир первой эскадрильи Зорин говорил, что мы его потопили, но на следующий день опять наши наземные войска помощи попросили. Может, моряки потопили. Его 250-килограммовой бомбой не потопишь. Потом наши Данцинг взяли, он куда-то ушел.

Воздушных боев практически не было. Летчики противника послабее стали, чем в начале войны. В Польше летали, шестеркой сопровождали девятку «Бостонов» на город километрах в 60–70 от линии фронта. Я парой в ударной группе, а Боря Степанов парой выполняет роль непосредственного прикрытия. Бомбардировщики на боевой курс с ходу встали. Смотрю, навстречу выше нас метров до 500–1000 идет группа «фоккеров» и «мессеров». Всего штук 30. Ну, думаю, сейчас драчка будет. Моя задача – сохранить бомбардировщиков. Сам погибай, а бомбардировщиков сохрани. Они на боевом курсе, не шевельнуться. Сейчас сбросят бомбы, начнут разворачиваться, на развороте их немцы и начнут лупить. Смотрю, один атакует Степанова – напористый такой, с пикирования на скорости. Я говорю: «Боря, в хвосте «худой». – «Вижу». Я сказал, а сам направился на этого «худого». По крайней мере, хоть пугну, чтобы не атаковал. Заметил он меня, и сразу вправо в сторону, раз, полупереворот и ушел. Другие крутятся, вертятся, но практически не атакуют. Видно, послабее летчики были. Бомбардировщики уже развернулись. Бостон, если идет налегке с принижением, то скорость у него хорошая. Пошли с курсом на аэродром. Смотрю, четыре «фоккера» за нами. У меня ведомым молодой летчик. Думаю, связываться с этими четырьмя «фоккерами» или нет? Пока они далековато еще. Можно развернуться и с передней полусферы… Хотя бы одного снять, а остальные рассыпятся. Но я могу ведомого потерять, а он может заблудиться. Ждал, ждал. Думаю, если подойдут, тогда, конечно, придется завязать бой. Не получилось… Они в какой-то момент развернулись и ушли.

Когда на Берлин ходили, я видел «мессеры», но они не атаковали наших бомбардировщиков. А я не мог оторваться от бомбардировщиков, чтобы самому атаковать. Вот потому и не настрелял больше.

Мовшевич Юрий Моисеевич
(Интервью А. Драбкина)

летчик 89-го гвардейского истребительного полка

4 мая весь личный состав полка посадили на две бортовые машины и поехали посмотреть Берлин. Когда выехали в предместье Берлина, еще раз убедился, что здесь не было войны,

но чем ближе к центру, тем больше разрушений и пожаров. Где-то я читал, что и до войны Берлин был сумрачным и мрачным из-за того, что почти все здания были темно-серого цвета, а теперь, в связи со следами пожаров, стал и того мрачнее. Выехали в центр, к Рейхстагу, и на его ступенях мы сфотографировались всем полком. Запомнилась группа немецких пленных солдат, стоящих у Рейхстага. Охранял, по-видимому, один наш солдат. Да и куда и зачем им было бежать.

Недалеко валялся опрокинутый набок ларек типа наших «Союзпечать», и из него вывалились газеты, журналы и открытки. Я поднял одну открытку. На ней был изображен один из видов Берлина. Поднял еще и еще – Берлин. Решил на память собрать эти виды. Начал копаться в куче, выбирая открытки. Мне все время попадался какой-то кусок белой материи, мешая мне отыскивать новые открытки. Наконец он мне надоел, и я решил его вытащить. Потянул. Не тут-то было, не идет. Тогда я напрягся и выдернул его. Оказался этот кусок материи нижним бельем трупа мужчины. Рыться в куче мне сразу расхотелось. Тут кто-то подал идею: «Поедем, посмотрим имперскую канцелярию». Решено. Мы залезли в свои две грузовые автомашины, впереди в легковой командование полка, и поехали от Рейхстага по улице. Вдруг на передней машине кто-то стал стучать по кабине шофера. Машины остановились. Оказалось, кто-то увидел, как из подворотни выносят охапки бутылок, по-видимому с «выпивкой». И вот ведь как получается: несколько человек, забыв обо всем на свете, кинулись за дармовой выпивкой, а остальные, повинуясь стадному инстинкту, за ними. Так из-за какой-то выпивки, которую выпил и назавтра забыл, мы не посмотрели имперскую канцелярию, последнее прибежище Гитлера!

Так как поездка к имперской канцелярии не состоялась, мы начали разбредаться, кто куда. Почти все дома в этом районе Унтер-ден-Линден были разбиты: без окон и дверей и с разбитыми крышами и полами между этажей. Мы зашли на 1-й этаж одного из домов. Там, по-видимому, располагалась большая часовая мастерская. На столах стояли, как игрушечные, станочки: токарные, сверлильные, фрезерные и еще какие-то. Разбросано было много деталей…

В последние дни войны мы прикрывали наступление наших войск на Прагу. Стояла ясная погода, истребительные полки, сменяя друг друга, непрерывно находились над нашими войсками. Не помню, чтобы появился хоть один немецкий самолет. Чтобы удобнее было прикрывать свои войска, мы перелетали на юг с аэродрома на аэродром. Наконец перелетели в г. Риза, расположенный на реке Эльба, километрах в 40 или 50 от

Дрездена. Сказать, что это были прогулочные полеты, нельзя, так как в некоторых местах шли воздушные бои. Последний немецкий бомбардировщик был сбит над Прагой 12 мая, хотя война официально закончилась. Ну а пока война еще шла, мы обязаны были совершать боевые вылеты. И так как чувствовалось, что война вот-вот кончится, какое-то появилось расхолаживание: не было наблюдателей за воздухом, не стояли наготове дежурные звенья. И однажды, часов в 10 утра, вдруг над нашим аэродромом появились с десяток «Юнкерсов 87», так называемые «лаптежники». Вот тут мы малость заметались, но, к нашему удивлению, немецкие летчики, увидев, что на аэродроме находятся наши истребители и некоторые из них стали выруливать, чтобы взлететь, вдруг отвернули в стороны и стали садиться на полях вокруг аэродрома. К ним побежали наши автоматчики. Выяснилось, что в этой части командование сказало, что войне капут и летите куда хотите. А так как в Ризе они когда-то располагались, то и решили вернуться домой. Наверное, здесь были их семьи – в кабинах вместо стрелков были жены этих летчиков.

Однажды после летного дня мы вернулись на ночлег в маленькую двухэтажную виллу, выделенную нашей эскадрилье и располагавшуюся на левом, высоком берегу Эльбы. Когда в январе 1945 г. мы начали наступление, в эскадрилье было 12 летчиков по штату и несколько сверхштатных, а сейчас, в начале мая, нас осталось человек пять или семь. Остальные погибли за эти 3–3,5 месяца. На втором этаже были спальни, и мы легли спать. И вдруг поднялся шум. На улице возникла страшная стрельба. Мы перепугались, быстро оделись и спустились на первый этаж. В руках у нас были пистолеты «ТТ» – все наше оружие. Мы решили, что это прорывающиеся на запад немцы. Приняли решение отстреливаться до тех пор, пока нас не выручит пехота. Настроение было отвратительное! И вдруг в двери начали сильно стучать, прорываясь к нам. Ну началось! Раздался из-за двери громкий и сильно взволнованный голос нашего постоянного дневального, пожилого солдата Сонина: «Товарищи офицера (он ударение делал на последнее «а»), Победа!!! Победа!!! Кончилась война!». Мы сперва не поверили. Уж больно было неожиданно! И как будто буднично! А он все ломился и кричал. Осторожно открыли двери. Сонин, встретив нас, все взахлеб кричал: «Победа!!!» Выскочив на улицу, мы увидели… Конечно, бывают очень красивые фейерверки. Но тут над городом висела какая-то разноцветная сеть. Она все время двигалась и меняла цвета. Это из всего, что могло стрелять – стреляли трассирующими пулями и снарядами. Их прошивали в разных местах разноцветные ракеты.

Солдаты, сержанты и офицеры – все перемешались. И я вдруг почувствовал огромное облегчение, как будто тащил на гору огромный груз, а тут все сбросил. Это отступило постоянное нервное напряжение, которое раньше было незаметно. Вдруг понял. Все! В меня не будут стрелять ни на земле, ни в воздухе! Не будут бомбить, если и полечу, только в учебный полет – легко и замечательно. На кой хрен мне эта война!

Беспалов Николай Ефимович
(Интервью А. Драбкина)

летчик 106-го гвардейского истребительного полка

22 февраля 1945-го сели мы в Германии, на знаменитом аэродроме Шпратау. И там командир полка Михаил Васильевич

Кузнецов (впоследствии дважды Герой Советского Союза) собрал шестерку, чтобы поохотиться, «пошакалить», как мы говорили. У нас был боевой командир, летающий. Есть командиры, которые руководят, а этот летающий. Если начиналась операция, первым вылетал командир полка, Михаил Васильевич Кузнецов, с четверочкой. Первый вылет, посмотреть, что и как. Он летал очень часто. У него было 32 сбитых самолета! Себе в пару он взял Лешу Пенизя, да еще наше звено: Забырин, Звонарев Костя, Симакин и я. Взлетели мы, вышли на линию фронта, и вдруг наземная рация передает Кузнецову: «Идет 20 самолетов «Фоккевульф-190» бомбить переправу». А тогда же как раз была Берлинская операция, командующим фронтом был Конев. Сцепились мы с этой группой, разогнали их, семь сбили. Как происходил сам бой? Так не расскажешь, это надо там участвовать. Мы шли выше и встретили их перед линией фронта. Заметив нас, они сразу бомбы сбросили на свою территорию. И начался бой. Ох, как мы тогда крутились, вертелись. Получилось, что «фоккер» как раз передо мной делал разворот – он мне брюхо подставил, мишень! Может быть, немец не сообразил, что делает, там же такая свалка была, что все перед глазами крутилось. Я как дал по нему! Вот это мой единственный лично сбитый. Конечно, я не видел, как он падает – там не до того было. Когда прилетели, у командира была огромная дырка в хвосте, у меня в плоскости дырка. Такой бой не забудешь. Мы тогда сели, доложили обо всем, обменялись мнениями, приходим на КП. А там нас уже поздравляют. Недоумеваем: «С чем?» – «С Орденом Красного Знамени». Вот какая была оперативность командующего фронтом. Нам сразу всем ордена дали за тот бой. Но напряжение там было громадное, их же двадцать, нас шесть. Командиру вообще удивительно повезло, что у него оказалось не пробито рулевое управление. Мы тогда, как сели, все мокрые были. Более напряженного дня у меня не было за всю войну.

Гехтман Эля Гершевич ***(Интервью Г. Койфмана)***

стрелок 156-го гвардейского стрелкового полка 51-й гвардейской стрелковой дивизии

В начале мая сорок пятого нас перебросили на новый участок, под Лиепаю.

Мы открыто совершили дневной переход, у немцев уже не было в Курляндии бомбардировочной авиации. Разведрота, как обычно, шла впереди дивизионной колонны. Смотрим, навстречу нам идут по дороге пять немецких БТРов и огня не открывают.

Мы остановились и изготовились к бою. На крыльях БТРов лежали люди в нашей офицерской форме, и мы подумали, что это «власовцы» или, может, немцы чего-то замудрили. У одного из разведчиков не выдержали нервы, он бросил гранату в первый БТР и ранил одного из офицеров. Стали разбираться, кто такие, и оказалось, что это наши офицеры, десять человек, по два на каждый бронетранспортер, сопровождают немецкое командование из гарнизона Либавы на переговоры к командующему фронтом Баграмяну в населенный пункт Айспуте. Наша колонна пропустила парламентеров, и нам стало ясно, что войне наступает конец. Потом трое суток подряд мы занимались прочесыванием нового участка дислокации дивизии, вылавливали «окруженцев» и «власовцев» по лесам, и выполняли приказ: «Собрать все взрослое мужское население от 15 до 60 лет из прифронтовой полосы» в нашем районе. И тут 9 мая рота получает приказ: «Взять языка», и жребий судьбы выпал так, что именно нашей группе приказали провести поиск. Пошли вдевятером, трое в группе захвата. Нам не дали времени подготовиться к поиску, изучить местность предстоящей работы. Взводный вообще остался в первой траншее, а наша группа выползла на нейтралку, готовясь, как стемнеет, внезапно взять «языка».

Еще было совсем светло, и мы все скопом залегли в высоком кустарнике.

Стали обсуждать полученное задание, и никто из нас не понял, почему сейчас нужен контрольный «язык», когда немцы уже толпами сдаются в плен. Что еще командованию неизвестно? «Языков» и так хоть пруд пруди… Зачем нам погибать, когда война вот-вот кончится? Наше «собрание» закончилось тем, что вся группа вместе приняла решение: задание не выполнять. Как стемнело, мы поползли вперед, специально «пошумели», немцы нас засекли и обстреляли, и под огнем противника мы, все целые, вернулись к своим позициям, мол, делать нечего, группа обнаружена на нейтральной полосе…

Вот таким выдался для меня последний день войны…

Москалев Алексей Владимирович *(Интервью А. Драбкина)*

стрелок 117-го стрелкового полка, 23-й стрелковой дивизии

Подходит ко мне старший лейтенант, армянин:

– Слушай, ты кто такой? Пойдешь ко мне? Я командир стрелковой роты.

– И я тоже пехотинец, пойду.

Звали его Сережа Арбаньян. Так я оказался опять в пехоте, в роте 117-го полка 23-й стрелковой дивизии, 61-й армии, которой командовал герой боев под Москвой Белов Павел Алексеевич. Я с этими войсками освобождал Варшаву, шел к Берлину… Подошли к Одеру. Остановились. Тут прибежал связной от командира

батальона к командиру нашей роты, к Сереже. Он побежал. Возвращается, и ко мне: «Бегом к комбату». Я побежал по траншее, прибежал к комбату.

– У тебя сколько классов образования?

– 9 классов.

– У-у-у.

У всех-то было 5–7 классов, так что я числился академиком.

– Комсомолец?

– Да.

– У тебя что в роте осталось?

– Вещмешок.

– Бегом туда и обратно сюда. Поедешь на армейские курсы младших лейтенантов. Курсы находятся в 30 километрах, в Кирице, где штаб армии.

– Я не хочу быть офицером! Скоро война закончится, я хочу быть юристом, как мой отец!

– Тебе что сказали? Через 4 месяца, чтобы приехал ко мне в батальон младшим лейтенантом. Понял? А то свяжем и отвезем туда.

– Есть!

Пришел, говорю:

– Товарищ старший лейтенант, вы что же меня предали?! Мы с вами так хорошо воевали!

Он мне говорит:

– Слушай, Леша, Одер – четыре рукава. Будем форсировать – поплывут наши кости в Северное море. У меня только за триппер три справки, а ты молодой, давай, собирайся…

– Не хочу я! Хочу честно дослужить, а потом уволюсь и в институт…

– Тебе сказали, бери свой вещмешок, бегом туда, поедешь в Кирицу.

– Есть.

Я не знаю, что с ним дальше случилось, искал его, искал, так и не нашел. Живой он, не живой.

На курсах я, ефрейтор, командовал старшинами, старшими сержантами, сержантами, хотя был самый молодой, но почему-то меня назначили – начал рядовым, через неделю стал командиром отделения, через неделю – помкомвзвода. Взводного я так и не видел, может, ходил по немецким бабам. Провожу занятия, все нормально. Рядом польский госпиталь, везут раненых поляков:

– Откуда, панове?

– Пытались Одер форсировать.

– Пустил немец?

– Нет, не пустил.

Сутки идут, вторые, я со взводом занятия провожу по тактике, по строевой. Опять везут:

– Ей, паны, чего?

– Опять пытались форсировать.

– Пустил немец?

– Нет, не пустил.

Ну потом наши как врезали, так немец и драпанул. Нас бросили туда, но Одер я форсировал уже по наведенному понтонному мосту.

В Эберсвальде, что в 30–35 километрах от Берлина, немец стрельнул в меня из фаустпатрона, как в танк, но не попал. Увидев, что в меня летит набалдашник с длинной трубкой, я успел шмыгнуть в калитку – ноги у меня были очень сильные, крепкие, какие положено было иметь пехотинцу. Взрыв. Я выскакиваю, тю-тю-тю из автомата, но никого уже нет.

Борисов Михаил Федорович
(Интервью А. Драбкина)

курсант фронтовых курсов младших лейтенантов Первого белорусского фронта

22 марта 1945 года. Наш НП располагался за Одером, южнее Кюстрина, в отдельно стоящем домике, крытом черепицей. Мы пару черепиц убрали, высунули стереотрубу и наблюдали за противником, засекая цели. В честь дня рождения накрыли небольшой столик – фляжку поставили, какая-то закуска. Приготовились выпить. Вдруг подъезжает машина командира полка полковника Шаповалова. Он входит: «Это что за безобразие?! Почему у стереотрубы никого нет?!» Не моя была очередь, а лейтенанта Летвиненко, тоже Героя Советского Союза. Он что-то мнется. Я думаю: так, командир полка минут 5, не больше, здесь задержится и уедет. Я спущусь. Полез туда. Только к стереотрубе подошел – мина! Меня сбросило с чердака вниз. До сих пор помню белое лицо Шаповалова. Он подумал, что это по его вине меня ранило. Меня на руках донесли до амфибии и через Одер в госпиталь отправили. В госпитале лежалось хорошо. Палата на одного человека. Кто-то из ребят приехал, притащил бочонок с коньяком, под койку поставил. Раненые пронюхали и перед обедом робко заходят: «У тебя там еще осталось? Не нальешь?» Наливал, пока было. Кормили хорошо. Трофеев много было. Вечером приходила сестра-хозяйка, спрашивала: «Что вам на завтрак? Что вам на обед? Что вам на ужин?» Почему? Потому что я обычную пищу не мог есть. У меня ранение было в челюсть. В общем – рай, но в этом раю мне не лежалось. Опять рванул на передний край. Потому что готовилось наступление, это я знал. Приехал к своим, вступил в свои обязанности. И вот 16-го пошли в наступление. А перед Берлином идем вечером на НП с командиром батареи. Он идет по верху, по поверхности, я залез в траншею, иду по траншее. Он мне говорит: «Вылезай». Я вылез. «Ты что, не знаешь, что ли, он по вечерам и по ночам над землей стелет, если по верху идти, попадет в ногу, а если будешь там идти, то попадет в голову». Только проговорил – очередь, и меня ранило в ногу. Тут я уже никуда не пошел, в санбате трое суток, и на батарею – с костылями. Кость была цела, в мякоть попали. Перевязку мне делали, заросло быстро, но на костылях. 1 мая не выдержал. Я уже был командиром взвода управления, это не мое дело быть на огневой позиции. А тут подошел к одной из пушек, ребят попросил позаряжать, а впереди была, я ее хорошо видел, рейхсканцелярия. Я штук 10 по этой рейхсканцелярии выпустил, отвел душу. А дня через 2, наверное, пошел тоже с ребятами к Рейхстагу, там уже было наше знамя. Вокруг известка, копоть, все обгорелое, полуразрушенное. Везде надписи. Я не удержался, тоже взял кусок известки и написал. «Я из Сибири». И подписался – Михаил Борисов. Это был первый в жизни автограф. Я решил,

что на этом моя война закончилась. Только позже я понял, что она осталась во мне на всю жизнь.

Потом из Берлина нас отвели в лес. Потому что Берлин был перегружен войсками. Где-то в ночь на 9-е поднялась дикая стрельба. А я спал в кузове машины. Хватаюсь за автомат, выскакиваю. Думаю, где-то немцы высадили десант. Со всех сторон сбегаются ребята, кто с автоматом, кто с пистолетом. Не знаем, в чем дело? Бежит командир полка. Улыбка от уха до уха: ребята, война окончилась! Гитлеровцы капитулировали! У кого что было, давай палить. А потом показалось мало, мы пушки развернули и по просеке боевыми снарядами лупили. По десятку снарядов выпустили. А потом открыли двери всех складов. Одни сбивают столы из неотструганных досок, другие со складов тащат все, что можно. Сели за столы и отметили День Победы. Кто как мог и кто сколько мог. А потом началась мирная, совсем не легкая жизнь.

Назаров Борис Васильевич
(Интервью А. Драбкина)

командир взвода 163-го истребительно-противотанкового полка

Последний бой с немецкими танками мы приняли в Померании, под Дойч-Кроне. Нам было приказано занять позиции за фольварком Хлебово. Мой взвод замыкал колонну полка. Примерно за километр до фольварка колонна была встречена пехотинцами, которые махали руками и кричали: «Куда вы прете?! Там немцы!» Шедшие первыми батареи успели свернуть вправо от дороги и скрыться в лесу, а по нашей открыли огонь немецкие танки. Машины первого взвода, пытаясь съехать вправо от дороги, застряли в кювете. Я вылез из кабины и дал знак

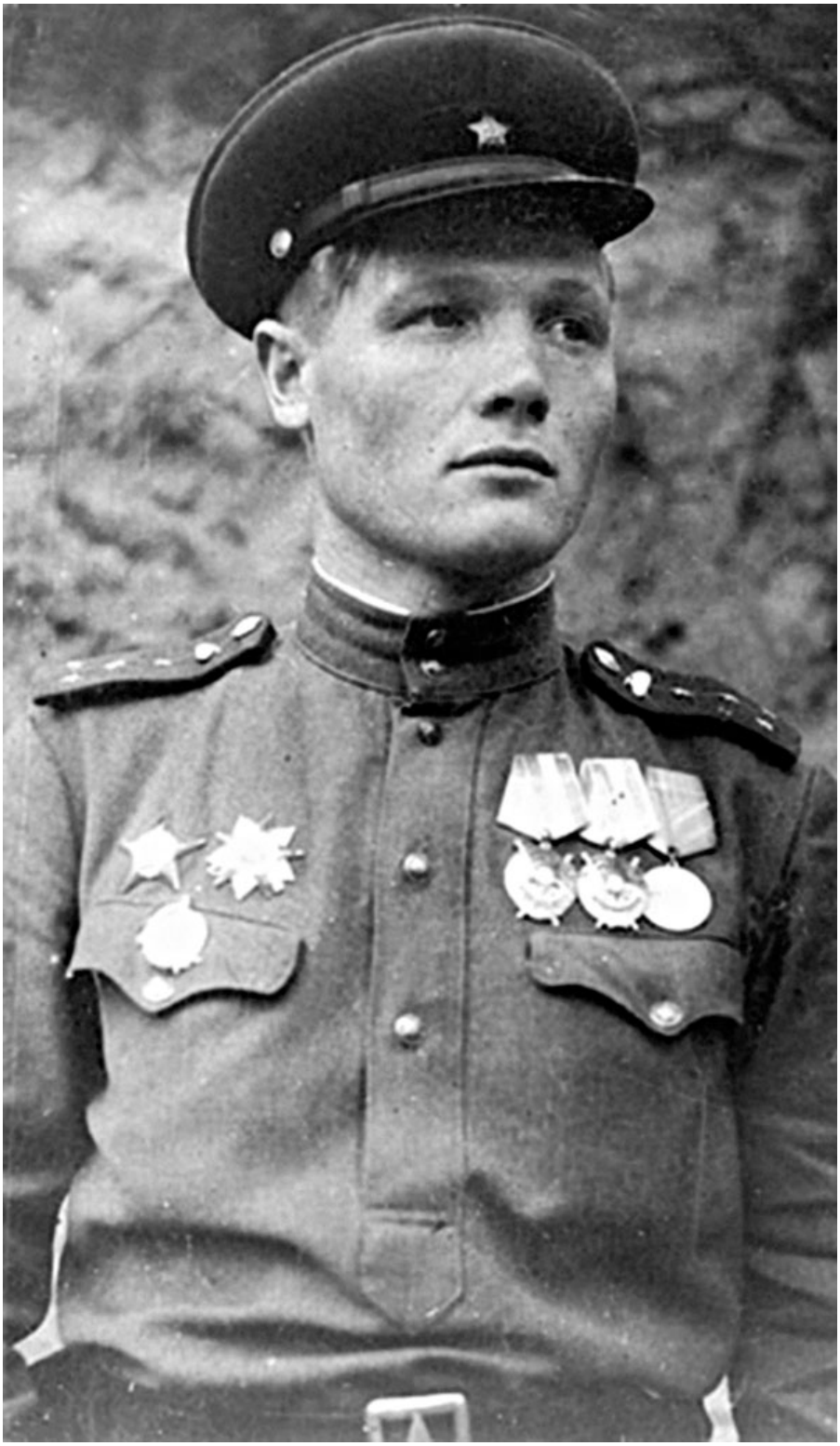
второму орудию съехать с дороги влево и занять позицию за буртом с картошкой. Там же занимало позиции подразделение «катюш», намеревавшихся открыть огонь по фольварку. Сам же проехал немного вперед, где виднелся съезд с дороги вправо от шоссе. Мы под огнем отцепили орудие, откатили его к лесу, заняв позицию между деревьями, сбросили ящики со снарядами. Впереди виднелась траншея, упиравшаяся одни концом в дорогу, а другим в озерцо. Наводчик старший сержант Варлашкин, заметив, что в траншее полно немецких солдат, открыл по ней огонь, и те побежали, неся потери. Мы с Варлашкиным стали разворачивать орудие в сторону приближавшихся немецких танков, и в этот момент болванка оторвала ему ногу ниже колена. Я стащил его в канаву, наложил жгут из брючного ремня. Нога у Николая висела на сапоге, из которого текла кровь. Я взвалил его на спину и пытался оттащить от орудия, но тут подоспели ребята и потащили его дальше, к студебеккеру. Вернувшись к орудию, я увидел, как немецкий снаряд попал в одну из установок «катюши», и они, подрываясь, по очереди были уничтожены, там погибло и мое второе орудие с расчетом. В это время в проход между дорогой и озером в атаку на позиции нашей пехоты пошли немецкие танки и самоходки. Подпустив их метров на 200–300, я в борт сжег две машины, а остальные повернули обратно.

После разгрома танковой группировки в Памерании наш полк маршем был направлен к Берлину. На наших глазах немецкая армия разваливалась. Повторялся наш 1941 год, но наоборот… Немцев так было много, что их уже не брали в плен, и они колоннами шли в неизвестном направлении. На этом марше наш взвод потерял командира орудия Масюка. Он стоял ночью на посту у дома, где находился командир батареи. Мимо него прошла колонна, и один из нее подошел к Масюку прикурить. Поняв, что перед ним немецкий офицер, он взял его в плен и завел в дом. Пока комбат разбирался с обер-лейтенантом, Масюк – с отобранным у того парабеллумом, и сам застрелил себя.

Во время подготовки наступления на Берлин окончательно решился вопрос о переформировании полка в тяжелый самоходный. Мы успели получить четыре самоходки ИСУ-152, «коровы», как их называли, и я стал командиром одной из них. Мы были приданы штурмовым группам, которые состояли из пехотинцев, саперов. Когда начались бои за Берлин, мы в составе штурмовой группы шли по улицам и в основном вели огонь из пулемета по открытым окнам верхних этажей и по подвалам. На нашем направлении сопротивление было разрозненное и слабое. 1 мая мы двигались к центру города по одной из улиц. Неожиданно нашу самоходку крутануло. Я вылез люка, чтобы

посмотреть, что произошло. Гусеница была сорвана взрывом снаряда или мины. В этот момент недалеко разорвался снаряд и осколок ударил меня по коленке, разбив коленную чашечку и порвав связки. Я упал. Меня подхватили ребята и оттащили в подвал, где перевязали. Ребята наложили шину из двух палок, завязали их проволокой и попытались меня научить ходить с этим приспособлением. Но я не смог. В этом подвале я пролежал до вечера второго мая. Ребята бегали, помню, принесли сигары, французский коньяк. Потом притащили целый бидон. Говорят: «Мы тебе мороженого принесли». Дали ложку, я, когда ковырнул, попробовал – оказалась известка. Они сами не попробовали, перли-перли – мороженым угостить! Вскоре меня отвезли в госпиталь в Потсдам. Немецкие врачи делали мне операцию и вставили протез коленного сустава. После излечения я был демобилизован в 1946 году из рядов РККА по статье 1А. Ходить я мог, только опираясь на палку.

Шишкин Николай Константинович
(Интервью А. Драбкина)



командир батареи 1545-го тяжелого самоходного полка

Подошли к Эльбингу примерно 20–25 января. Взяли город ночью. В ресторанах играла музыка, гуляки на улице были. Нашему полку поставили задачу занять деревни Баумгарт (Ogorodniki), Трунц (Milejewo) и Гросс Штобой (Kamiennik Wielki), с тем чтобы перекрыть дорогу на Эльбинг отступающим из-под Кенигсберга немецким частям. Моя батарея расположилась у деревни Гросс Штобой, батарея капитана Зверева заняла Баумгарт, и еще одна батарея – Трунц. К своим позициям мы на буксире подтянули два брошенных «Шермана» – они не могли забраться на пригорок по обледеневшей дороге, и, видимо, их бросили. Потом их пулеметы мне здорово помогли.

Немцы сначала пошли правее автострады, нарвались на батарею Зверева, отошли и решили прорываться по автостраде. Ничего другого им не оставалось – прорваться по раскисшим полям было невозможно. Где-то утром, 29 или 30 января, они пошли на меня. В течение дня те танки, что пытались пройти по дороге, мы сожгли. На другой день они повторили попытку прорваться. Мы снова их отбили. Пехоту побили, но у меня снаряды кончаются. Оставалось всего лишь по 10–12 на машину. Немецкая пехота вышла на наши позиции, но, слава Богу, ни гранат, ни мин у них не было. Пришлось отбиваться автоматами и гранатами. Кое-как мы от них отбились. Даже пленных захватили – набили в сарай человек пятнадцать. Они стоят, трясутся – думали, что их сейчас расстреляют, но у нас хватило воли их не расстрелять… В какой-то момент я из своей машины увидел, что несколько танков свернуло с дороги в лощину, пытаясь выйти к нам на левый фланг. Радио не работало, и я решил лично поставить задачу крайним машинам выйти левее и прикрыть лощину. Выскочил из машины, рядом находился старшина Семин, моторист-регулировщик. А механиком-водителем моей машины был его брат, техник-лейтенант Семин Николай Константинович. Мы отошли метров на двадцать. Моя машина выстрелила. Недолет или перелет. Думаю, сейчас будет второй выстрел. Вместо выстрела машина взорвалась. Старшина Алексей Семин на меня облокотился: «Комбат, молчите! Не сообщайте ничего домой. Мать умрет от горя». У него недавно брат-летчик погиб, теперь еще один брат сгорел на глазах… Встретились они в Румынии. Наш полк готовился к атаке, а тут пришли ребята-танкисты из другого корпуса. Сидим, разговариваем: «Вы откуда?» – «Прибыли с Дальнего Востока вам помогать, а то у вас тут ничего не получается». Туда-сюда… подначки… Кто-то говорит: «Семин иди сюда, тут ребята с

Дальнего Востока прибыли. У тебя брат там служит, может быть, знают про него». Он подходит. «Да, есть у нас Семин». – «Давай его сюда!» Позвали. Вот так два брата встретились в Румынии, у Тыргу-Фрумоса, старшина и лейтенант. Мы старшину Семина забрали к нам в полк. И видишь, как судьба все перевернула… Что произошло? Заряжающий ошибся, задел взрывателем казенник. Но дело даже не в этом. Если бы взрыватель был исправен, то он бы не сработал. Оказалось, что на партии взрывателей инерционный предохранитель был сработавшим.

Я радировал в полк, что снаряды на исходе, и просил прислать танки и пехоту. Ночью, в свете луны вижу, подошли две машины. Из них вылезли начальник штаба Саша Шипов и командир взвода саперов Иванов, а с ним человек десять бойцов его взвода – пехоты не было. Я стою, они подходят. До них метров пятнадцать оставалось, когда прямо в центре этой группы разорвался снаряд…

За этот бой меня представили на Героя. Мы три дня держали автостраду. Но заменили на «Красное знамя». Почему? Через некоторое время немцы прорвались в тридцати километрах правее. Командующий вроде сказал: «Какие вы герои?» А я-то при чем? Мне дали три километра, я их три дня держал, никого не пропустил. Представляли через месяц, когда немцы прорвались. Может, если сразу бы это сделали, то дали…

После этого боя меня назначили заместителем начальника штаба полка вместо погибшего Шипова. А через месяц назначили заместителем командира полка.

Войцехович Владимир Викторович
(Интервью Н. Чобану)

командир минометной роты 144-го гвардейского стрелкового полка 49-й Гвардейской стрелковой дивизии

Где-то 25 марта, наверное, это была уже территория нынешней Словакии. Вечером, уже смеркалось, в чистом поле мы отбивали атаки немцев, которые пытались вырваться из окружения. Как следует окопаться мы не успели, я, например, успел себе вырыть окопчик только до колен. Отбили несколько атак, а я стрелял из своего «MG-34», и немцы, которые были ближе всего к нам, что-то начали кричать. Наверное, они подумали, что раз пулемет немецкий, значит, стреляют немцы. Но когда мы продолжили стрелять, они задействовали минометы. Первая мина – недолет, вторая – перелет, а уже третья упала рядом со мной… Причем в паре метров от меня лежал мой ординарец Дикий, так в него ни один осколок не попал, а у меня шестнадцать дырок в животе, и шею царапнуло… Я почувствовал, как будто у меня в животе раскаленное железо, и ногу поднять не могу. Дикий подал мне руку, я еще смог подняться из окопа, сделал два шага и потерял сознание. В том бою ранило и Мозинсона, и еще трех солдат, и всех нас на повозке отправили в медсанбат. Причем на фланге немцы все-таки прорвались, и если бы нас повезли по дороге напрямик, то немцы бы нас точно перехватили… Но ездовой Новосельцев то ли растерялся, то ли еще что, но он нас повез по тропинке, по которой мы туда пришли, и благополучно довез до санбата.

Оперировал меня мой земляк Юзук, он мне еще успел сказать до операции: «О, белорус к нам попал, сделаем все в лучшем виде». Пришлось удалить мне метр тонкого кишечника, все зашили, но в полевой госпиталь отправили только недели через две.

О Победе узнал в дороге. Я как раз ушел из госпиталя в Будапеште и на попутках добирался в свою часть. Маргелов дорожил своими людьми и нас учил: «Подтирайте задницу госпитальным направлением и самостоятельно добирайтесь в нашу дивизию», мы так всегда и делали. Вот по дороге в дивизию я и услышал о Победе. Трудно, наверное даже невозможно словами передать, какая у нас была радость… А когда я прибыл в дивизию, Маргелов мне так сказал: «О, Робин Гуд вернулся. Ну, иди, принимай свою роту». У него присказка такая была, он всех подчиненных называл Робин Гудами.

Но у нас война 9 мая не закончилась. Мы стояли возле местечек Кефермаркт, Прегартен, это чуть севернее Линца, и через наше расположение к американцам стремился вырваться эсэсовский корпус, в составе которого были знаменитые дивизии:

«Мертвая голова», «Викинг», «Полицай». Прихожу к себе в роту, а старшина моей роты Соколов добыл где-то «Опель-капитан» и решил похвастаться: «Товарищ капитан, давайте я вас с ветерком прокачу». А дороги в Австрии отличные, он разогнался, и мы влетели в деревеньку… полную эсэсовцев. Но они, видно, уже готовились к сдаче в плен и отнеслись к нам лояльно, к тому же Соколов не растерялся, вышел и попросил у немцев бензин, хотя нам он был не нужен. Немцы нас заправили, и мы уехали, хотя все это время я ждал очередь в спину…

Потом я, конечно, сказал Соколову пару ласковых…

И только потом, а это было уже 11 мая, к немцам на «Виллисе» лично отправился наш комдив Маргелов и очень жестко и решительно потребовал, чтобы они сдались в плен, ибо в противном случае огонь всей нашей артиллерии будет сосредоточен на них. Его угрозы подействовали, командир корпуса при нем же написал приказ о сдаче в плен, и немцы сдались без боя, и кто знает, сколько жизней наших солдат он спас… Те, кто был тогда с Маргеловым, рассказывали, что командир этого немецкого корпуса, старик лет шестидесяти, даже слезу пустил, когда подписывал тот приказ…

Когда немцы сдавали оружие, то наши солдаты начали отбирать у них часы, какие-то вещи, те заволновались, и тогда вмешался лично Маргелов, он это дело мигом прекратил, ведь он же пообещал немцам сохранить все их награды, личные вещи.

Корякин Юрий Иванович *(Интервью Н. Чобану)*

радист 114-го отдельного полка связи

Перед переходом границы с Германией в районе Бромберга (немецкое название польского города Быгдощ до 1946 г.) политрук роты пришел на собрание и сообщил следующее: «Мы

вступаем на территорию Германии. Мы знаем, что немцы принесли неисчислимые беды на нашу землю, поэтому мы вступаем на их территорию, чтобы наказать немцев. Я вас прошу не вступать в контакты с местным населением, чтобы у вас не было неприятностей, и не ходить по одному. Ну, а что касается женского вопроса, то вы можете обращаться с немками достаточно свободно, но чтобы это не выглядело организованно. Пошли 1–2 человека, сделали, что надо (он так и сказал: «Что надо»), вернулись, и все. Всякое беспричинное нанесение ущерба немцам и немкам недопустимо и будет наказываться». По этому разговору мы чувствовали, что он и сам не знает точно, каких норм поведения следует придерживаться. Конечно, мы все находились под влиянием пропаганды, не различавшей в то время немцев и гитлеровцев. Отношение к немкам (мужчин немцев мы почти не видели) было свободное, даже, скорее, мстительное. Я знаю массу случаев, когда немок насиловали, но не убивали. В нашем полку старшина хозроты завел чуть ли не целый гарем. Он имел продовольственные возможности. Вот у него и жили немки, которыми он пользовался, ну и других угощал. Пару раз, заходя в дома, я видел убитых стариков. Один раз, зайдя в дом, на кровати мы увидели, что под одеялом кто-то лежит. Откинув одеяло, я увидел немку со штыком в груди. Что произошло? Я не знаю. Мы ушли и не интересовались. Но картина кардинально изменилась после Победы, когда 12–14 мая на развороте газеты «Правда» была опубликована статья академика Александрова «Илья Эренбург упрощает». Вот там было провозглашено, что есть немцы, а есть гитлеровцы. Это было время перемен, когда началось мирное строительство. Тогда начали закручивать гайки, наказывать практически за любой проступок. Уже на острове Борнхольм один сержант снял с датчанина часы – просто отнял и срезал кожу со спортивных снарядов в школе на сапоги. Так вот его приговорили к расстрелу, но Рокоссовский приговор не утвердил.

Был еще и такой случай, когда солдат или сержант поцеловал или обнял датчанку, а это видел какой-то датчанин, который позвонил в комендатуру, и этого солдата тут же арестовали и хотели отдать под трибунал якобы за изнасилование. Но когда эта девчонка узнала, что парня хотят отдать под суд, то она сама прибежала в комендатуру и сказала, что парень совершенно не намеревался ее насиловать. Правда, когда в 95-м году нас датское правительство пригласило на Борнхольм на празднование 50-летия Победы, нам сказали, что после ухода наших войск в 46-м году там было около сотни внебрачных детей. По-видимому, это относилось к нашим офицерам, в отличие от солдат жившим

свободно на частных квартирах. Мы высадились в восточной Польше, в городе Острув-Мазовецкий (Minsk-Mazovetskii), и попали в состав 1-го Белорусского фронта под командованием Рокоссовского. Но как только мы приехали, фронт разделился: Рокоссовский был назначен командиром 2-го Белорусского, а командовать 1-м Белорусским стал Жуков. Нас перевели в подчинение 2-го Белорусского фронта. Догнали фронт уже в Померании. Разница между Карелией и Польшей была огромная. Безлюдье, валуны, леса и болота сменились дымящимися развалинами, воронками от бомб, городами с горящими улицами, там и сям лежащими трупами, красивыми, добротными домами, черепичными крышами ухоженных усадеб и кирх и невиданными для нас, отличными автобанами… Ко всему прочему мы из морозной, заснеженной Вологды внезапно попали в раннюю весну, яркое солнце. На этом фоне наши полушубки, шапки-ушанки и валенки выглядели нелепо, пугали местных немцев, вызывая смех и издевки солдат из других частей…

Померания – это житница, самая сельскохозяйственная часть Германии, там было много картошки, а еще больше спирта… Бежит посыльный, машет мне рукой, кричит: «Старшина, к командиру роты!» Бегу. Ротный, застегивая планшет, прерывает мой доклад: «Видишь знак? От него дорога к группе домов, узрел? Развернешь свою рацию там и быстро вертайся. Штаб, – кивнул в сторону дома, – разместится тут. Усек?» Через несколько минут с напарником Димкой уже подходим к дорожному знаку с надписью «Аикфир».

Подходим к крайнему дому деревни. Оглядываемся. В деревне, кажется, ни души. Дом добротный, двухэтажный, с мансардой. Рядом растет большое дерево, до которого можно дотянуться, стоя на крыше. Если влезть выше на дерево, закрепить там антенну и спустить ее в мансардную комнату, будет в самый раз, надежная связь.

Но надо в дом. Три года фронта научили быть осторожным. С автоматом наготове, след в след (благо, валенки мокрые) поднимаемся на крыльцо, привязываем веревку к ручке, отойдя назад, укрывшись за дерево, дергаем. Дверь с шумом распахивается. Уже смелее заглядываем внутрь: небольшая прихожая, пусто, слева дверь. Снова дергаем ручку. И уже, топоча намокшими валенками с прилипшими к подошве песком и землей, появляемся на пороге во всей своей заполярной красе с автоматами наперевес. До конца жизни не забыть мне дикий, пронзительный вскрик невысокой девчушки лет 15–16, метнувшейся с вскинутыми руками навстречу из-за стола, стоявшего посредине большой, богато обставленной комнаты.

Мгновение, и она колотит меня кулаками в грудь по меховым отворотам засаленного полушубка, повторяя: «Их бин кранк! Их бин сифились!» Схватив девчонку за руку и отстраняя ее, оборачиваюсь к Димке: «Чей-то она, а? Понял?» Димка осклабился: «А то нет». Да я и сам все понял, скорее сдуру спрашивал. Держа рыдающую взахлеб девочку за руку, размышляю: «На дьявола она мне со своими соплями, нам же наверх надо, в мансарду? Отпустишь – черт знает что натворит». Говорить с ней – ни я, ни Димка по-немецки ни бум-бум. Врезать ей, чтобы не путалась под ногами, рука не поднимается: девчонка же, дура. В растерянности оглядываюсь, ища лестницу. Ее не видать. Димка опережает: «Дверь!» Она у меня за спиной, рядом с той, через которую мы заявились. Делаю шаг к ней; девчонка вырывается, опережая меня, прижимается спиной к двери и снова в отчаянии кричит: «Нихт, нихт». И опять за свое: «Их бин…» Это уже мне кажется подозрительным. Отшвыриваю девчонку, кричу Димке: «Держи ее!» – и с автоматом на изготовку ударом ноги распахиваю дверь, заметив, что она открывается внутрь. Из полумрака чулана с маленьким оконцем раздаются стенания, причитания и детский плач. Заглядываю. Мать честная! На скамейке и на полу сидят несколько человек. Приглядываюсь: старик, три женщины и четверо детей. Все голосят, и у всех на коленях и рядом полные корзины и баулы со скарбом. Вроде как в дорогу собрались. Ну, а если бы я запулил туда очередь? Ну, дела!..

Буквально обалдев, оборачиваюсь к напарнику, державшему девчонку. В этот момент слышим шум подъезжающей машины. Оба вскрикиваем: «Немцы, ложись!» Я валюсь у порога, Димка, повалив девчонку и зажав ей рот, смотрит в сторону окна, откуда шум. Семья в чулане замолкает. Мотор выключили, послышались голоса, чьи – не разобрать. Наступает тишина, лежим. Словно на Судном дне, вдруг брякнул один удар напольных старинных часов. Шарю рукой у пояса, достаю гранаты. Девчушка при виде их опять в голос заныла. Димка, матерясь, прижимает ее голову носом к ковру. Затем ползет к окну, не выпуская ее руку. Она хлюпает носом, ползет рядом. С угла окна «кавалер» осторожно заглядывает на улицу и неуверенно мямлит: «Навроде наши». Я ему: «Навроде! А вдруг нет?»

«Не, – отвечает, продолжая смотреть, – точно, славяне», – и встает. Она тоже. Голоса приблизились, слышна команда: «Становись, примкнуть штыки». Уф, отлегло…

Димка поворачивает девчушку лицом к чулану, дает ей коленкой под зад, добавляя: «Вали, тютя, к своим, тоже нашлась.» Та – бегом: натерпелась. Выходим на крыльцо. Нас мгновенно

замечают несколько солдат. И нам: «Вы кто? Руки вверх!» Тут уж мы, забросив автоматы за плечо, разрядились от души, по-русски, за все сразу. В том числе за их пижонские, вышедшие из военной моды дурацкие винтовки с приткнутыми штыками, за новехонькое обмундирование солдат явно из войск НКВД: фуражки с околышами, длинные, канадского серо-голубого сукна шинели (очень ценились на фронте) с гладкими щегольскими чистенькими погонами, новехонькими сапогами, а не обмотками, как у пехотуры. Из-за грузовика выскакивает капитан: «Отставить! Кто такие?» Объясняем. Подходит к нам, закуривает «Беломор», протягивает пачку. Это подкупает, видать, из фронтовиков, говорит по-свойски: «Вот что, ребята, сейчас подойдут еще машины, будем выселять деревню. Начнем с того конца. В вашем распоряжении пара часов, если что надо». Чуть ухмыльнулся. «Но не советую тут оставаться долго, насмотритесь. Про Ялтинскую конференцию слыхали? То-то. Полякам отдают этот край». Кивнув на дома, вздохнул: «А жили богато, нам бы в рязанскую». Словно опомнившись, вдруг строго отрубает: «Чешите лучше отсюда и доложите своим». Дружно киваем: «Есть доложить», – и ходу…

У Кошарина мы вышли к морю, затем повернули на восток, дошли почти до Гдыни, а потом повернули обратно и дошли до Сванемюнде. Я уже работал на полковой радиостанции, размещавшейся на «Studebaker US6x4», «судare», как его называли. Радиостанция была американская, SCR с двигателем, размещенным на прицепе, и кунгом. Машина, кстати, поставлялась вместе с шоферским инструментом и кожаным пальто для водителя. Если видели, на фронте все наше начальство щеголяет в кожаных пальто, так это изъятые из комплекта, прилагаемого к американским «Studebaker». Вдруг вечером 9 мая нас вызвали в Кольберг (Колобжег) и приказали грузиться на баржу. Говорили, какой-то десант. Баржа была метров шесть шириной, мы привязали наш «Studebaker» на палубе, а в открытый трюм краном погрузили лошадей и пушки. Как только стемнело, мы куда-то поплыли. Не, ну ты представь – пехота по морю! Блевали страшно! А тут еще один из тросов, что держал нашу машину, лопнул. Ну, думаем, если сейчас наш «Studebaker» упадет, нам всем трибунал. Среди нас был один моряк, радист Аркашка Кучерявый, ленинградец. Он полез по узенькому бортику между морем и трюмом, нашел цепь, и мы обмотали ею машину. Утром увидели берег, и тут нам сказали: «Дания. Борнхольм». Когда подплывали к порту, часов в шесть утра, слышали стрельбу, но пока катер нас подтаскивал, стрельба

прекратилась, и мы уже выгрузились совершенно спокойно. Потом оказалось, что на острове было восемнадцать тысяч немцев, но они, немного посопротивлявшись, быстро одумались и сдались. Мостки подобрали, выехали, и я увидел мирную обстановку. Прямо в порту вижу написано «Кафе», мы с приятелем туда вломились, а там сидят датчане и едят мороженое. Мы тоже решили купить, достали деньги (нам давали немецкие марки), а продавец от нас как черт от ладана, что-то: «Nicht, nicht», – не подходит, значит. Ушли мы несолоно хлебавши. В тот же день мы узнали, что война закончилась. Я включил приемник, поймал Москву, а там уже передают поздравления с Победой. В этом смысле радистам хорошо: можно послушать музыку или новости, хотя полагалось все время находиться на одной волне, чтобы быть готовым к вызовам. Меня даже на партсобрание вызывали, потому что я музыку на дежурстве слушал. Дежурили только по двое, этого требовал СМЕРШ: вдруг ты вступишь в контакт с противником? А так – контроль. В то время приходилось постоянно опасаться доносов.

Война закончилась, но мы еще два месяца провели на этом курорте. Там, правда, был сухой закон, но мы меняли на одеколон бензин, провода, лампы, батарейки. У меня 14 июня день рождения. Ребята говорят: «С тебя причитается. Организуй нам что-нибудь вкусное, надоела эта котловая еда». Что придумать? Живем-то на море. Ну, рыбы можно наловить, но сетей нет, значит наглушить. У нас были батарейки для фонариков. Они ценные были, потому что все, и солдаты, и офицеры, ходили с фонариками, а по штату они были только у нас. На несколько батареек я выменял кучу противопехотных мин и одну противотанковую, потом с напарником пошли к морю, там за бухту армейского провода выменяли у датчанина лодку. Положили туда мины, взрыватели, бикфордов шнур и в полукилометре от берега стали рыбу «ловить» – шнур приладишь, зажжешь, и все. А рыбы было: полчаса – и у нас пол-лодки! Приплываем. Нас встречает патруль с автоматами наперевес: «Вылезай!» И рядом с ними датчанин. Он нас продал! «Шагом марш!» Старшина ведет нас в комендатуру, материт: «Ишь, – говорит, – взяли моду рыбу глушить! Сети, млять, рвете! Рыбаки командованию жалуются! Придем в комендатуру, мы вам покажем!» Я не думаю, чтобы нас отдали под суд, но выговор получить или на гауптвахту посадить могли. Уже стали наводить порядок – везде наклеили объявления и проводили собрания о том, как вести себя с местным населением.

Я к старшине, говорю:

– Всего делов-то, подумаешь, рыбу глушили, все же день

рождения! Давай махнем, не глядя: ты нам – свободу, а я тебе финку дам.

У меня была красивая финка с наборной ручкой. Он говорит:

– А датчанин не заложит?

– А зачем? У него наша рыба осталась.

– Ладно, – говорит, – давай финку и вали отсюда.

Ну, пришли в расчет, рассказали, ребята говорят: «Хрен с ней, со жратвой рыбной, но давай выпивку доставай». На следующий день, сменившись с дежурства, я взял бинокль и пошел в аптеку, чтобы попробовать обменять его на одеколон. В Ревено нашел аптеку. Вхожу, держу в одной руке бинокль, а другой рукой делаю такой жест: нюхаю ладонь и провожу ею по волосам, и так несколько раз, имея в виду, что мне нужен одеколон для волос. Аптекарь говорит: «Ja, Ja», – кивает, вроде понял. Я ему бинокль, 12-тикратный, Цейсовский, трофейный! Во! Красотища! А он приносит мне бутыль. Я посмотрел, понюхал – пахнет. Ну, думаю, одеколон. А стекло темное, ничего не видно, пробка притертая. Притаранил. Налили по полной, дернули за меня, и у всех глаза на лоб – бриалин для волос! Этот Аркашка Кучерявый, который нас с машиной тогда спас, говорит: «Ты, что ж, балда, принес? Это ж бриалин, он же на касторке делается. Мы ж с него дристать будем дальше, чем видеть!».

Ну, я автомат и остатки бутыли с собой, и обратно в аптеку. Пытаюсь качать права, а он: «Nicht, nicht». Я завелся, хватаюсь за автомат. Он выходит из-за прилавка, здоровый, больше меня, берет меня за руку и тащит к стене. А на стене – двуязычная листовка с фотографией нашего коменданта острова, генерал-майора Короткова. Я читаю обращение к гражданам острова Борнхольм о том, что пришли наши войска, освободили вас от немцев, и наша задача – обеспечить вам спокойную жизнь. О всех случаях недисциплинированности со стороны военнослужащих Советской Армии немедленно докладывать в комендатуру, и так далее. Датчанин и ткнул меня мордой в этот приказ. Короче, я, как побитый пес, побрел с этой бутылью домой. Обернулся – никого нет. Как шарахну ее об стену, опять незадача – брызги на меня. В общем, кругом в дураках остался, но запомнилось.

Садрединов Решат Зевадинович
(Интервью Ю. Трифонова)

командир батареи 1362-го зенитно-артиллерийского полка

9 мая, когда мы услышали о капитуляции, у кого что было, из ракетниц, из пистолетов, из карабинов, из автоматов, все

стреляли, целовались. Все были радостные, что закончили войну живыми. И вот, когда наш полк находился в Австрии, в июне 1945 г., состоялся банкет стран-победительниц в огромном зале Венского оперного театра. На банкете должны были присутствовать англичане, американцы, французы и мы, советские офицеры. За несколько дней до праздника к нам пришли, всех обмерили, и сшили нам костюмы из прекрасного английского сукна цвета хаки. Из нашего полка отобрали всего 7 человек, в том числе меня и моего командира взвода. И перед банкетом строго сказали: «Ни с кем никаких разговоров не вести. Ведите себя прилично!» Собрались наши большие начальники, командиры дивизий, сидят за президиумом. Я посмотрел на столы, никогда не думал, что есть столько закусок на свете. И обратил внимание, что стоит на столах наша пшеничная водка. И посадили за каждый стол так: советского офицера, англичанина, советского офицера, американца, советского офицера и француза. И вот начальники начали выступать, идет синхронный перевод на 3 языках: английском, французском и русском. Все слушают, мы в красивой форме, в орденах, но без оружия, его перед банкетом забрали. Потихоньку начали пить, они что-то свое, я в этом не понимал, рядом со мной сидел американец, я ему говорю:

– Слушай, попробуй вот это, – открываю нашу русскую водку с колосьями на этикетке, наливаю в фужеры для шампанского, а они грамм по 250. Выпиваю свой залпом, а закусил-то устрицами, сам не знал, что такое эти устрицы, жевал, а они пищат. Не знаю, что делать, и показываю американцу, мол, пей, пей. Он выпил, и как задыхаться начал, тяжело дышать, как-никак 40 градусов. Через час никто уже не стал слушать выступления наших генералов, нас оно уже не интересовало. Мы обнимаем друг друга, обмениваемся часами, авторучками, сувенирами какими-то. И я говорю переводчику за нашим столом:

– Давай переведи им, что мы друзья и никогда друг с другом воевать не будем, потому что мы сейчас достигли огромной Победы. Добились вместе, нам нечего будет делить!

Так все шло весело, как вдруг поздно ночью открываются двери зала, и выходят оттуда полуголые женщины, стриптиз показывать. Сразу же команда:

– Товарищи офицеры, встать! Выйти из зала!

Что делать, мы выходим из зала, новая команда:

– По полкам, по местам!

Американцы, англичане и французы остались, а мы вышли. Ну, честно говоря, и мы не против были посмотреть на это дело.

Шлемотов Александр Сергеевич *(Интервью М. Свириденкова)*

начальник штаба танкового батальона 62-й гвардейской Молотовской танковой бригады

Особенно запомнилась Берлинская операция. Тогда ведь до победы было уже рукою подать.

Я тогда был уже старшим лейтенантом и начальником штаба нашего батальона. Мог стать и комбатом, причем не раз. К примеру, при форсировании Одера погиб наш тогдашний комбат Павел Павлович Шотин. Меня начальство хотело поставить на его место. Но я поставил условие, чтобы они тогда дали мне начальника штаба. Одному ведь в тех условиях управлять

батальоном было очень непросто, и не рискнул я на себя ответственность такую взять. Поэтому остался начальником штаба (майорская должность).

Но вернусь к Берлинской операции. Перед нею у нас сменился командир бригады. 4 апреля наш комбриг Денисов попал в аварию на автомашине, когда следовал на совещание в штаб армии. Он получил серьезную травму и не мог больше осуществлять командование. Вместо него командиром бригады назначили Героя Советского Союза полковника Ивана Ивановича Прошина. С ним мы дальше и воевали.

Вечером 15 апреля командиров батальонов и нас, начальников штабов, вызвали к комбригу. Там мы получили приказ: ночью выйти на исходные позиции и к утру 16 апреля быть готовыми войти в прорыв.

И вот утром после мощной артподготовки наша бригада, усиленная мотострелками 29-й гвардейской Унечской мотострелковой бригады и тяжелыми танками 72-го гвардейского отдельного танкового полка, форсировала реку Нейсе и вступила в бой. Так началось наше участие в Берлинской операции.

Мы тогда овладели Черницем, Геберсдорфом. Немцы бросили против двух наших усиленных бригад танковую дивизию «Охрана фюрера» с учебной танковой дивизией «Богемия». Но нам удалось разгромить до двух полков хваленой «Охраны фюрера». А 1-й танковый батальон нашей бригады вместе с мотострелками даже захватил в плен ее штаб. Там в том числе были найдены важные документы, которые мы использовали, чтобы громить немцев на рубеже рек Нейсе и Шпрее.

Вот так мы и продвигались дальше, занимая населенные пункты. А на рассвете 22 апреля бригада в составе главных сил корпуса вышла на Берлин. Наш 3-й танковый батальон оставили в Луккенвальде с задачей совместно с артиллеристами и общевойсковыми частями не дать немцам прорваться из лесов восточнее города.

Утром перед выходом батальона в район предполагаемых боевых действий к нам приехали пуховцы (так мы называли ребят из 13-й гвардейской армии генерала Н.П. Пухова). У них был с собой фотограф. И мы сделали несколько снимков на память.

А уже утром 23 апреля наша бригада, усиленная подразделениями 29-й гвардейской Унечской мотострелковой бригады, развила наступление в направлении Зармунд – Гютерготц – Штансдорф. Перед нами стояла задача форсировать канал Тельтов и овладеть юго-западной окраиной Берлина.

Вечером 24 апреля наша бригада, преодолевая жесточайшее сопротивление немцев, вышла к южной окраине Берлина. Там

вообще жесточайший бой шел. На улицах везде баррикады, за ними замаскированные зенитные орудия. В подвалах и дворах – «фаустники». Однако уже к вечеру следующего дня мы взяли железнодорожный вокзал, овладели районом Лихтерфельде.

Самое интересное, что вести уличные бои нам очень помог один берлинский инженер, русский по национальности. Он хорошо знал Берлин и грамотно рассказал нам о расположении улиц, об обстановке в городе. Это многим нашим ребятам жизни спасло.

26 апреля наша бригада овладела районом Шмаргендорф и во второй половине дня вышла в район Шарлоттенбурга. А вечером в тот же день наша бригада получила приказ развернуться на 180 градусов и наступать в направлении Потсдама.

На следующий день мы вышли к обводному каналу Тельтов севернее населенного пункта Ной Бабельсберг. Но здесь нас контратаковали фашисты. Мы чуть ли не двое суток отражали их контратаки, пока они не выдохлись. И мы продолжили движение к острову Ванзее, где сосредоточилась крупная группировка немцев. Переправиться и закрепиться на острове было очень непросто. 1 мая немцы попытались вырваться из окружения. Для этого им нужно было прежде всего выбить нас с острова Ванзее. И они атаковали штаб нашей бригады. В который раз пришлось на отражение атаки мобилизовывать всех солдат и офицеров. А когда почти не осталось минометчиков, начальник штаба бригады подполковник Макшаков сам начал вести огонь из миномета. Он был уже тяжело ранен, но продолжал руководить боем. Атаку мы отбили.

А ночью наш комбриг Иван Иванович Прошин в последний раз предупредил немцев, что их группировка будет уничтожена, если не капитулирует к утру. На рассвете немецкие парламентеры сообщили о готовности их командования к капитуляции. Вы не представляете, какой бесконечной казалась колонна из пленных, потянувшаяся с острова через переправу. И вид у немцев был совсем не геройский. Ну а каким еще он мог быть тогда?

Однако война закончилась для меня только 16 мая. Наша бригада ведь еще и Прагу освобождала. После капитуляции немцев на острове Ванзее в ночь на 2 мая нас начали выводить на юг Берлина. 3 мая мы уже ночевали в Штансдорфе, там же провели и 4 мая. А в ночь на 5 мая нам приказали пополнить боекомплект, заправиться горючим и ждать приказа. Но мы еще не знали, куда именно придется двигаться.

5 мая в полдень мы услышали по танковым радиостанциям

сообщение, что в столице Чехословакии Праге началось вооруженное восстание ее жителей и они обратились за помощью к советскому правительству. И вот мы двинулись в путь. Представляете, от Берлина до Праги на танках своим ходом!

Рано утром на следующий день наша бригада вышла к Эльбе. А там уже были американцы. Переправа через Эльбу была в их руках. На другой стороне реки стояли их бронетранспортеры. Я не помню сейчас, были ли танки. Но встретили они нас не очень дружелюбно, переправа была закрыта. Мы стали у переправы.

Через какое-то время на «Виллисе» подъехал наш командарм Дмитрий Данилович Лелюшенко. Он оригинально одевался тогда: в желтоватый американский летный костюм. С рапирой всегда в руке. Иногда кое-кому ей перепадало за нерадивость. Я ему докладываю. Он спросил, есть ли у нас кто-нибудь, кто переводить разговор сможет. У нас были такие ребята. Он направился с адъютантом и тремя офицерами к американцам. Переговорил с ними и через некоторое время сам лично подал нам команду: «Заводи! Вперед!»

У Праги мы оказались только в ночь на 9 мая. Там рудные горы были по пути, их оказалось преодолеть не так-то просто. Мы вышли к северо-западной окраине города. Прага тогда была вся забаррикадирована. И нам сразу пришлось остановиться: танки не могли двигаться дальше. Но вскоре появилось несколько человек военных чехов. Они мобилизовали население на разбор баррикад. Дальше чехи также сопровождали нас, когда мы вели бои на улицах.

Надо сказать, что местные жители встречали нас очень дружелюбно. Старались нам всем услужить, пищу готовили, стремились остановить, чтобы побеседовать. А у нас ведь был приказ – только вперед! Даже пищу мы принимали только во время движения на танке. Но чехи, чтобы пообщаться с нами, разные ухищрения придумывали. К примеру, перекрывали дороги красными полотнищами. Волей-неволей приходилось останавливаться и объяснять, что к чему.

Немцам мы здорово намяли бока в Праге. Президентский дворец от них освободили и много эсэсовских городков разгромили. Мне даже довелось быть парламентером при сдаче одного из таких городков.

Как получилось. После освобождения Президентского дворца весь двор рядом с ним был завален стрелковым оружием. Я поглазел на это некоторое время. А когда мы уже стали выходить оттуда, немцы начали обстреливать нашу колонну. Оказалось, там эсэсовский городок поблизости был, и вся местность хорошо простреливалась. Как немцы начали стрелять, наши все

разбегаются. Но я остался с сержантами. В моем распоряжении был танк, сопровождавший меня. И я приказал обстрелять этот городок. Надо сказать, что мы несколько ограничены в боевых действиях были: нам было запрещено вести артиллерийский огонь, только из пулеметов и стрелкового оружия. Однако после обстрела, произведенного нашим танком, немцы прекратили огонь. То ли мы подавили их огневые точки, то ли просто испугались они.

Вскоре пришли их парламентеры. И наш комбриг Иван Иванович Прошин поручил именно мне идти в городок принимать капитуляцию немцев. Оказалось, что в городке было где-то 1500–1800 немецких солдат и офицеров. Мы выстроили их в колонны и повели к Президентскому дворцу.

Уже к обеду яростные бои в городе начали затихать. Мы вышли к Вацлавской площади, а дальше нам и задачу не успели поставить, куда двигаться. Мы волей-неволей остановились. Впрочем, к этому времени в городе уже и чехословацкие военные активно действовали (они и на танках с нами были). Именно чехи и отвели наши танки в сквер, организовали охрану. А местные жители подошли к нам. Все они очень хотели, чтобы каждый из нас был у кого-то из них гостем. Наши экипажи стали расходиться по квартирам. Мы с командиром отряда капитаном Сергеем Владимировичем Введенским, конечно, были обеспокоены ситуацией. Не хотелось нам оставлять боевую технику почти без присмотра. Поэтому мы приказали остаться нескольким механикам-водителям и командирам танков.

И что интересно. Мне, Введенскому и его заместителю по технической части в кокой-то мере можно поставить в заслугу сохранение национального музея Чехословакии. Мы ведь к жителям не пошли, нам нужно было танки видеть. И нам как раз предложили заночевать в этом музее, а из него весь сквер просматривался. Наверное, не без умысла нас туда поселили. А то без нас вдруг бы кто позарился на его экспонаты. Мы спали в зале, где были чучела разных животных – оленя, медведя… И нам даже маты постелили и простыни где-то нашли. Вот так мы и освобождали Прагу.

Деген Ион Лазаревич *(Интервью Г. Койфмана)*

командир танка 2-й отдельной гвардейской танковой бригады

Наступление началось 13 января 1945 года. За всю войну не видел такой артиллерийской подготовки. Два километра фронта на участке нашего прорыва в течение двух часов безостановочно обрабатывали пятьсот орудий, не считая минометов и «катюш». Мы просто оглохли. Проходы в минных полях нам обеспечивал 21 танк-тральщик. А потом в атаку пошли 65 танков нашей бригады и два тяжело танковых полка – 42 танка ИС-2, и еще 42 установки САУ-152. Задачу для такой армады поставили скромную – к вечеру захватить Вилькупен, прорваться вперед на 14 километров. Но в первый день мы смогли пройти всего два километра, а вскоре и вовсе на километр отступили. Немцы ставили орудия в подвалах каменных домов. Между домами были натыканы доты с бетонными стенами двухметровой толщины. По нам вели дикий огонь. Доставалось еще от «фольксштурмистов» вооруженных фаустпатронами. Дошли мы до этого Вилькупена только на пятый день и только благодаря саперам-подрывникам. Танки блокировали «гнезда» дотов, саперы закладывали по полтонны взрывчатки и подрывали немцев. Но на девятый день наступления от всей нашей танковой махины осталось всего шесть танков Т-34, два ИС-2 и четыре самоходки. Из моей роты уцелел только экипаж старшего лейтенанта Федорова. И эти двенадцать не совместимых ни в каком сочетании машин согнали в одну сводную роту, и именно меня, не знаю за какие грехи, назначили командовать этой «сборной БТ и МВ». И эту роту я был обязан повести в лобовую танковую атаку без какой-либо поддержки. С экипажами Т-34 я еще справлялся, это были люди хоть из разных батальонов, но из нашей бригады, меня хорошо знали. Но командиры САУ ходили за мной по пятам и цитировали боевой устав, согласно которому они должны находиться не менее чем в 400 метрах позади атакующей линии танков. Утром 21 января 1945-го, в 8.00, я получил по рации приказ на атаку и продублировал его экипажам. Все двенадцать машин завели моторы, и танкодесантники взобрались на корму машин. Открытым текстом скомандовал: «Вперед!» Никто не сдвинулся с места! Повторил команду, добавив с десяток крепких слов. Но машины с ревущими дизелями словно примерзли к земле. Немцы открыли минометный огонь. Десантники спрыгнули с машин и попрятались за стеной конюшни. Я только представил на мгновение, что сейчас думают обо мне комбат с комбригом, которые, безусловно, слышат все, что творится в эфире, и видят исходные позиции сводной роты. Схватил ломик, выскочил из

башни и побежал к ближайшим танкам. Люки у всех закупорены наглухо. Я колотил ломиком по люкам механиков-водителей, сопровождая каждый удар отборным матом. Между минными разрывами перебегал от машины к машине и колотил бесполезным ломиком по броне. Никакой реакции. Я вернулся в свой танк, присоединил колодку шнура танкошлема, включил рацию и скомандовал: «Делай, как я!» Мой танк выскочил вперед. Успел заметить, что экипаж Федорова тоже рванул в атаку, а вот пошли ли остальные танки, я не успел увидеть… В трехстах метрах мы нарвались на «старый» немецкий 75-мм «артштурм». Я интуитивно почувствовал опасность впереди справа и успел скомандовать: «Пушку вправо! По самоходке! Бронебойным! Огонь!» Еще заметил откат моей пушки, и тут страшный удар сокрушил мое лицо. Только подумал: неужели взорвался собственный снаряд. Могло ли мне тогда прийти в голову, что случилось невероятное и два танка выстрелили друг в друга одновременно. Моя кровь, пахнувшая водкой, заливала лицо. На снарядных «чемоданах» лежал окровавленный башнер. Лобовой стрелок застыл на своем сиденьи, вместо его головы я увидел кровавое месиво. И в это мгновение Захарья простонал: «Лейтенант, ноги оторвало…» Задняя створка люка была открыта. С огромным трудом откинул переднюю половину. И когда я уже почти протиснул Захарью из люка на башню, хлестнула очередь из автомата. Мой стреляющий упал в танк, а я на корму, на убитого десантника. Автоматы били метрах в сорока впереди танка. Не думая о боли, соскочил на землю и упал в окровавленный снег, рядом с трупами двух мотострелков и опрокинутым станковым пулеметом. Я пытался отползти, но руки не слушались меня. Из трех пулевых отверстий на правом рукаве гимнастерки и четырех – на левом сочилась кровь. Вокруг танка стали рваться мины. И тут я почувствовал удар по ногам и нестерпимую боль в правом колене. Ну, все, подумал, точно ноги оторвало. С трудом повернул голову и увидел, что ноги волочатся за мной. Не отсекло. Только перебило. Беспомощный и беззащитный, я лежал между трупами десантников у левой гусеницы танка. Из немецкой траншеи, в сорока метрах от меня, отчетливо доносилась немецкая речь… Я представил, что ожидает меня, когда я попаду в немецкие руки. Типичная внешность, на груди ордена и гвардейский значок, в кармане партбилет. Решил застрелиться. Надо было как-то повернуться набок, чтобы просунуть правую руку под живот и вытащить пистолет из расстегнутой кобуры… Потом окоченевшими от холода, одеревеневшими пальцами снять пистолет с предохранителя. Каждое движение отдавалось невыносимой болью в голове и

лице, хрустом отломков костей в перебитых руках и ногах… И тут я вспомнил госпиталь. Постель. Подушка и простыни. Девять предыдущих суток я провел почти без сна. А в госпитале можно выспаться в постели… Потом я посчитал, что потерял сознание… Но ребята рассказали мне, что я даже подавал перебитой рукой команду танку Федорова, экипаж которого спас меня. Как я попал в санбат, помню смутно. А дальше начались госпитальные мытарства.

Полгода мыкался. Первое время я ощущал только одно – страшная боль по всему израненному телу и особенно дикие боли в области лица. Когда из переломанных костей моего лица врачи снова «сложили» челюсти, то мне немного полегчало. И когда весной 1945 года, находясь в госпитале, я понял, что буду жить, то мной на какой-то период овладело отчаяние. Закованный полностью в гипс, все время думал только об одном: что я буду делать после войны – инвалид на костылях, без образования и профессии? Но видя благородный подвиг врачей, спасающих жизни раненых солдат, я решил тоже стать доктором. И о выборе своей профессии в будущем никогда не сожалел. Летом 1945 года досрочно выписался из госпиталя, съездил домой, а после был направлен в Москву, в отдельный полк офицерского резерва танковых войск. Там, в 4-м «мотокостыльном» батальоне, были собраны офицеры – танкисты, калеки, ожидающие демобилизации по инвалидности.

Шипов Константин Николаевич
(Интервью А. Драбкина)

начальник штаба танкового батальона 23-й танковой бригады

В первых числах февраля мы совершили стокилометровый марш. А ведь на этих танках мы шли с Вислы! Это по прямой 500 километров, а с боями – все полторы тысячи! Самая большая проблема – снабжение катками. Летели бандажи… Короче говоря, прошли по территории Польши и вошли опять в Германию. Надо сказать, что разница большая – воевать на территории Белоруссии и Германии или Польши. В Белоруссии шли жестокие бои. Там и власовцы держались. Поляки – и вашим и нашим. Это несолидная публика. Поэтому на территории Польши хотя и были схватки, но не такие ожесточенные, а на территории Германии опять начались тяжелые бои – здесь их дом, жены, матери, дети. Кроме того, не стоит говорить о ненависти немцев к своему фюреру – этого мы не чувствовали никогда. Так что бои в Германии были даже пожестче, чем в Белоруссии, не говоря уж о Польше. Батальон сдал оставшиеся танки и отправился в Познань получать новые. Неделю сидели, ждали. Старшим от бригады был полковник Морозов, с которым у меня, понятное дело, сердечных отношений не было. Там мы занимались боевой подготовкой, изучали уставы. Ребята нашли машину и смотались в Познань, где еще шли бои. Притащили фляжки со сгущенкой, галеты, коробки с шоколадом. Получили мы танки, сформировались. Прислали нам и командира батальона – алкаша и любителя женских юбок, гонявшегося за немками. Мы с ним вообще не сошлись. Но у него свое дело, а у меня – свое. По завершении формировки меня сместили с должности начальника штаба и поставили командиром роты в соседний батальон. Честно говоря, я был только рад этому. За работу штаба я не беспокоился, – Ухань, парень, с которым я провел операцию, был готов меня заменить, а мне хотелось своими руками пострелять. Я к войне относился не как к службе в армии, а как к выполнению своего долга перед Родиной. Короче, это назначение я воспринял совершенно безболезненно.

Принял роту в третьем батальоне, которым командовал Степа Красовский. Ребята меня знают. Получили задачу овладеть городом Альтдам (Домбе), что рядом с Щецином. Но для начала надо было взять город Рейц (Реч). Командир батальона приказал выделить три танка в помощь стрелковому полку. Разведали пути подхода, попросили пехотинцев настелить гати через болотце. Пехота пошла вперед, мы ее поддержали огнем, а когда прошли болото, обогнали пехотинцев и вырвались вперед. Один из экипажей подбил немецкую самоходку, за которую потом получили деньги, молодцы.

Пошли дальше. Я иду со своей ротой, а этот Морозов все время рядом. Подошли к следующему населенному пункту – он

горит. На его западной окраине ферма, из которой нас обстреляли. Решили переночевать перед населенным пунктом. Вдруг приехал Морозов: «Слушай, Шипов, давай на твои танки взвод пехоты, станковые пулеметы и через населенный пункт к этой ферме. Давай этих фрицев кончать!» Я говорю: «Товарищ подполковник, населенный пункт горит. Двигаться по нему невозможно – будут гореть люди и танки. Да и мы на свету окажемся». – «Я что сказал?» – «Я жечь людей не буду. Но если вам очень хочется, я с танками объеду населенный пункт и обстреляю ферму из пушек». – «Ну, давай».

– Ему главное – покрасоваться. Объехали, постреляли и вернулись. Наступает утро. Немцы ферму, естественно, оставили и без нас – они не дураки. Вытянулись в колонну и поехали. Он мне говорит: «Видишь, ферма-то не сгорела, ты ее не сжег». – «Главное – немцев-то нет! Ушли!»

Чем ближе подходим к Альтдаму, тем сильнее сопротивление немцев. Продвигаться нам становится трудно. В бригаде была оперативная группа во главе с командиром соседнего батальона, которая обеспечивала движение. В конце концов этот командир батальона погиб по-глупому. Со мной связывается командир бригады и назначает меня командиром группы по обеспечению движения. В подчинении у меня три-пять танков с десантом или без из второго или третьего батальона – первый батальон не трогают, берегут.

Задача простая – идти вперед, разведывать, обеспечивать маршрут движения. Каждое утро мы выезжаем и едем, пока нам что-то не помешает двигаться. Либо это разрушенный мост, либо какие-то противотанковые сооружения или серьезное сопротивление немцев. Если видим, что сопротивление серьезное, завязываем бой. Я вызываю артиллерию и авиацию. Тут важно хорошо ориентироваться на местности и уметь по карте точно определить свои координаты – это жизнь. Иначе свои же и убьют. Надо сказать, что большинство боялось так работать, а я не боялся, считал, что если не помогут, то и сам загнешься, и ребят погубишь. Я вызывал танк командира бригады. Командир танка, рядом с которым всегда были артиллерийский наблюдатель от «катюш» или тяжелой артиллерии и авиатор, принимал от меня координаты и передавал им – 15–20 минут, не больше, и ты уже результат ощущаешь.

С авиацией несколько иначе. Авиация в интересах моего взвода не полетит. И в интересах бригады не полетит. И в интересах корпуса не полетит. А в интересах армии полетит. Поэтому в интересах армии все время летят группы штурмовиков по три-девять самолетов. Наблюдатель передает координаты той

группе, которая сейчас летит в моем направлении. Тот принимает запрос, а дальше уже зависит от меня. Когда они будут пролетать надо мной, я должен заблаговременно начать пускать ракеты в сторону цели. По моему указанию группа начнет работать. И вот под этим зонтиком парочку километров всегда выиграем. Вот так примерно неделю мы шли, пройдя километров 150.

Причем быстро вырабатываются тактические приемы. Например, у нас в стволе всегда был осколочный снаряд. Допустим, по тебе выстрелили, но с первого раза попасть сложно – промахнулись. Важно ответить, и непринципиально, видишь ты цель или еще нет, главное – не дать себя расстреливать. А дальше я начинаю маневрировать, вести наблюдение. Если засек цель, то начинаю лупить по ней. Если нет, то можно бросить дымовую гранату, обозначить, что горю, а потом уже думать, что делать. Это разведка. Тут кто кого.

Но самое главное, надо мной никаких Морозовых нет, никто не портит настроение. Я общаюсь только с командиром бригады, да и то через командира его танка. Только когда отзывают меня для смены маршрута, тогда с ним общаюсь напрямую. Помню, он все ходил с палкой, но до меня ни разу палкой не дотронулся, а мог… правда, он был не такой уж палочник, как командир корпуса Кириченко, – тот беспощадно бил, когда его не слушались.

Однажды рано утром подъехали к населенному пункту. Возле него расположились солдаты – заспанные, мерзнут. Спросили, что за населенный пункт и почему они здесь, а не в нем. Сказали, что с вечера не смогли его взять. Мы развернулись, пошли вперед. Дали по паре выстрелов из пушек. Ворвались. Пехота пошла за нами. Взяли этот населенный пункт. До Альтдама оставалось совсем немного – три или четыре километра. Вечером получаю распоряжение от командира бригады Кузнецова утром вести бригаду. Ни свет ни заря поднимается бригада, танки вытягиваются. Мои три танка головные. Я толком не позавтракал, чувствую себя неважно. Стоим полчаса, час – приказа на движение нет. Где же перекусить? Все уже свернули. Макаранец! Точно! Зенитная батарея, которой он командует, свернется только после выхода бригады. Сейчас они на дежурстве. Я ходу к Макаранцу. Я ему говорю: «Ничего не ел». Он командует: «Валя, срочно пожарить картошки». Валя хватает картошку, начинает чистить. Смышленая девчонка, быстро все приготовила, уже несет мне тарелку. Я только рот раскрыл, и танки двинулись. А мои-то головные! Я с тарелкой бегом к ближайшему танку. Схватился за поручень, залез на трансмиссию, двигаюсь. Только остановились, перебегаю на следующий танк, опять на трансмиссию. В конце

концов добегаю до своего танка. На моем месте сидит помощник начальника штаба батальона. Подбегает ко мне: «Товарищ старший лейтенант, было такое!» – «Ладно, слезай с танка». Сразу за радио: «Блестящий! Я – Орел. На месте». Все слова в мой адрес были высказаны. Оказалось, что приехал командир корпуса генерал Кириченко и Кузнецову говорит: «Ну, кто у тебя поведет?» – «Старший лейтенант Шипов». Начали меня искать – никто не знает, где я. Назначили другого…

Короче, двигаемся в заданном направлении. Дорога идет по насыпи. Мост через небольшой ручеек. Ручеек несерьезный, но параллельно ему идет хороший противотанковый ров метра три-четыре глубиной, стенки которого укреплены бревнами. Мост перегорожен двумя бревенчатыми полузавалами, выполненными так, чтобы проезжающая машина или танк развернулись, подставив борт. Между завалами хорошо горит тяжелый танк ИС. Остальные стоят. Спустился с насыпи в ров. Там два десятка саперов под руководством начальника корпусной инженерной службы лопатами пытаются вырыть пандус. Этими лопатками можно долго копать. А ров этот полон солдат. Полон! Второй эшелон пехоты. Только начал с пехотой переговаривать, смотрю, подскакивает «Виллис». Оттуда бежит какой-то капитан: «Ты Шипов? Чего здесь стоишь? Я старший офицер связи корпуса». – «Видишь, на мосту танк горит? Другие стоят. Нет, я туда не поеду. Сейчас ров сделают». – «От имени командира корпуса приказываю!» – «Пошел ты…!!!» Все. А сам думаю: «Сейчас доложит. Что делать?» Говорю: «Славяне, долго вы будете здесь пастись? Мы не можем проехать. Пока мы не проедем, и вы никуда не пойдете, а вас в этом рву минами положат». – «Чего надо делать?» – «Разбирайте бревна, которыми укреплены стенки, заваливайте ими ров». И пошли три «ручья» слева, три «ручья» справа, а саперы лопатками только насыпают грунт между бревнами. Хоть и не очень шибко, но все-таки засыпают ров. А нам нужно, чтобы хоть метра на два повыше – мы проедем. Клюнем, но выйдем на ту сторону, а не выйдем, один протолкнем, второй перетянем. Сделали. Три танка переправили и выскочили к населенному пункту. Тут и один или два тяжелых танка подошли. Огонь идет страшный. Вперед! Я иду вторым. Вошли в населенный пункт. По населенному пункту движемся, прижимаясь к домам. Противоположную сторону сначала пулеметом прочешешь, потом в подозрительные места, каменные дома и так далее – снаряд. Обстреляли, перескакиваем на другую сторону. Потихоньку продвигаемся. Прошли по центральной улице почти до середины. Потом она поворачивала, и на повороте немцы устроили завал. Только головной танк в этот завал

сунулся, развернулся – бах, подбит. Я наблюдаю за ним. Вижу, выскочили из танка, ползут. Приползли двое. Уже вечереет. В это время замполит батальона ко мне добрался. Он пополз к первому танку. Вернулся – танк исправен. Командира танка нет. Спрашиваю у ребят из его экипажа: «Где командир танка?» – «Он выскочил, когда подбили, а дальше мы его не видели». Я встал на танк и ору: «Путско!!!» Тишина. Технику: «Ладно, иди заводи танк». Связался по радио, доложил, что пехоты не вижу, стою на повороте, один танк подбит. Мне приказывают возвращаться, поскольку немцы пехоту отрезали и мы оказались в окружении. Я пошел первым, подбитый танк за мной, третий – сзади. Пушку перекинул влево. Наводчику приказал быть готовым открыть огонь. Только выходим на перекресток, а там стоит солдат с фаустпатроном. Выстрелили мы одновременно, но видимо, он либо плохо прицелился, либо волной его сбило. Снаряд прошел выше танка.

Вернулись. Ко мне смершевец: «А что Путско?» – «Его подбили». – «Он сюда прибежал. Сказал, что вас уже нет. Такую лапшу вешал. Когда с вами связались, все были просто удивлены, что вы живы». – «Знаешь, какие ощущения, когда танк подбили?! В шоке был, поэтому и убежал». Мы его танк привезли.

Переночевали. На следующий день с утра мне заменили подбитый танк. Пошли дальше. Населенный пункт прошли без боя. На выезде из него стояла брошенная немецкая пушка. Остановились. Я пошел посмотреть на нее. Рядом с ней лежал еще тлевший окурок. Думаю, что это была та самая пушка, что в предыдущий день подбила танк. Еще подумал, что хорошо мы ее выдавили из населенного пункта. Продвинулись чуть дальше, съехали с дороги влево в низинку, и все наши три танка накрываются! Один за другим. Мне везло – успевал выскакивать. До этого мы сталкивались только с засадами, а тут уже идет организованная система обороны с огневыми позициями, с пересекающимися секторами огня. Такие позиции должна подавлять артиллерия и авиация, а не отдельными машинами выскакивать… Счастье, что нас только подбили, но ни один танк не сгорел и ни один член экипажа не погиб.

Вместо того чтобы спокойно пойти в расположение бригады – войска-то у меня больше нет, – я пошел к тяжелому танку, который стоял недалеко, за домами. Попросил ребят связаться с командиром бригады. А тот приказывает оставаться на месте и ждать три танка, которые идут на замену подбитым. Вот черт!

Ко мне подходят три танка. Командиры улыбаются – они уже сдохли со скуки волочиться в колонне. Они же танкисты…

Ставлю задачу лейтенанту Пузину – москвичу, красавцу-

мужчине с густой шевелюрой: «Поедешь низинкой. По открытой местности не передвигайся. Прячься за кусты». Он обрадовался, что ему дают хоть какую-то задачу, – и вперед! Проходит минуты три, я еще остальным не успел поставить задачу – столб огня. Его уже нет… Подошла рота пехоты – 15 человек. Я понял, что нам не проскочить. Примерно определил, что позиции немцев находятся в рощице, что метрах в пятистах левее. Вызвал туда артиллерию и авиацию. С командиром роты пехотинцев мы договорились, что они пойдут за нами цепью и с криком «Ура!». Проиграла артиллерия, накрыла эту рощицу, деревья валятся. Пришли штурмовики – добавили. Я с двумя оставшимися танками вперед. Пехота развернулась цепью. И мы эти метров триста-четыреста прошли на одном дыхании, ни одного человека не потеряли. Перед нами небольшой косогор, за ним дома – пригород Альтдама. По косогору отступают немцы. По ним лупит все, что можно. Если бы я командовал, то, может, мы на их плечах и ворвались бы в город, но не я командую. Остановились.

Наступает ночь. Появляется Морозов: «Шипов, даю тебе еще три танка. Ночью пятью танками и ротой пехотинцев (Рота! 15 человек!) ворвешься и захватишь крайние дома. Займешь оборону и будешь ждать подхода наших войск». Я думаю. «Каким ты был, таким остался!» И что ему говорить? Безграмотный и трус к тому же! Подошли танки со второго батальона. Добили наш, 3-й батальон, потом начали 2-й, а первый так в резерве и идет. Ладно, принял я их. Командир роты пехотинцев ко мне пришел: «Что будем делать?» – «Тянуть время. Мы что-то можем сделать, когда рассветет, в темноте мы ничего не сделаем. Это авантюра. А авантюрами я не занимаюсь». Перед рассветом пошли. Танки колонной, пехота на танке, а командиры впереди пешочком. Начинает рассветать. Танки рассредоточил, решив, что захватывать мы ничего не будем, а просто проведем разведку боем, чтобы хотя бы огневые точки выявить. Стоило немножечко развиднеться, по нам начали лупить. Веду атаку, засекаю, откуда бьют. Бой шел в течение примерно часа. Потом зажгли один мой танк. Забрали раненых и под прикрытием огня отошли на исходные позиции. Конечно, систему огня я не раскрыл – пятью танками раскрыть ее сложно, – они же выделили средств ровно столько, чтобы с этими танками рассчитаться, но те огневые точки, что обнаружили себя, на карту нанес. Я Морозову доложил, пошел в штаб бригады. Возвращаюсь. Морозов мне вдруг выдает: «В первом батальоне заболел командир роты, пойди, подмени его».

– Это же не биржа труда! Там 6 командиров взводов! Я говорю: «Никуда я не пойду». Пошел, сел в танк. Прошло какое-то

время, бригада пошла в атаку. Вначале все шло нормально, но потом изменился режим огня. То шел огонь войсковой артиллерии, а тут мощность разрывов резко увеличилась. Я так думаю, стала стрелять либо береговая, либо корабельная артиллерия. Танки горят. Не обязательно, что все горят, но видно, 3–4 танка горят. Остальные встали.

Появился командир второго батальона капитан Купцов. За ним появился танк с номером 01. Бог ты мой! Кузнецов приехал, командир бригады. А мы под минометным огнем. На танке Купцова развернули знамя, и он пошел вперед, чтобы столкнуть танки. Слышу: «Шипов! – родной писклявый голосок командира бригады. – Тебя Морозов на роту посылал? Почему не пошел?» – «Там что, своих офицеров недостаток?!» – «Ты видишь, где танки?» – «Вижу, но те, что стоят – подбиты, а целых не вижу». – «Найди и толкни вперед. Войди в связь. И вперед!» Это значит связаться с его радиостанцией, а потом двигаться. Я ему нужен на веревочке. Это правильно. Сел в танк: «Блестящий! Я – Орел!» Связался. Я к тем танкам, что подбиты, не поехал – там искать нечего. Я еще утром, когда в атаку ходил, приметил, что левее есть лощины. Наверняка уцелевшие танки скатились туда. Устоять перед уничтожающим огнем такого калибра и в такой массе снарядов – это же просто невозможно. Надо обязательно уходить вправо, влево. Там трусов не было. В первую лощину сунулся – никого нет. У меня мурашки по спине. В наушниках крик командира бригады: «Куда ты пошел!!!» А я только отнекивался: «Понял, прием». Приезжаю во вторую лощину – вот они, красавчики, разбрелись по косогору. Только я встал, вижу, ко мне идет человек. Я узнал командира второго батальона Купцова. «Шипов, это ты?» – «Я». – «Чего ты приехал?» – «Прислали вас толкать». – «Что тебе надо?» – «Два танка». – «Хорошо». Приказал. Один танк есть. Командир второго танка: «Я вам не подчиняюсь. Я не из вашего батальона». Времени у меня нет. Говорю: «Ты знаешь, что вчера смершевцы забрали одного танкиста? Так ты будешь вторым». Парень поменялся в лице: «Буду делать то, что вы прикажете». Итак, у меня три танка. На бугор мы не полезем – атака в лоб ничего не даст. Возьмем левее. Они и без меня пробовали – на выходе из лощины догорал танк. Расставил танки на выходе из лощины. Вызвал артиллерию по соседним с ней домам. Перед собой вызвал авиацию. Приказал начать движение во время авианалета. Распределил цели между экипажами – не просто так сломя голову выскакивать, а все время стрелять. Наша первая задача была проскочить открытое пространство и спрятаться за домами, потом взять левее и по дороге выйти к Альтдаму. Купцов говорит: «А мне что делать?» – «А ты весь

цыганский табор выстраиваешь и выдвигаешь, чтобы они могли огнем прикрыть наш правый фланг. Когда мы тронемся на ту сторону, вы делаете по одному – два выстрела по дороге. Это наша артподготовка». Итак, слева меня прикрывает артиллерия, спереди обеспечивает авиация, справа танки. Сам я тоже не сплошал. Все сработало на 100 процентов, и мы на один или два километра продвинулись. Подъехала колонна – десятка два танков, которую вел Купцов: «Что дальше делать будем?» – «Давай, развернем атаку на Альтдам». Вышли немного вперед. Идем разговариваем, я поворачиваюсь, а Купцова нет – лежит в нескольких метрах от меня, стонет. Ранило его. Не сильно, но выбыл из строя. Положили его на танк и повезли в тыл. В подвале дома развернул наблюдательный пункт, выставил охранение. Вперед решил пока не лезть. Вдруг шум, ругань… «Еще слово, и я стреляю!» – «Ладно, веди к старшему». Командир роты штрафников… У них тоже задача – Альтдам, но нет патронов к автоматам. Дал ему патроны и ящик гранат, запалы. Расположил впереди танков, в готовности атаковать Альтдам. Закрепил за танками. Если огонь будет слабый, то пойдут десантом, а если сильный – за танками. Прошло немного времени – опять кто-то там заворчал наверху. Оказывается, артиллерист с двумя пушками приехал. Разместил я их до кучи. Теперь артиллерия есть, пехота есть. В общем, все нормально. Вернулся танк, отвозивший раненого комбата, командир передал от него привет. Дело к полуночи. Приходит офицер связи: «Товарищ старший лейтенант, приказано все танки вывести в исходный район». Пригласил артиллериста и командира штрафников, сказал, что получил приказ. Вызвал своих командиров, рассказал, как вытянуть колонну, рации только на прием, ехать на пониженной передаче.

В роще меня фонариком останавливает командир бригады, обнимает – родной человек. Вывел я их всех, расставил, организовал службу, как положено. Наутро приехала кухня, все поели. Приехал Морозов: «Ты пушки почистил?» – «Только встали». – «Так, сначала пушки чистят, а потом кашу едят!» На этом мы с ним расстались. Я приступил к обязанностям начальника штаба третьего батальона. Нас отвели, дали время привести себя в порядок и перебросили на юг, к Кюстринскому плацдарму. Разместились на восточном берегу Одера. Некоторое время стояли, ремонтировались, занимались боевой подготовкой. Новых танков нам не дают.

В один из дней вижу: идет командир бригады с девочкой-солдаткой. Мы, командиры, стоим на просеке, разговариваем. Подходит и, обращаясь к ней, говорит: «Кого ты выбираешь?» Она

посмотрела: «Вот этого маленького». Командир бригады: «Так вот, Шипов, это вам радист. Между прочим, я тебя представил к Ордену Красного Знамени». Ох, думаю, разговоров было по этому представлению… Я не думаю, что Морозов был в восторге от того, что меня представляют к Ордену Красного Знамени, которого он сам еще пока не получал. Все-таки за три дня подготовить и провести пять атак! Мы выглядели неплохо на фоне танкового корпуса. Я не очень верил в это награждение, но раз сказал, то спасибо. Этой девочке говорю: «Давай в штабную машину, будешь радистом». – «Что?! Только в экипаж!» – «Ты что, с ума сошла?» Видать она была из тех девчонок, что рвались на фронт. Она считала, что ее место в бою, в танке. Ее папа военачальником, в другом месте, видимо попросил командира бригады пристроить… Ладно, в экипаж так в экипаж. Честно скажу, что она пришлась ко двору. Закрепилась в экипаже командира взвода лейтенанта Нуянзина. Бойкая такая. Она была старше, чем командир танка, – скажет – все сделают. А поскольку она сама трудилась, не отсиживалась, то имела уважение. И в экипаже изменилась обстановка – никакого мата, все с чистыми подворотничками. Около этого танка вечно куча народу – и солдаты, и офицеры, конечно, и из штаба бригады. И она, чтобы освободиться от них, приходила ко мне в штабную машину наедине побыть.

Вдруг приказ – бригада из трехбатальонной становится двухбатальонной. Меня назначают начальником штаба второго батальона. Новых танков мы получать не будем, а будем укомплектовываться за счет танков, приходящих из капитального и среднего ремонтов. Мы не успели укомплектоваться, как нас вывели на Кюстринский плацдарм, где мы продолжили получать танки. Танки приходят из ремонта, как правило, не с полным экипажем. Нехватка кадров была очень большая. Даже командиров танков, офицеров, недоставало. А где возьмешь танкистов? Запасных, учебных полков рядом нет. Делали так. Ну механик-водитель – механик-водитель, его никем не заменишь. Наводчики – из заряжающих, командиров танков – из наводчиков или из механиков-водителей, заряжающих и радистов – из автоматчиков, благо в бригаде был свой батальон. Они все время ездили на танках. Они большую часть времени на трансмиссии дремлют, а танк окопать или боеприпасы загрузить – это они делают под руководством членов экипажа. Короче, к началу операции мы успели укомплектоваться, провести стрельбы, отработать с экипажами действия при оружии, действия в составе экипажа, а с офицерским составом – рекогносцировка, работа с картой.

Вечером 15 апреля весь офицерский состав батальона

собрали в землянке. Нам объявляют задачу на наступление. Брать Берлин! Обращение военного совета фронта заканчивалось словами: «На вас весь мир смотрит, вся страна! Вам заканчивать войну!» Ребята слезы глотали…

Где-то еще в утренних сумерках из-за Одера проиграли «катюши». Мы, 9-й танковый корпус, действовали в очень тесном как никогда взаимодействии с пехотой Третьей ударной армии генерала Кузнецова. Наша 23-я танковая бригада была придана 29-му стрелковому корпусу, а батальон в зависимости от задачи взаимодействовал непосредственно со 150, 171 или 207-й дивизиями. Продвижение было непростым. Это не Польша, где по 40–50 километров в день шли. Нет! Дай бог, 10–12 километров. Оборонялись они хорошо – очень много каналов, препятствий, все заминировано. Но нас очень много. Нас просто очень много. Такого огня, количества выпущенных снарядов я не видел. Мы фактически шли за постоянным огневым валом. И конечно, был порыв, желание как можно скорее закончить с этой проклятой войной.

Был такой случай. Перед нами роща на высотке. Как ни ткнемся в нее, так несем потери. Увидели, что чуть праве нас к роще ведет лощина. Если в нее спуститься, то из рощи наши танки не простреливаются. Но нужно до этой лощины проскочить по открытой местности метров триста. Решили с командиром батальона, что он первым на своем танке проскакивает в эту лощину. Разогнался по просеке и помчался. Дорога под уклон, скорость километров под 60, дымит, пылит. Благополучно влетает в эту лощину. Моя задача всех поочередно туда выпустить. Танк за танком, перебросили батальон в лощину, а от ее выхода до рощи всего метров сто. Мы развернулись и ворвались в нее. Задачу выполнили. Лес был хорошо подготовлен к обороне. Возле дорог были вырыты окопы, лежали фаустпатроны. Были сделаны специальные доски по ширине просеки с закрепленными на них минами и фугасами, которые пехотинцы должны были вытягивать на веревке перед танками.

Вошли в рощу, не торопясь ее заняли. Пошел я в кусты. Только сел, как рванет недалеко, потом еще раз!!! Я скорее на дорогу! Ребята увидели столько «фаустов» и давай их расстреливать по деревьям. Кто ж знал, что я там сидел!

Чем ближе к Берлину, тем больше чувствуется, что подходим к столице. 20-го числа вышли в зону дачных поселков – красивые рощи, коттеджи. Умели, собаки, и отдыхать, и строиться… За каждый метр приходилось сражаться…

Хорошее, прекрасное утро. До Берлина 20 километров! Салют! По логову фашистского зверя – огонь! И по одному

выстрелу пальнули. Такое настроение. Где-то рядом немецкий аэродром, оттуда взлетает самолет, он еще не успел набрать высоту, пролетает над нами, и его сбили.

Подходит командир танка, на котором я езжу: «Товарищ старший лейтенант, я смотрю, у вас нет трофеев». – «На черт они мне? Я как-то раз уже собрал посылку – туфли, материал, все, как положено. А потом мама присылает письмо: «Костя, не присылай, пожалуйста, посылок. По адресам, куда приходят посылки, потом наведываются». – «И все же, товарищ старший лейтенант, давайте мы вам что-нибудь подыщем». Проходит минут 15–20, мчится один из членов экипажа: «Все! Нашел, товарищ старший лейтенант, пойдемте». Пошли. Приводит меня в подвал коттеджа. Через подвал натянута веревка, а на ней висят пять шуб. Папе, маме, мне, сестре и девушке (она не стала женой, но у меня была девушка, с которой я переписывался, она тогда училась в школе. Мне запомнились эти треугольнички. Помню, в Белоруссии я был офицером связи бригады. Мотаюсь, то меня тут обстреляют, то там. Вдруг встречается почта: «Товарищ старший лейтенант, вам есть письмо». Пишет: «Вот сегодня всем классом мы поехали на Волгу, загорали, хорошо провели время. Пели песни». Знаешь, как приятно такое читать?! Есть места, где тихо, светит солнышко…). Ребята сверху притащили чемодан, в него запихнули все пять штук: «Ну, все, товарищ старший лейтенант, у вас есть с чем приехать домой». На танке три бачка по 90 литров. Один бочок долой. Чемодан обернули брезентом, стянули ремешками, сделали по форме бачка – и к борту.

Через некоторое время команда: «Вперед!» Заняли какое-то село. Приказ: «Командир батальона, начальнику штаба – на площадь!» Мы только заняли, только ворвались в это село, какой дурак нас на площадь зовет?! Я понимаю, куда-то к танку, в окопы, в подвал, а то на площадь! Ладно, приказ есть приказ – он не обсуждается. Пошел. Грязь непролазная. У сапога оторвалась подошва. Я взял веревку, примотал, чтобы они не хлюпали, конечно ноги мокрые. Навстречу комендант штаба бригады Бобров. Он дружил с Симочкой, которая к тому времени уже уехала домой рожать. Он посмотрел: «Что у вас такое?» – «Да вот. У меня нога маленькая, 38-й размер, а тут сороковой…» – «Постойте здесь. Один момент». Куда-то сбегал, принес немецкие сапоги с подковкой. Эти сапоги я потом лет семь носил. Собрались на площади. Оказывается, это Морозов приказал собрать всех офицеров батальона. И как нас накроет! Я стоял недалеко от танка. Как только разорвался снаряд, я прыгнул за танк головой и ногами вперед, а попа отстала немножко… и в нее осколоки! Четыре раза подбивали в танке, контузия, шоки были…

а здесь ранило, а Боброва убило… Ребята меня сразу в танк, штаны вниз, сразу полотенце со спиртом – и в подвал. Всех раненых погрузили на танк и в медсанвзвод, что стоял в двух километрах в рощице. Рану открыли, обработали, в машину и в корпусной медсанбат. Там уже кровати… Ножичком порезали, все почистили. В кузов машины сено, брезент, погрузили и за Одер в госпиталь. Таких, как я, целый коридор. Оттуда нас берут на операцию. Местный наркоз… Женщина-хирург с шутками по поводу места моего ранения вытащила осколки. Перевели в палату – комнату жилого дома в полуподвале. На следующий день встаю на ноги, я же футболист, танцовщик – если не ходить, срастется не так. На костыли. На третий день вопль сестер: «Ты боишься, что мышцы на заднице не так срастутся, а у тебя все течет, весь хирургический материал на тебя перевели». Говорю ребятам: «Нам нужно устанавливать с нашим хирургическим отделением твердые, хорошие отношения. Давайте сделаем благодарственный ужин». В окно видны только ноги. Прошел солдат, мы его окликнули: «Слушай, солдат, тебе часы нужны?» – «Да». – «Канистра спирта! Полчаса тебе времени. Через полчаса другого пригласим».

– Проходит полчаса – приносит. «Пробуй!» Попробовал, нормально, не ослеп. «Кто пойдет к начальнику отделения?» – «Ты затеял, ты и иди».

– Я прихожу на перевязку: «Есть предложение вместе поужинать. Приглашаем все ваше отделение. Три хирурга, четверо сестер. И нас семь человек». – «Хорошо». Я в столовую, к нашему шеф-повару прикостылял: «Нам нужен ужин. Мы пригласим медперсонал. Нас будет около двух десятков. Хватит тебе 5 литров спирта?» – «Вполне». Вечером на ужин всем составом… Оставшийся спирт смешали с соками, сделали легкий женский напиток – и вкусно, и скромно, не перепились… Паника случилась, когда дежурный по госпиталю появился, но мы его тоже угостили. Устроили танцы – взяли расчески, бумагу… музыкальное сопровождение. Все очень хорошо прошло, все были довольны. Во всяком случае, на следующий день я прихожу, девчонки говорят: чтобы не тратить на тебя много бинтов, сделаем тебе гипсовую повязку. Вопрос перевязок стал очень простым. Сразу снизился расход перевязочных материалов.

Ребята воюют, приезжают оттуда, навещают. Знаю, что войска подходят к городу. Настает 25-е число – пятый день после ранения. Я уже хожу по улице. Смотрю, машина нашей рембазы. Фельдшер и командир ремонтной роты сдружились (после войны они поженились), а тут ее ранило, и водитель привез ей гостинцев: сгущенки, шоколад. Я говорю водителю: «Без меня не

уезжать. Я сейчас». Поднимаюсь наверх в палату: «Ребята, я уезжаю в бригаду, хочет кто поехать?» Желающих не нашлось. Нам сказали, до июля месяца мы будем гарантированно лежать. Чего нарываться? Хватить уже – все уже навоевались. Я в кабину… Часа через три, я с костылем уже был на северной окраине Берлина. … Начальник штаба бригады увидел: «Ты что?! Весь в бинтах!» – «Все нормально». – «Иди в медсанвзвод, будешь пока находиться там». – «Есть!» Здесь как раз бронетранспортер с саперами. Я туда… А тут танки навстречу. На первом командир батальона майор Ярцев: «О! Костя!» Я на танк… На остановке ребята говорят: «Товарищ старший лейтенант, жив ваш чемодан!» И пошла война по улицам – танки поддерживают пехоту, простреливая улицу. Пехота продвигается, занимает перекресток. Танки подтягиваются – пушка влево, пушка вправо. Держат перекресток, и если надо, отражают контратаку. Карт никаких нет. Заплутать можно запросто. Наступление продолжалось и днем и ночью. И ночью мы один раз действительно плутаем – ориентироваться тяжело. Все горит. Вдруг появился Морозов и начинает орать на майора Ярцева, моего командира батальона. Увидел меня: «Шипов, принимай командование батальоном! Разбирайся здесь! Все, я поехал!» – Он уезжает. Я поворачиваюсь к комбату: «Чего на меня смотришь?! Ты что, не видел, когда он бывает пьяным? Если он хочет назначить меня командиром, пусть он пишет приказ, объявляет приказ при личном составе. А этих пьяных вспышек я наслушался вот так! Так что ты командуй и плюнь на это!»

К 28-му мы вышли к тюрьме Маобит. На территорию тюрьмы заехала моя штабная машина. По Маобит-штрассе подошли к мосту Мольтке и 30 апреля захватили его. Мы все это время действовали со 150-й дивизией. Генерала Шатилова мы мало, но видели, а командира 756-го полка Зинченко, который тоже с костылем ходил, как я, видел каждый день. Совместно взяли этот мост и дальше продвигались сюда.

Наш второй батальон вывели во второй эшелон, заменив первым. Ведь как было организовано? Один полдня воюет, а второй обеспечивает – охрану тылов несет. Потом меняются. Когда перешли во второй эшелон, я мотнулся в медсанбат на перевязку. Выхожу из здания, где медсанвзвод располагался, – стоит танк лейтенанта Нуянзина. Сел на танк и поехал. Приехали к мосту. На мост нас не пускают, поскольку в нем справа большая дыра и он пошатывался. Пропускают артиллерию, повозки, кухни, пехоту. А мы пока ждем и стоим теперь уже первым эшелоном. Батальон почти в полном составе – потери в городе были небольшие. Ждем. Я слез с машины, смотрю, из нее вылезает

радистка, на ней фильдеперсовые чулки, туфли на высоком каблуке, шерстяная юбочка, набивная голубая кофточка, платочек и сверху танкошлем. Говорю: «Ты что, как кукла, разоделась?!» – «Товарищ старший лейтенант, мы же в парк едем, а ведь там танцы и публика нарядная – конец войны. Так пусть я первой там буду!» Эхх… Знала бы она, что через полчаса окажется обгоревшим трупиком размером вот с этот стол, за которым мы сидим…

В это время появляется минометчик. У него противогазовая сумка чем-то набита. Он нам кричит: «Эй, славяне! Сколько вас здесь?» – «Пять человек!» – «Держи! – Дает нам пять часов. – Приказано всем, кто участвует в штурме Рейхстага, дать часы». Как мы потом поняли, это были часы, которыми Гитлер собирался наградить офицеров за взятие Москвы. Мы, конечно, на этом не успокоились, потом сами сбегали в ближайшие пакгаузы, но там почти все было почищено. Потом ручные часы сестре подарил, а карманные отцу. А у него их украли. Через некоторое время прибегает посыльный, передает приказ командующего армией нам перейти на другую сторону канала и один танк выслать для разведки возможного подхода к Рейхстагу. Если все удачно пройдет, то это же поездка за Героями! Комбат говорит: «Кого же мы пошлем? Ну что танк Нуянзина? Они только что успешно провели разведку. Он, пожалуй, из всех наших выделяется». Куда ехать? Нужно проехать мимо дома Гестапо и въехать в первые ворота, ведущие парк, и по аллее ехать в сторону Рейхстага. Посыльный от командующего армией садится на танк как сопровождение. Они впереди, за ними танки батальона. Мы видим, как они проскакивают первые ворота, видимо не заметив их, движутся дальше, ко вторым, мимо здания театра «Король-Опера», находящегося в руках у немцев. Вдруг со стороны этого театра выстрел, и танк загорелся сразу. На наших глазах в 50 метрах горит танк, где девочка, где ребята, которые поехали за Героями, и мы ничего не можем сделать… Они все выскочили, но, видимо, был пробит бак, они облиты все дизтопливом, в пламени… Вернулся только командир взвода Нуянзин, он был в боевом отделении, в шинели внакидку, хотя было довольно тепло. Может быть, он был просто предусмотрительный мужик… Когда танк загорелся, он выскочил, сбросил с себя горящую шинель. Волосы у него горят. Он прямо головой в кювет, заполненный водой, и ползет к нам… Мы, конечно, простреляли по театру, но остался очень неприятный осадок. Конечно, их потом всех наградили посмертно… Вошли мы в парк через первые ворота. В парке было много зенитных орудий. Мы начали бить по этим орудиям. Приблизиться к Рейхстагу было невозможно из-за

траншеи метро, строившегося вскрышным методом, заполненной водой из реки Шпрея. Через нее был мост, но годный только для проезда автотранспорта. Всем было ясно, что по этому мосту танкам не проехать. Короче говоря, мы постреляли по зениткам, пока все не побили. Потом стали в оборону. В районе Рейхстага были сосредоточены отборные эсэсовские части, которые потом попытались прорваться через нас.

В ночь с 30-е на 1-е мы стояли в парке, а утром переехали ближе к мосту Мольтке. Команды двигаться дальше не было. Я потом догадался, почему. Наш батальон пошел справа здания Гестапо и в парк, а первый батальон пошел левее. Они подошли к этой траншее через которую был дохлый мостик. И Морозов приказал: «Вперед!» Поехал танк, ведомый мастером вождения механиком-водителем Поповым, который прошел от Курской… Под этим танком рушится мост, танк переворачивается, падает. Ребята ничего не могли сделать – все утонули. Командиру посмертно присвоили Героя. Второй танк подбивают. Это мне рассказал артиллерист, Герой Советского Союза, когда мы встречались со школьниками школы № 1130. Он мне сказал, что был поражен командами нашего командира бригады.

1 мая мы оставались у моста и весь день находились под страшным обстрелом. Сидели в подвале в готовности в случае чего выскочить к танкам и отразить контратаку. Я решил выйти из подвала. Подбегает командир танка: «Товарищ старший лейтенант! Что делать?» – «Что такое?» – «Мина попала в танк и ваш чемодан с трофеями загорелся». – «Режь веревки к чертовой матери! Пусть это все летит на мостовую и горит. Не хватало, чтобы из-за этого чемодана сгорел танк!» Жалости никакой не вызвало, но конец истории с трофеями получился оригинальный. Вдруг команда: «Срочно представить пять человек к званию Героя. Сразу дать по телефону данные, а завтра к утру представить наградные материалы». Мы дали по телефону маленькую реляцию на пятерых. На завтра нужны были наградные с печатью. А где печать? В штабной машине во дворе тюрьмы Маобит. На улице уже смеркается. Участок Моабит-штрассе до моста и после него простреливается со страшной силой. Дома горят. Можно было, конечно, забастовать, и никто бы меня не обвинил. Комбат вообще мне в рот смотрит. Он боялся все-таки, что я решу батальоном командовать. Но я подумал, что и не такое бывало. И пошел. Из подвала в подвал. Один раз назад обернулся, а того подвала, где я сидел, уже и нет. Добрался до площади, а по ней бьет батарея. Мне надо проскочить через нее и вбежать в калитку. Считаю: раз, два, три, четыре пауза… раз, два, три, четыре – вперед! Бегу и думаю: а если калитка закрыта? Нет, открыта. А

кто там в тюрьме? Парторг, замполит, делопроизводитель, начальник связи. Я их всех поднял писать реляции. А это не так-то просто. Короче говоря, написано, печать поставлена, и уже рассвело. Во дворе нашел велосипед, сел на велосипед. Прихожу, а тут уже братание с танками Украинского фронта. Завтрак.

Хотели на стенах расписаться, но тут команда – строиться. И танки пошли на северную окраину Берлина. Героя получил командир танка из наводчиков, который действовал быстро и хорошо, остальным заменили на хорошие награды не ниже Ордена Красного Знамени.

После выхода из боев нас перебросили на север, километров за 20–30 от Берлина. Там, в какой-то деревушке, мы встретили День Победы. Мы спали. Вдруг прибегает дежурный: «Товарищ лейтенант, в лесу ракеты!» – «Поднимай дежурный взвод по тревоге!» Оделся. Выбегаю. А ребята уже поняли, в чем дело, – стреляют в воздух. Уже на рассвете сообщили по телефону, что война закончилась. Провели митинг – на завтрак. Завтрак был победный – ведь в каждом танке пятилитровый бачок спирта всегда был.

Винокур Николай Абрамович
(Интервью Г. Койфмана)

фельдшер 138-й отдельной армейской штрафной роты

25 марта. На западных подступах к Кенигсбергу, возле моря, есть городок Хайлигенбаль (Мамоново). Вот за этот город наша 138-я ОАШр и вела тяжелый бой. Нас оставалось всего человек пятнадцать, и роте снова передали приказ на атаку, и, поэтому, в этой ситуации, в атаку пошли все, кто мог держать оружие, включая старшину роты. Я шел с автоматом в нашей редкой цепи, мы заметили немцев перед собой, и обе стороны сразу открыли огонь. Первая пуля, разрывная, попала мне в ногу, но я как-то удержался на ногах, а следующая пуля прошила меня в живот. Я

упал на землю, но сознания не потерял, даже сам себя пытался перебинтовать. А потом шок, силы меня покинули, я не мог даже крикнуть. На мое счастье, мимо меня пробежал наш штрафник, один еврей, он заметил, что я еще жив, и сообщил обо мне товарищам, ушедшим с боем немного вперед. Ко мне сразу пригнали четырех только что взятых в плен немцев, их заставили осторожно положить меня на одеяло, и немцы понесли меня в тыл. Возле железнодорожной станции был ПМП, и тут я потерял сознание. Очнулся, когда меня уже на грузовике везли в санбат. Сознание то меркло, то возвращалось, то угасало, и в следующий раз я пришел в себя уже в Каунасском госпитале, где оказался «человеком ниоткуда». Из-за шока я утратил речь на целый месяц, а бумажник с документами, видимо, выкрал кто-то из санитаров на одном из этапов эвакуации. Из всех документов – только карточка передового района. В Каунасском госпитале, размещенном в школьном здании, меня взяли на операционный стол, «заковали» в гипс по грудь и санпоездом отправили на восток. 1/5/1945 наш поезд проезжал через Москву, и через окно своего вагона я видел первомайский салют. Восьмого мая нас привезли в Оренбург, где 120 раненых сняли с санпоезда и передали по местным госпиталям. Мне сделали рентген, на котором выяснилось, что нет сращения переломанной пулей кости, пятнадцатого мая сделали очередную операцию, заново ломали кость и наложили новый гипс. После операции привезли меня в общую палату, человек пятьдесят в бывшем школьном клубе, потом увидели, в карточке записано: «лейтенант медслужбы» – и перевели меня в офицерскую палату, где было всего человек десять. Рядом со мной лежал раненный в ногу молоденький младший лейтенант, которого тоже звали Колей. Он был ранен в первом же бою, в госпитале находился давно и считался уже «ходячим ранбольным». Коля сходил на рынок, купил там с рук пол-литра водки, вернулся, налил мне стакан, я выпил… и вроде нормально, еще поживем… В этом госпитале я пролежал целый год, до марта 1946 года, но мои мытарства были еще впереди…

Козубенко Иван Семенович

фельдшер 114-го гвардейского танкового полка

В полк вернулся командир, майор Курцев Б.В. Командиром бригады был назначен начальник штаба бригады подполковник Щербак. Подполковника Махно мы больше не видели. Пробыл он комбригом недолго и оставил неприятный осадок.

Поступил приказ выйти в район сосредоточения. В ночь на 8

февраля мы заняли позиции за пехотой. Началась артподготовка. Она была намного мощнее предыдущих. Впереди все взрывалось и горело. Пошла пехота, а за ней двинулись танки с десантом. Обошли стрелковые части. Пришлось преодолевать минные поля. Тральщик прокладывал путь, и танки за ними шли след в след.

Мы шли по тылам врага. Организованного сопротивления не было. Слишком ошеломляющим был удар. Вошли в оперативную глубину. При прохождении населенных пунктов сопротивлялись фолькешturмовцы. Дети 12–14 лет, вооруженные в основном фаустпатронами, и отдельные отряды гитлеровцев. Приходилось вести огонь по вторым этажам и чердакам, откуда стрелял неприятель. Так прокладывался путь. Обстреляв, разрушив дома на главной улице, уходили дальше на Запад. Особенно сильное сопротивление было в г. Гассен. Вперед пошли мотострелки очищать дома на главной улице. Дана команда вперед. Пройдя метров 200, в танк, на котором был я, другие офицеры и связисты, попал снаряд. Танку ничего, а нам, кто был на танке, досталось. Ранено было семь человек, в том числе я и сержант Холезин. Осколок попал мне в левое плечо. Второй осколок в голову. Спас танкошлем. Осколок попал в ребро танкошлема, пробил его и впился в лоб. Удар был до того сильный, что меня сбросило с танка. Перевязали меня и других. Мотострелки продолжали очищать улицу. Дождались пехоту. Подошли подразделения 112-й стрелковой дивизии. Полк с десантом двинулся дальше. Мы, раненые, тоже на броне танков. Следующий город Зомерфельд. Опять та же картина. Бой за главную улицу. Опять задержка, пока не подошла пехота. В стрелковой роте, которая подошла, фельдшер организовал медпункт. Нам, раненым, предложили остаться в медпункте. На охрану раненых, а их было немало, в основном пехотинцы, оставили танк. Пехота оставила два взвода солдат. Танки ушли в сторону г. Форста, чтоб захватить плацдарм на р. Нейсе. Такая была конечная задача полка. После ухода полка создалась критическая обстановка. Немцы, довольно организованно, с окраин заняли центральную часть города. Танк сожгли из фаустпатрона. Раненые, кто мог двигаться, стали спасаться кто как мог. Мы, четверо раненых с полка: я, заместитель командира по связи и два танкиста со сгоревшего танка – зная, что в г. Гассене наши, задворками ушли из Зомерфельда. Добрались до г. Гассена. Нашли командира стрелковой роты. Рассказали ему об обстановке в г. Зомерфельде. Он тут же внес коррективу в боевые порядки роты. Пехотинцы по 3–4 человека заняли чердаки, верхние этажи зданий, которые имели хороший обзор. Зашли в один дом. Надо было перевязать раны. В доме была перепуганная

женщина. Кое-как пытались объяснить, что нам надо. Заместитель командира взвода связи – старший сержант, фамилию не помню, мы общались друг с другом по именам, пошел в смежную комнату. Там в детской кроватке был ребенок. Он хотел дать ребенку кусочек сахара. Женщина, как тигрица, бросилась на него. Еле ее уняли. Кое-как растолковали, что старший сержант хотел дать сахар. Женщина попробовала сахар, успокоилась. Стала даже улыбаться. Нагрела воды, дала простыни. Мы разорвали их на бинты. Помылись, перевязались. Поведение этой женщины говорило о том, как на немцев действовала геббельсовская пропаганда и как быстро исчезало запугивание, когда мирные жители встречались с нами. Женщина к нам так хорошо отнеслась, что повела нас в дом бургомистра или партбосса. Она работала домработницей у него. Показала, где автомашина, где бензин спрятан. Мы были безмерно рады ее поступку. Старший сержант смыслил в автомашинах. Проверил работу мотора, заправили полные баки горючим. Решили на машине ехать в направлении к г. Зарау. По моим предположениям, там должны быть какие-то медучреждения. Машина «Опель-адмирал», по тем временам была очень хорошая. Проехали мы километров 10–15 от г. Гассена, увидели на шоссе немецких солдат. Разворачиваться было поздно. Я на переднем сиденье, ребята сзади, за рулем старший сержант Миша. Я сказал: «Жми, Миша, как можешь». Мы шли на хорошей скорости. Солдат стоял посреди дороги. Он отскочил, едва не попав под машину. Они, конечно, увидели мой танкошлем и повязку на голове. Когда очухались, мы были уже метрах в 150–200 от них. Они открыли огонь из автоматов. Мы были уже далеко, и к тому же дорога имела поворот градусов на 45–60. Проскочили.

В это время на фронте сложилась такая обстановка, что было трудно понять, кто у кого в окружении. Обстановка была типа слоеного пирога. Наши, у нас сзади немцы, потом опять наши и опять немцы, и так несколько слоев. На подъезде к г. Зарау нас обстреляли свои. Мы остановились. Подбежали солдаты с криком «Хенде хох» – руки вверх. Мы вышли из машины. Обложили их соответственно. Они нам показывают на флажок на капоте машины. Флажок-то был с фашистской свастикой. Тут же его и сломали. Возможно, немцы, которые встретили нас на дороге, и были введены в заблуждение этим флажком. Солдаты показали нам дорогу в медсанбат. Так мы добрались до медчасти. Нас сразу приняли. Ребятам сделали перевязки. Мне сделали операцию на плече. Хирург Вера Вербицкая мне была знакома еще со времен моей медицинской деятельности. Она долго чистила рану. Там кроме осколка были и клочки фуфайки. Вера сказала,

что еще бы сутки без перевязки, и могло быть заражение. В медсанбате мы пробыли пару дней. В это время немцы нанесли контрудар на г. Зорау. В Зорау сил для отражения удара было мало. Наша бригада, а в ее составе и наш полк, и другие части корпуса были отозваны из Форста для отражения контрудара противника. Пришлось пробивать этот слоеный пирог. Бои были тяжелые. При преодолении злосчастного г. Зомерфельда погиб командир корпуса полковник Орлов и его младший брат, который у него был адъютантом. Контрудар отразили. Мы, раненые, находились в палате на втором этаже окнами во двор. Когда слышишь и чувствуешь, что недалеко идет бой, ощущение совсем другое, чем когда сам участвуешь в бою. Неясность обстановки вызывала нервозность и усиливала чувство страха. Когда бои затихли, мы в окно наблюдали такую картину. Во дворе несколько генералов, в их числе был и командующий нашей армией генерал Лелюшенко, обсуждали какой-то вопрос или просто разговаривали. Вдруг с головы Лелюшенко слетела фуражка. Генералы, офицеры врассыпную. Пуля пробила фуражку и сбила с головы. Буквально через несколько минут привели немца. Ему лет 15–16. Плачет. Его отругали и отпустили. Обстановка успокоилась, и мы на своей машине, уже 6 человек, двое танкистов с нашего полка добавилось, поехали в госпиталь. Переправились через Одер. Часто останавливали патрули, проверяли документы. Один раз стояли больше часа. Пока патруль не удостоверился подтверждением о нас из медсанбата. Хорошо, что мы перед отъездом предупредили дежурного по медсанбату. В госпитале встретили нормально. Я же был в этом госпитале не раз. Разместили меня в офицерской палате на 19 коек. Вход через солдатскую палату. Там было коек 30. Наших полковых набралось 13 человек. Опять палатной сестрой была наша милая Аня. Шла обычная госпитальная жизнь. Перевязки и безделье. Местных жителей почти не было. Редко увидишь старика или старуху. Ушли на запад. Больше хозяйничали поляки. На машине ребята ездили в села. Привозили компоты и другую консервированную продукцию. Привозили и настойки. Через недели две вызывает меня начальник госпиталя и требует отдать машину. Предлог тот, что раненые на ней разъезжают и нарушают дисциплину. Я отказал. Машина была спрятана. На следующей неделе начались ежедневные посещения начальником госпиталя нашей палаты. Придирки по мелочам. Мне начали сыпаться угрозы. В период одной из перевязок хирург, мой старый знакомый по прошлым пребываниям в госпитале, отослал сестру. Остались вдвоем. Он сказал, что рана чистая, рубцевание идет нормально. Посоветовал или отдать машину, или уезжать из

госпиталя. Начальник госпиталя может сделать мне пакость. В тот же день наша сестра Аня принесла из штаба госпиталя мне и еще трем раненым с нашего полка справки о ранениях. Мы уехали из госпиталя, не долечившись. В госпитале пробыл около месяца. По дороге узнал, где расположился политотдел армии. Ребята на машине поехали искать полк, а я пошел в отдел кадров политотдела. Пробыл в резерве недолго. За это время в санчасти штаба армии сделали пару раз перевязки на руке. На лбу рана зарубцевалась еще в госпитале. Через несколько дней меня пригласили на беседу к начальнику политотдела армии полковнику Кладовому. На беседе присутствовал майор Лившиц. После моего доклада о прибытии Лившиц сказал, что я старый его знакомый. Беседа прошла доброжелательно. У меня спросили, где бы я хотел служить. Я ответил: «На фронте». Мне предложили должность комсорга 55-го гвардейского танкового полка. Согласился, хотя внутренне мне хотелось в свой полк. 55-й гвардейский танковый полк входил в состав 12-й гвардейской механизированной бригады, 6-го гвардейского Зимовниковского мехкорпуса.

6-й механизированный корпус и в его составе 55-я механизированная бригада были сформированы в сентябре 1942 года на Урале. 55-я механизированная бригада формировалась в г. Верхний Уфалей Челябинской области. Боевое крещение получила на юго-западе Сталинграда у населенных пунктов Аксай, Самохин, Жутов-2. 6-й механизированный корпус за героические бои за г. Зимовники, Дубовское получил звание Гвардейского и получил номер 5-го гвардейского механизированного корпуса и звание Зимовниковского. 55-я механизированная бригада стала 12-й гвардейской механизированной бригадой. Танковый полк бригады стал 55-м гвардейским танковым полком. Бригада участвовала в боях на Курской дуге, в знаменитом танковом побоище у села Прохоровка. После переформирования участвовала в боях за удержание Сандомирского плацдарма в Польше. В феврале 1945 года корпус вошел в состав 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта. Вот в такой прославленной части мне предстояло служить и участвовать в боях на заключительном этапе Великой Отечественной войны.

Нашел полковой командный пункт. Доложил о прибытии к новому месту службы командиру полка полковнику Журавлеву. В это время начался обстрел тяжелыми минами района КП. Оказалось, что нас обстреливают наши из 160-миллиметровых минометов. Дозвонились. Обстрел прекратился. Полк в составе бригады и корпуса буквально прогрызал оборону немцев. Задача –

прорвать оборону немцев и наступать в направлении городов Ратибор и Бискау. Прорывать оборону танками с малым количеством пехоты – дело малоперспективное. Оборону все же прорвали. Немцы непрерывно контратаковали. Потери наши были большие. Полк потерял почти все танки. После взятия г. Леобщюц нас сменили другие части. Чувствовал в полку себя неуютно. Ты никого не знаешь, и тебя никто не знает. Ощущаешь себя чужаком. Началась переформировка. Скоро стали получать пополнение танками и людьми.

Познакомился с агитатором полка капитаном Тяжких. Быстро сошлись, а потом и сдружились. Стало легче в политико-партийной работе. Те же формы и методы, но не было той сердечности и дружелюбия, как в 28-м танковом полку. Теперь он был уже 114-м гвардейским Львовским танковым полком. Я был рад присвоению звания гвардейского моим однополчанам, с которыми был вместе почти два года войны. Переформировка длилась недолго. Полк укомплектовали полностью. Информации никакой. Пошел в штаб полка. Там офицеры получали карты предстоящих действий. Мне отказали: мол, не положено. Я в резкой форме ответил, что воюю не первый год и карту имел всегда. На шум пришел начальник штаба полка. Выслушал меня и приказал выдать топокарту. Этот пример говорил о том, что значит быть вновь прибывшим. Как нелегко входить в новую боевую семью. В старом полку о подобном инциденте не могло быть и речи.

Вышли в район сосредоточения. Направление на Берлин. 16 апреля началась артподготовка. Очень сильная артподготовка была перед наступлением с плацдарма за Одером, но эта была ни с чем не сравнимая. Даже мы, находившиеся в выжидательном районе, от грохота были оглушены. Сразу же после артподготовки, вслед за пехотой, двинулись и мы. Обогнав пехоту, устремились на запад. Потом повернули на северо-запад, на Лукенвальде, Беелиц, Потсдам, Бранденбург. Я тогда ориентировался по имеющейся у меня карте. Запомнился случай в Лукенвальде. Наш танк протаранил железные ворота. Из бараков выскочило много женщин. Это женщины, согнанные из многих стран на работы в Германию. Крики, радость, слезы, объятия. Редко какой танкист или пехотинец не расцелован. Двигались мы, практически не встречая сопротивления, и в Лукенвельд мы вошли внезапно. Вечер и ночь прошли на дозаправке машин, на небольшой техосмотр и отдых. Утром 22 или 23 апреля двинулись дальше на Беелиц. На подходе к г. Беелиц столкнулись с наступающими немецкими частями,

которые шли с запада на восток. Завязался тяжелый бой. Атаки немцев отбили и вошли в г. Беелиц. Заняли оборону. Немцы атаковали отчаянно. В одном из боев был ранен помощник начальника политотдела бригады капитан Иванов. Меня назначили на его место. Так я с танкистами полка не успел как следует сжиться. В полку мне стало легче после того, как на должность заместителя командира полка по политчасти прибыл подполковник Дементьев. Он, будучи помощником начальника политотдела 6-го гвардейского механизированного корпуса по комсомолу, меня знал. Но меня перевели в политотдел бригады, а Дементьев тоже переведен с повышением. В этих боях воины бригады дрались геройски. Лейтенант Савенко подбил 6 танков противника. Он получил звание Героя Советского Союза.

Немцы рвались в Берлин, не считаясь с потерями. В этом бою отличились командиры взводов Подкин В.А., Васин И.А., автоматчики Кияницын И.В., Масной М.С., Мельник П.Е., младший сержант Петров В.И., связист Скляров А.Г. и многие другие. Особенно отличились воины взвода ПТР. Командир взвода старший лейтенант Поздеев. На их позиции двинулись 23 танка. Пэтээровцы подбили одинадцать. Остальные откатились назад. Проявили мужество и сноровку бойцы Александров, Середа, Соловьев, Убасов, Серегин, Орловский, Гайнутдинов, Мушер, Фомичев, Шульгин, Максимов – все они были награждены орденами и медалями.

После неудачных атак немцы на некоторое время приутихли.

Я взял солдата с разведроты и с разрешения начальника политотдела подполковника Георгиева пошел по батальонам. Это было мое первое знакомство с подразделениями. Только поздно вечером вернулся в штаб бригады. На другой день начальник политотдела сказал, чтоб я повел его по батальонам. Как раз в боях было небольшое затишье. Так весь день мы провели в подразделениях. 27 апреля начался самый настоящий штурм наших позиций. 2-й батальон оказался в окружении. К концу дня он прорвался из окружения. У нас росли потери. Я был в артдивизионе, когда немцы насели на огневые позиции дивизиона. Артиллеристы отбивались отчаянно. Тяжело ранен комсорг дивизии лейтенант Маркевич А.А. Атаку немцев отбили. В упор расстреливали их из пушек. В этом бою артиллеристы вели себя по-геройски. Вместо вышедших из строя наводчиков становились офицеры капитан Зайцев К.К., старший лейтенант Столяр И.А. и другие. Потери были немалые. Фельдшер лейтенант медицинской службы Шалюгин П.Н. не только своевременно оказывал помощь, но и сумел наладить эвакуацию раненых.

Подошла рота с 1-го батальона. Положение улучшилось. Немцы атаковали с небольшими перерывами. Особенно тяжелые бои были 29 и 30 апреля. Немцы прорвались на окраину г. Беелиц. Захватили железнодорожную станцию. Связь с обороняющими станцию была потеряна.

Командир бригады полковник Борисенко израсходовал все свои резервы. Остался неполный взвод разведки. Комбриг, обращаясь ко мне, сказал: «Комсомол. Бери разведчиков, там нет командира, выбить немцев с вокзала, но главное – уяснить и доложить обстановку». Подразделения 3-го батальона оборонялись у станции упорно. Мы подоспели во время очередной атаки немцев. Командир роты ранен, но оставался в строю и руководил боем. С вокзала выбить немцев не удалось. Сил было у нас не много. Оценив обстановку, что видел сам, что рассказал командир роты, отправил разведчика с донесением к командиру бригады. К вечеру 29 апреля бой затих. Оставив разведчиков на попечение командира роты, вернулся в штаб. Доложил. Комбриг поблагодарил и приказал вернуться к разведчикам. Старшим у разведчиков был младший сержант Петров. Он как раз и был комсоргом роты. Командир бригады, посылая меня к станции, сказал, что к станции вот-вот подойдет подкрепление. 30 апреля, около 8 утра, немцы возобновили атаки. Вовремя подошли тяжелые самоходки (152-мм орудия) и танки с десантом. Во время этого боя осколок попал мне в верхнюю часть груди. Сперва просто приложил подушечку с индивидуального перевязочного пакета, а после боя перевязался. Атаку отбили. Подоспевшие части погнали немцев. Связь уже была. Я доложил обстановку. Мне приказали с разведчиками вернуться в штаб. Врач управления бригады осмотрел рану, залил йодом, перевязал и сказал, что ничего страшного. История этого ранения имела продолжение. Через несколько дней на ране образовалась корочка, но осколок был в груди. Потом образовался рубец, и я на него не обращал внимания. Через лет пять или шесть, проходил диспансеризацию: на рентгеновском снимке был ясно виден осколок. Хирург сказал, что если осколок не беспокоит, то его трогать не надо. Осколок очень близко находится от кровеносных сосудов. Так прошло 18 лет. Меня с высокой температурой положили в медсанбат. Начальник медсанбата – он же хирург. Сказал мне, зачем я таскаю осколок в столь опасном месте. Не дай бог, что-то ударит по этому месту или еще что-нибудь – последствия непредсказуемые. Давайте я его удалю. Я согласился. Он аккуратненько его удалил. Размеры: длина 12 мм, ширина 5,5 мм, толщина 1–1,5 мм, специально измеряли. Долго я его берег как реликвию.

Вернемся к Берлину. Сообщения по радио и информация командира бригады были радостными. Берлин взят. 3 мая несколько офицеров штаба бригады отправились в «логово зверя». В бункер под имперской канцелярией нас не пустили, но вокруг походили, посмотрели. У разбитого Рейхстага была масса солдат, офицеров, генералов. Мы на крайней правой колонне оставили свои автографы. Каждый на свой лад. Я выцарапал: «Мы с Алтая. Козубенко». Жалко, что надписи уничтожили. Это была бы память и назидание на будущее.

Очередная награда. Орден Отечественной войны первой степени. 5 мая услышали отчаянные призывы Праги о помощи. В этот день состоялась встреча с однополчанами 114-го гвардейского танкового полка (бывший 28-й танковый полк). Полк правее нас пошел на север, и в г. Бранденбурге встретились с войсками Первого Белорусского фронта. По пути освободили из тюрмы будущего руководителя ГДР Хонеккера. Встреча с однополчанами была радостной. Как будто близкие родственники встретились после долгой разлуки. Капитан Парамошкин стал майором и заместителем командира полка по политчасти. Командир полка майор Курцев просто заключил в объятия. Офицеры штаба бригады расспрашивали меня, кто это такие, с кем это я встретился. Я отвечал, что это командир полка и офицеры полка, где я раньше служил. У некоторых офицеров было некоторое недоумение. Для них было странно, что командир полка, другие офицеры обнимали, радовались встрече со мной. Я был очень рад встрече. И так мы двинулись на Прагу. Двигались быстро.

Затруднение произошло в Рудных горах. Остановка. Повозки пехоты запрудили дорогу. Пробиться было невозможно. Подъехал генерал Лелюшенко и в его манере: один удар палкой по лошади и два удара по седоку. Приказал ведущему танку: «Вперед». Танк раздавил одну повозку. Через полчаса дорога была свободна. Повозки, какая вправо, какая влево, с удивительной быстротой освободили проезд. После гор – долина. Вся в цвету. Ну, просто рай. Заметили вправо от нас колонну немцев. Обстреляли. Затем танками раздавили, разогнали. Это был штаб генерала Шернера. Немцы стремились уйти на запад. В этой колонне был большой легковой автомобиль «Мерседес Бенс». На заднем сиденье завернутый в ковер, как «кукла», прятался пресловутый генерал Власов. Сообщили о находке. Его сразу забрали, отправили. Куда и как, нам было неведомо. Мы продолжали путь. Вступление в г. Кладно запомнилось встречей нас жителями. Мостовая была засыпана цветами. Танки забрасывались букетами цветов. Я был

на танке. Пожилой старший сержант, ему было лет 35 (для нас он казался старым), имея на груди два ордена, медали, плакал. В тяжелых боях, закаленный, от такой теплой встречи жителей так разволновался, что пустил слезу. Мы шли как освободители. В 4–5 утра 9 мая с юго-запада мы вошли в Прагу. Остановились на окраине. Внизу река, мост и прекрасный вид на пражский Кремль. Вечером поднялась такая стрельба, что подумали, что немцы прорываются на запад. Поспешил в штаб. Узнал, что Победа. Немцы капитулировали. От радости выпустили все боеприпасы, которые были в автоматах, пистолетах. Всю ночь радость. К войне так пообвыклись, невольно где-то внутри возникал вопрос: а как же теперь без войны?

10 мая отдыхали, любовались Прагой. В 14 часов тревога. Бригада выступила в район г. Бенешув. Немцы большими и малыми группами по лесам пробирались на запад. Стычки продолжались до 13 мая. 13 мая была разбита и пленена большая группа немцев. Их было более 100 человек. 15 мая на большой поляне в лесу бригада построилась на митинг в честь Победы – окончания Великой Оечественной войны. Торжественность неописуемая. Теперь до каждого дошло, что война кончилась. В Чехословакии мы пробыли недолго. В начале июня приказ на марш. Отправляемся на Родину. Мне разведчики бригады подарили автомашину – скоростной «Гономаг». На нем я с товарищами и отправился на Родину. По пути заехали в концлагерь «Освенцим». Хотелось посмотреть на лагерь смерти. Картина жуткая. Печи, высокие трубы, горы пепла, ряд виселиц. Захотелось как можно быстрее уйти от этого страшного зрелища. Прибыли на Родину. Корпус разместился в г. Буск, и окрестных селах. Штаб обосновался в г. Буск. Бригада разместилась километрах в пяти от г. Буск в селе Яблуновка. Приводили себя в порядок, отдыхали, развлекались. Начльник разведки, заместитель артиллерийского дивизиона, агитатор бригады и я решили на «Гономаге» съездить во Львов. Расстояние небольшое – около сотни километров. Поездили, посмотрели, посидели в каком-то кафе. По одной из главных улиц, где движение одностороннее, мы поехали навстречу движению. ГАИ в Львове работала. Нас пытались остановить. Где там. Мы вышли на трассу на Буск и добавили газу. Под Буском нас нагнали гаишники на мотоциклах. Пришлось остановиться. Ни прав на вождение, ни документов на машину у нас, конечно, не было. На фронте особая жизнь и особые условия и права. Мирная жизнь преподнесла нам первый урок. Чтоб ГАИ не поднимала шума, чтоб не было у нас неприятностей с нашим начальством, мы машину отдали инспекторам. Они смилостивились и подвезли нас на нашей (уже

не нашей) машине до Буска. Так, едва начавшись, я закончился как автомобилист.

Сюрприз с машиной – мелочь по сравнению с тем, что у меня открылась рана. Львов, госпиталь на ул. Зеленая, 8. Лечение и знакомство с будущей женой, свадьба. Из бригады на торжество приехало более десяти офицеров во главе с заместителем начальника политотдела бригады майором Чариковым.

Закончилось лечение. Рана зарубцевалась. Медицинская комиссия признала меня ограниченно годным к службе в Вооруженных силах. Демобилизовался. Стал инвалидом Великой Отечественной войны. Стал делать все возможное и невозможное чтобы поправить здоровье. Началась жизнь в гражданских условиях, но это уже другая жизненная страница.

Максименко Алексей Афанасьевич
(Интервью А. Драбкина)

заместитель командира эскадрильи 640-го бомбардировочного полка

Самый страшный полет на «бостонах» был на Данцинг. Перед вылетом к нам приехал начальник штаба разведки 4-й воздушной

армии. Он сообщил, что у немцев на аэродроме Олива сосредоточено 92 самолета имеющих один боекомплект и одну заправку горючим. В нашу задачу входит нанесение удара по взлетно-посадочной полосе. Он предупредил, что воздушный бой будет жарким. Налет совершался тремя полками бомбардировщиков, которые прикрывали три полка истребителей. На цель вышли на шесть тысяч метров. Штурман говорит: «С аэродрома взлетают четверки, пары и даже шестерки. Будет каша». Начали бить зенитки. Я командую: «Разомкнись». Потом начали атаковать истребители. Сомкнулись. И начался воздушный бой. Немцы атаковали сразу и справа и слева. Опустил оба ведомых звена, чтобы дать возможность стрелкам вести огонь во всех направлениях. Смотрю, подбили командира звена Родионова: «Товарищ командир, я ранен в голову, горит левый мотор». – «Сбросил бомбы?» – «Нет». – «По команде штурмана сбросить бомбы на цель». Начал снижаться на одном моторе. Я дал команду четверке истребителей прикрыть его. И он, горящий, раненый, на одном моторе сбросил бомбы на цель. Я говорю: «Уходи, четверка прикроет». У него начал отказывать второй мотор. – «Леша, счастливо тебе жить, прощай». Потом уже выяснилось, что им удалось уйти за линию фронта. Штурман и радист выпрыгнули на парашютах и попали на нейтральную полосу. Стрелок был убит. А Родионов упал на железнодорожную насыпь и погиб. В этом же вылете сбили Сережу Смирнова, левого ведомого Родионова. Штурман мне говорит: «Командир, парашютист снижается прямо на Данцинг». Мы потеряли 2 экипажа. Из другого полка еще один экипаж был сбит, но в этом воздушной бою мы сбили 27 немецких истребителей. Руководил воздушным боем истребителей подполковник Зеленкин. Ему единственному дали полководческий орден Суворова III.

Закончилась война, мы стоим в Познани. И мимо шла колонна бывших военнопленных. И вдруг из нее выходит Смирнов: «Товарищ командир, лейтенант Смирнов прибыл из плена». Двое суток пили водку, и он рассказывал нам свою эпопею. А потом пришел начальник особого отдела: «Где тут у вас пленный летчик?» И забрал его. Его отправили в лагерь на Северный Урал, он там сидел лет 10. Сам он был из Донецка. Как-то я ехал в Сочи и вышел на стации попить пива. Подходит ко мне милиционер: «Товарищ командир, не узнаете?» Я смотрю – Сережка Смирнов. Он отсидел и работал уже в милиции.

Сложный был полет на Кенигсберг. Зениток было много, и стреляли они очень точно. Пекло! Шапка одна за другой, все рядом, думаешь, все на тебя нацелены. Помню, у меня зам. комэска Мишу Петрова ранило. Он мне говорит: «Товарищ

командир, ранило в голову». – «Зажми рану, на цель выйдем и потом пойдем». – «Течет все равно, правый глаз ничего не видит». – «Так смотри одним глазом. Выйди из строя, найди бинт (он обычно у нас лежал в правом кармане), сделай сам что-нибудь». – «У меня морда не круглая, бинт не держится». Ну кое-как забинтовал себя сикось-накось. Отбомбились, вернулись, я всех перестроил, чтобы он первым сел. На земле уже ждет машина «Скорой помощи», врач.

Хайла Александр Федорович
(Интервью А. Драбкина)

заместитель командира эскадрильи 168-го истребительного полка

Начну с того, что в начале апреля 45-го года стояли в Иургайтшене на большом немецком аэродроме. Когда возвращался с боевого задания, у меня отказал двигатель. Потом, как оказалось, во время воздушного боя мой самолет был поврежден, но двигатель работал вплоть до аэродрома и отказал на первом развороте. Я дотянул со снижением до третьего. Начал планировать на посадку. Кое-как проскочил между металлическими колоннами разбитого ангара. Самолет еле держится, я сажусь, не выпуская шасси и закрылки. Самолет прополз на брюхе, встал на двигатель и рухнул назад. Я получил небольшое сотрясение. Сижу, не пойму, что со мной произошло. Вылезти не могу. Подъехали ко мне механики, вытащили меня из кабины. Я попал в госпиталь. В госпитале пролежал дней 15. Уже чувствую себя нормально. Написал записочку в полк с просьбой прислать за мною «У-2». А врач не выписывает. Говорит: нет, еще дней 10, 2 недели надо полежать. Я думаю, все равно сбегу. Как я и просил, прилетел самолет, сел на площадочку рядом с госпиталем. Я в кабину – и в полк, а на следующий день мы уже перелетели на аэродром Истенбург под Кенигсберг. Там переночевали. Спали на одной койке с другом и командиром эскадрильи Ильей Петровым обнявшись – было холодно, замерзли. Утром пошли на завтрак. Самочувствие у меня неважное, и предчувствие тоже: «Я сегодня не вернусь с задания». Хотя я себя уже в воздухе прекрасно чувствовал, все видел, умел сбивать, заходить, пилотировал отлично. Я считал, что меня уже сбить не могут. А здесь было такое неважное ощущение и предчувствие. Но я никому не сказал об этом – не мог. Я и Петров повели две группы. Вылетело нас очень много. Вся наша истребительная дивизия. Бомбардировщики наносили удар по аэродрому Фишхаузен – на побережье Балтийского моря. Я тогда летел на «Як-9л». Штурмовики зашли на аэродром, а следом мы с бомбами. Тут бомбили с пологого пикирования. Прицелов для сбрасывания бомб не было, бросали на глаз, но с малой высоты – там не промажешь. Сбросили бомбы и пошли к «Пе-2», прикрывать их. Поднялись к ним нормально, и тут нас атаковали несколько групп «Фокке-Вульфов», «Мессершмиттов». Завязался воздушный бой. Ведомый меня потерял. Один немец пристроился ко мне. Я начал уходить переворотом, а второй, видимо, «Мессершмит», пристроился снизу, открыл огонь и попал в центроплан. А в центроплане баки… В кабине огонь. Я выполняю боевой разворот, беру курс 90 градусов. Начал задыхаться.

«Фонарь» открыл – пламя сразу охватило меня, пришлось его закрыть. Пламя немножко уменьшилось. Набрал высоту – может быть, тысячу метров, может быть, две – там уже не до приборов. Начал снижение с курсом 90. Когда начал глотать пламя, появились мысли покинуть самолет… Это все секунды – даже не минуты, секунды. Газ не убираю, иду на максимальной скорости со снижением. «Фонарь» открыл, опять меня охватило пламя. Отстегнул поясной ремень (плечевыми мы не пристегивались). Начал вылезать из кабины, ноги поставил на сиденье, оттолкнулся, высунулся по грудь, и меня обратно засосало. А в кабине дым и огонь, ноги горят, пламя лижет лицо. Второй раз – то же самое. Думаю – конец мне. Вот тут у меня перед глазами промелькнула вся жизнь: где я родился, учился, мои друзья фронтовые, детство, пацанов вспомнил, с кем я ходил за арбузами на бахчу… В последний раз напрягаю все силы, подтянул ноги на сиденье и с силой оттолкнулся и выскочил примерно по пояс. Набегающим потоком меня спиной прижало к фюзеляжу, но за счет того, что истребитель находился в беспорядочном падении, меня аэродинамические силы вытащили из кабины и отбросили от самолета. Сразу стало тихо. Только слышны разрывы зенитных снарядов. Через несколько секунд услышал взрыв – мой самолет ударился о землю. Я поймал кольцо, дернул, а парашют не раскрывается, и только через несколько секунд послышался хлопок, динамический удар, и я с облегчением повис на парашюте. Посмотрел – купол цел. И в это время меня начали обстреливать с земли. Зацепили шею, ноги. Физиономия горит неимоверно, брюки все обгорели. Тело и голова не сгорели только потому, что был в кожаной куртке и кожаном шлемофоне.

Я натянул стропы, заскользил, не рассчитал, сильно ударился о землю при приземлении и потерял сознание. Очнулся – кругом немцы. Вернее, наши, но в немецкой форме. У меня уже вытащили документы и пытаются сорвать два моих ордена Боевого Красного Знамени. Я лежу, подходит один, видимо старший: «Ты из Белгорода?» Я приподнялся. Что я мог сказать? Да и не мог я ничего сказать – рот у меня обгорел. Лица не было – сковородка, чугунная сковорода, а не лицо. Он своим говорит: «Это его отец раскулачивал крестьян в Белгороде… Расстрелять!» Только потащили меня расстреливать, как подъехал «Опель». Из него вышли два немецких офицера в кожаных плащах. Поговорили между собой. Один из них приказывает: «Отставить!» Меня посадили в машину и повезли в штаб на допрос. Так я оказался в плену.

Привезли в какой-то штаб. Я попросил сделать перевязку. Пришел фельдшер, перебинтовал меня всего – остались одни

глаза и рот. Хотя рот, по сути, мне не был нужен – все сварилось. Начался допрос. Я врал как мог. Называл какие-то липовые дивизии, армии. После допроса меня посадили в грузовую машину, где уже сидело трое наших бойцов. Нас повезли, как я понял, в сторону Пилау. По пути, а мы ехали примерно час, по разговору я понял, что в машине сидят разведчик, пехотинец и танкист. В это время над машиной с ревом пронеслись самолеты. Немцы остановились, вывели нас из машины и подвели к стене каменного амбара. Сопровождающие – водитель и два солдата – начали между собой договариваться. Я понял, что они решили нас расстрелять. Отошли они метров на 20. В это время прошли штурмовики, увидев машину, замкнули круг и как дали эрэсами! Машина сгорела, немцы погибли, а мы, стоявшие у амбара, попадали – кто на колени, кто на живот. И остались живы!

Полежали немножко – видим, что немцев нет. Я предложил пробиваться к своим, но никто со мной не согласился, и я ушел один. Район мне был известен, поэтому с ориентированием проблем не возникло. К вечеру добрался до лесополосы. Силы начали меня покидать, поднялась температура, весь горю. Залез в окоп, сел и чувствую, что теряю сознание. В это время услышал рядом немецкую речь. Несколько немецких солдат увидев меня, схватили, отвели в штаб. Опять посадили в машину, набитую военнопленными. Думаю, опять на расстрел повезли – выжить я не надялся. В машине было много раненых, некоторые в тяжелом состоянии. Когда машина остановилась и конвой открыл дверь, я увидел Балтийское море – это была военно-морская база Пилау. Удивительно: музыка играет, немецкие офицеры танцуют.

Нас повели по городу. Автоматически я старался запомнить дорогу, по которой нас ведут, – я же летчик, привычка… Привели в какое-то здание, опоясанное вокруг колючей проволокой, рассортировали, и меня, как летчика, повели в здание. Зашел, смотрю, висит портрет Гитлера – от пола до потолка. У меня были руки в бинтах, ущипнуть себя я не мог, но все равно прикоснулся – не снится ли мне это, не почудилось ли. Оттуда меня повели в другое каменное здание. Открыли дверь, и я услышал гул голосов. В этом бараке было 100, а может, и 200 военнопленных разных национальностей, но в основном, конечно, советские. Я попытался расположиться на постеленной прямо на бетонный пол соломе, но ко мне подошли два человека в гимнастерках и сказали: «Ты здесь не располагайся, тут много предателей – пойдем с нами». Они отвели меня в угол огромного каменного амбара. Познакомились. Одного из них звали Колей, он был младшим лейтенантом, танкистом. Второй – разведчик, старший сержант, его имя уже забыл. Я им говорю: «У меня все

горит, я плохо вижу. Мне нужна перевязка». Один из них сбегал и привел медсестру. Медсестра русская – кажется, из-под Ельни. Когда немцы оккупировали Ельню, она связалась с немецким офицерским составом и при отступлении с ними ушла. Дошла до Пилау. Здесь она работала медсестрой в лагерном госпитале. Она чувствовала, что Красная Армия прет, скоро будет конец, и, конечно, помогала военнопленным. Познакомились. Медсестра сказала, чтобы я шел за ней. Она привела меня в какую-то комнату, где был врач-немец, она и фельдшер. Врач неплохо говорил по-русски. Стали снимать бинты. Боль страшная. Он мне говорит: «Ты, может быть, выживешь, но останешься рябым – у тебя страшный ожог лица. У тебя носа нет, рот сварился». Промыли все марганцовкой, всего забинтовали и отвели опять в это здание. Уже стемнело. Несмотря на страшную боль, я задремал. Проснулся от боли и не могу открыть глаза – обгоревшие веки слиплись. А я-то подумал, что потерял зрение. Коля-танкист опять нашел эту сестру. Она начала промывать мне глаза борной кислотой. Вот так все десять дней, что я был в плену, она мне помогала. Кроме того, она приносила шоколад, который Коля разогревал на лампе, сделанной из снарядной гильзы и поил меня – рот у меня сварился, и есть я не мог. Я уже боялся ложиться спать. Как заснешь, так теряешь зрение.

Город все время бомбили. В один из налетов бомба разорвалась рядом с нашим зданием, и рухнувшей крышей мне придавило ноги. Кое-как ребятам и мне удалось выползти из-под завала, а многие погибли. Они меня притащили в щель, вырытую рядом с разрушенным зданием. Там мы еще дней пять жили. Поскольку бомбили нас нещадно и ограждение лагеря было разрушено, а многие охранники убиты, я начал подговаривать ребят бежать. Поначалу старший сержант говорил, что многие пытались бежать, но их или предавали, или ловили. В том и другом случае беглецов расстреливали. Но постепенно мне удалось уговорить их, тем более что я предложил план. Бежать решили в ночь с 25 на 26 апреля, захватив на побережье лодку.

Однако 24-го числа мы попали в очередную партию пленных, которых немцы грузили на баржи и увозили в неизвестном направлении. Ходили слухи, что в Швецию, а некоторые говорили, что баржи топили в море. Так вот прошел шепот, что в эту ночь нас будут вывозить. Мы между собой договорились не бросать друг друга и если что, встречаться у нашей траншеи. Примерно в час ночи шум, гам, всех поднимают. Догадались, что поведут на причал на погрузку. Я протер глаза борной кислотой. Видеть я немного мог, но для того чтобы смотреть вперед, приходилось сильно закидывать голову назад. Начали нас

выводить, я пристроился. Построили несколько колонн военнопленных. Сотни, тысячи человек. Ночь была звездная и лунная – все прекрасно видно. На меня конвой не обращал внимания – мол, все равно доходяга, ему конец. Я прошел немного в строю и присел. Пленные и конвой ушли, а я остался. Думаю, куда идти? Кое-как выбрался на дорогу. По дороге шла немецкая колонна. Я остановился, никто из немцев не тронул – видят, весь в бинтах, раненый, рот завязан, одни глаза. Прошла эта огромная, может быть в тысячу человек, колонна. Самолеты летают – не поймешь, чьи: наши или немецкие. Чудом я вышел на ту дорогу, которую запоминал, когда первый раз меня вели в лагерь. Кое-как добрался до траншей, в которых мы сидели. Никого. Подал сигнал как мог своим обожженным ртом – никто не отвечает. Сел в траншею с мыслью ждать до утра, задремал. Проснулся от звука русской речи. Подходят мои ребята – тоже сбежали из колонны. Мы просидели остаток ночи и день, а на следующую ночь они пробрались к побережью. Присмотрели подходящую лодку, нашли весла. Вернулись, мне рассказали, мы пошли. Сели и поплыли на восток, ориентируясь по звездам. Ориентация в ночных условиях мне была знакома, к тому же вскоре взошла луна. Плыли мы до утра. Начало сереть, и я им сказал: «В светлое время нас или немецкая, или наша авиация расстреляет. Я сам летал, расстреливал корабли. Надо приставать к побережью иначе нам конец». Около 6 утра мы подгребли к берегу. Я услышал сначала говор и русский мат – славяне. Потом вырисовался контур побережья. С берега нас заметили и, не дожидаясь, пока мы подплывем, бросились к лодке. Я-то в бинтах и летной кожаной куртке, а товарищи мои в немецких шинелях: «А, фрицы! Мы вас сейчас!..» Схватили, лодку вытолкнули на побережье. Мы говорим: «Да мы советские!» Они ничего не слушают – раз в немецкой форме, значит, немецкие разведчики. Ребята показывают на меня: «Это советский летчик, капитан». Стянули куртку, а один погон на моей гимнастерке сохранился. Вроде поверили, повели нас к комбату. Как они доложили, я не знаю, но когда завели, кто-то сказал: «Да, это немецкие разведчики, их надо к стенке». Я говорю: «Минуточку, я капитан, летчик, тяжело ранен. Комбат, попроси, чтобы сделали мне перевязку – погибаю». Комбат дал указания: «Летчика, капитана, доставить в госпиталь». Посадили нас на танкетку и повезли. С трудом пробившись по заполненным войсками дорогам приехали в госпиталь. Меня сразу завели в операционную. Там на столах лежали раненые, стоял крик, стон, мат. Оперировали человек 40 хирургов. Меня посадили – мол, подожди. Рядом стол, там лежит здоровый советский воин, храпит. Ему водки влили, он заснул. И

прямо здесь на моих глазах располосовали его, достают железо – слышу, бросают, осколки, металл. Закончил врач эту операцию, передает дальше – там уже сестры бинтуют, зашивают. А он приготовился резать следующего. Потом обратился ко мне: «Капитан, будем срывать повязки». – «А можно смочить марганцовкой?» – «Ты видишь, сколько здесь человек лежит?» Начал срывать присохшие бинты – боль страшная. Я и стонал, и кричал от боли. После перевязки я вышел на крыльцо поискать моих ребят. Вижу, стоит машина с нашими освобожденными военнопленными, и ребята с ними. Я начал издавать звуки, они увидели меня. Я замахал рукой, и машина тронулась. Они поехали, а я остался. Так мы расстались. Одного звали Коля, младший лейтенант, танкист из Ленинграда. Старший сержант – разведчик. По сей день о них ничего не знаю.

Ну а дальше госпиталя… 1 Мая ко мне на двух полуторках прибыли командир полка Когрушев с летчиками. Я лежал, почти не разговаривал. Они зашли, увидели меня, пришли в ужас. Предложили мне зеркало – я отказался. Привезли с собой коньяк. Коля Кочмарик говорит: «Давайте спринцовку, мы нальем коньяку». Я согласился. Налил туда коньяку, вставил мне в рот. Я два глотка сделал и подавился. Начался кашель – начала лопаться кожа, кровь, боль. Врач-хирург прибежал, кричит: «Что вы делаете?»… В госпитале лечился месяца два. У меня губы сходили раз двадцать и нос тоже. Прямо снимаю корку и отбрасываю. Боли были такие, что первые 18–20 дней я не мог спать – только после укола морфия.

В августе я вернулся в свою часть. Я слышал, что есть приказ всех бывших в плену отправлять на государственную проверку. Командир пообещал, что не отправит меня, но осенью 45-го года пришел приказ, и ничего он сделать не смог. Пришлось ехать в 12-ю стрелковую запасную дивизию, что находилась на станции Алкино, близ города Уфа. Станция Алкино… От станции прошел километров десять пешком по лесу. Подхожу: колючая проволока, вышки, на вышках автоматчики, на КПП не войдешь и не выйдешь, все вооруженные. Предъявил документы, командировочное предписание, меня пропустили. Народу море – тысяч двадцать пять нас там было: партизаны, военнопленные, был генерал-кавалерист, друг Буденного, который заявлял: «Я напишу Семену Михайловичу, он меня вытащит отсюда». Мы уже уехали, а он там все сидел. Тысяч двадцать пять там было тех, кто был в плену или на оккупированной территории. Кое-как разместился, а вскоре меня вызывал оперуполномоченный СМЕРШа, старший лейтенант. Встретились, познакомились, и: «Рассказывай, как ты оказался в плену».

Я все рассказал. Личное дело со мной. Он все просмотрел. Говорит: «Почему тебя направили сюда? Тут знаешь, кто сидит? А ты был всего десять дней в плену, бежал из плена, личное дело у тебя на руках. Ты мне не нужен. Свободен, иди».

Вот так я прошел проверку, но из этой «дивизии» меня не выпустили, просто перевели в барак для прошедших проверку. Что мы там делали? Подъем, потом шли с ведрами за завтраком. Еда – бурда, конечно. Обед, ужин – одна вода. Играли в футбол, волейбол. Играть пришлось долго, до января. Вместе с выходившими на работу выходил за территорию лагеря, добирался до станции Алкино, ехал в Уфу на два-три дня, набирал водки, яиц, сала, сам наедался и ребятам привозил. Даже ходил на танцы.

Этот оперуполномоченный дней через 7–10 вызывал меня опять. Поговорили 15 минут, говорит: «Ты свободен. Ты мне не нужен». – «Как же отсюда вырваться?» – «Это уже не от меня зависит».

В лагере встретился с Федотовым Борисом, летчиком из нашего полка, сбитым под Оршей в 1943 году. Он мне очень помог. Я когда еще только ехал в лагерь, мне командир полка и смершевец говорят: «Через две недели вернешься!» Ну я и приехал в куртке и гимнастерке. А уже зима, мороз под 40. Бараки не отапливаются, двери почти не закрываются. А Борис был одет во все немецкое: ватные штаны, теплая шинель. Так вот он и его приятель, с которым они вместе освободились из лагеря, ложились по бокам, я в середину и двумя шинелями укрывались. Так и спали несколько месяцев.

Кстати, в этом лагере проходил проверку старший лейтенант, Герой Советского Союза А.И. Труд, ведомый Покрышкина. Так вот с его слов Покрышкин вылетал шестеркой или восьмеркой, ведущим, говорит: «Я атакую, все меня прикрывайте!» Набирал до 6 тысяч метров, а обычно бои велись от полторы тысячи до трех с половиной. Аэрокобра устойчивая, как утюг, скорость огромная, хорошее вооружение и кабина с прекрасным обзором. Я уже после войны летал на них в 72-м гвардейском полку. Так вот пять или семь летчиков только на него смотрят, чтобы никто не подошел, никто не сбил. На огромной скорости сверху врезается в группу противника, расстреливает какой-то самолет и уходит. За ним эта группа повторяет маневр. Если немецкая группа рассыпалась, они повторяют атаку на одиночек или пару.

В январе меня выпустили, а в Москве меня направили в 72-й Гвардейский истребительный полк. Но ярмо «был в плену» прошло со мной через всю жизнь и сильно ее испортило. Помню в 48-м или 49-м году я работал в Военном авиационном училище

летчиков во Фрунзе, прибыл проверяющий от НКВД со штаба дивизии. Вызывали всех и в том числе меня. Расспросил, а потом задал вопрос: «Почему ты не застрелился?» Я весь вскипел, но сдержался, чтобы его не пристрелить. Говорю: «Во-первых, был ранен, руки не работали, не мог достать пистолет. Потом пистолет сорвали, когда приземлился. И ордена рвали». Вот такой подлец. Ну, а в войну я выполнил 149 боевых вылетов, провел 39 воздушных боев, в которых лично сбил 9 самолетов и еще пять в группе.

Бурцев Александр Сергеевич
(Интервью А. Драбкина)

командир танка 170-й танковой бригады

30 марта 1945 года. Захватили деревушку, а в ней колонну техники: пленных, машины, бронетранспортеры, орудия, только танков не было. Остановились. Загрузили боеприпасами,

заправились горючим. Противник отошел километра на три. Все готово к продолжению наступления. Комбат говорит: «Пойдешь в головную заставу». Я вперед посылаю танк и следом за ним иду. Пока из деревни не вышли, я сел на шаровую установку пулемета, справа от механика-водителя, а наводчик и радист устроились на башне, свесив ноги в люки, сзади на трансмиссии расположилось человек десять десантников. Первый танк поехал, наш следом за ним, а дорога раскисла, и первый танк оставляет глубокую колею. Механик-водитель, чтобы не увязнуть, берет на полтрака левее. Проехали несколько метров, и вдруг взрыв! Танк подорвался на фугасе. Башня вместе с наводчиком и радистом улетела на двадцать метров (я потом ходил, смотрел). Оба живы остались, но ноги им покалечило. Меня взрывной волной закидывает на крышу дома, с которой я скатился во двор. Упал удачно – ничего не сломал. Я ворота распахиваю, выскакиваю на улицу. Танк горит, снаряды и патроны рвутся. Смотрю, впереди, метрах в четырех от танка, лежит парторг батальона. Его облило горючим, и он весь в огне. Я на него бросился, затушил, оттащил за ворота. В экипаже погибли механик-водитель и заряжающий, которые были в танке. А десант почти весь погиб. Один я легко отделался – только барабанные перепонки лопнули.

Неделю я походил в резерве батальона, а когда я немного выздоровел, комбат взял меня к себе на должность начальника штаба, поскольку начальник и помощник начальника штаба были ранены.

В мае 1945 года мы оставшиеся танки передали в другой батальон. Бригада воевала аж до 8-го числа, а мы стояли в резерве. 7-го командир батальона уехал. Я хоть и младший лейтенант, но остался за начальника штаба: «Ты тут организуй праздник. Говорят, что война кончается». Мы стояли в барском дворе – все есть: скот, вино. Комбат приезжает 8-го числа в 12 часов ночи, говорит: «Ребята, война закончилась». Что началось – это невозможно описать: стреляли из автоматов, пистолетов, из ракетниц. Потом все за стол. Народ от радости пьет. День пьет, второй, третий. Командиры чувствуют, что надо заняться чем-нибудь. И начали технику приводить в порядок.

Железнов Николай Яковлевич
(Интервью А. Драбкина)

командир танкового взвода 62-й Гвардейской танковой

бригады

Когда в январе 1945 года началась Висло-Одерская операция, мы примерно километров пятьдесят прошли во втором эшелоне. Потом наш батальон вывели в передовой отряд. Вечером 12 января в сумерках мы подошли к деревне Пешхница, которая находилась на подступах к городу Кельце. Это был крупный населенный пункт с домами, стоявшими в два или три ряда. Командир бригады развернул наш батальон, и мы пошли в атаку. Перед этой операцией я перешел в 3-й батальон, и вот почему. В деревне Зимноводы мы жили у поляков на квартирах и ходили к польским девчатам. Молодые же были. Мне было всего-то двадцать лет. Еще ветер в голове гулял. Ходили к ним мы с Лешкой Кудиновым, командиром моей роты. Мы с ним были в одном танке. Я был командиром первого взвода и командовал четырьмя танками: танком командира роты и своими тремя. Пришли мы как-то раз, а там была цыганка с цыганятами. Она нам говорит: «Давайте я вам погадаю». Мы отказывались, а тут польки встряли: «Да, чего вы боитесь, пусть погадает». Мы по-польски говорить не могли, но немного понимали, все же родственный язык. Лешка согласился. Взяла она левую руку, посмотрела, потом поглядела на него и говорит на ломаном русском языке: «Неудобно тебе говорить, но тебя убьют! Вот эта линия – она кончается». – «Ну, ладно». – он ей отвечает, и меня толкает: «Давай, ему погадай». Она взяла мою руку: «Ты, – говорит, – жить будешь долго, но будешь мучиться. Будет тяжелое ранение». – «Ну, наверное, руку или ногу оторвет», – подумал я. Настроение сразу испортилось – говорить не хотелось, и танцы были не в радость. Пришли к себе, Лешка говорит: «Николай, давай изменим свою судьбу. Мне, ротному, перейти в другой батальон сложно, а тебе, взводному, запросто. Тем более в 3-м танковом батальоне недокомплект командиров взводов». Я говорю: «Хорошо». И вот в этой операции я участвовал в составе 3-го танкового батальона…

Мы вошли в деревню, и тут немцы стали лупить по нам. Один танк горит, второй танк горит, третий… Били с близкого расстояния. Мой танк подскочил к перекрестку. На фоне горящего на углу дома отчетливо выделялся силуэт «Тигра». Расстояние до него было не более ста двадцати метров. Я наводчику на голову нажал, он сполз на боеукладку, а я сам сел на его место. Посмотрел в прицел – не вижу, куда стрелять. Открыл затвор, навел орудие через ствол. Мой снаряд ударил ему в борт, и танк вспыхнул. Только я сел на свое место, снял перчатку, хотел переключить радиостанцию на внутреннее переговорное

устройство, и в этот момент потерял сознание. Как потом я понял, немецкий танк, стоявший в метрах в пятидесяти перед нами, засек вспышку моего выстрела и влепил болванку прямо в лоб нашей машины. Очнулся я на боеукладке, на днище – танк горит, дышать нечем. Увидел разбитую голову механика-водителя: болванка прошла через него и между моих ног, но видимо, задела валенок и левую ногу вывернуло в коленном суставе. Рядом с оторванной рукой лежит заряжающий. Наводчик тоже убит – в него пошли все осколки, он, по существу, защитил меня своим телом. Я на руках подтянулся к командирскому люку, но вылезти не смог – не сгибалась левая нога, выбитая в колене. Я застрял в люке, через который с гулом рвалось наружу пламя. Ноги и задница в танке уже горят. Глаза застилает кровавая пелена – я получил еще и ожог глаз. Увидел, что идут два человека, я говорю: «Ребята, помогите вылезти». – «Железнов?!» – «Я!» Подбегают ко мне, за руки схватили и вынесли меня, а валенки так и остались в танке. Только отбежали метров на пятнадцать, и танк взорвался. Одежда на мне горит. Кое-как забросали меня снегом.

Да… Когда меня отвозили в медсанвзвод, Аня Сельцева, старший лейтенант, даже заплакала: «Коля, как же ты обгорел?» Ну, вот ты палец обожжешь – больно? А тут 35 процентов поверхности кожи сгорело! Как ты считаешь? Больно? У меня даже на лице кожа висела! Я ей говорю: «Ты мне воды дай попить, я пить хочу». Она мне не воды, а спирту налила и говорит: «Пей!» Я на нее выругался: «Что ж ты мне вместо воды спирт дала?» – «Тебе поможет. Притупит боль». Привезли в армейский госпиталь. Ногу загипсовали. Главное – я ничего не вижу, у меня все лицо распухло и отекло. Веки срослись, их потом разрезали… Не буду рассказывать. А то еще чего доброго заплачу… На днях мне принесли телеграмму ко Дню Победы от Ивана Сергеевича Любивець, который со своим ординарцем спас мне жизнь. Я заплакал. Нервы не выдержали.

А деревню эту мы так и не взяли, отступив в лес. На следующий день, перед тем как пойти в атаку, Лешка Кудинов вышел из танка и стоял на обочине курил. И вдруг он упал. Болванка, попав в бедро, оторвала ему ногу, и он умер от потери крови. Цыганка оказалась права… но лучше бы об этом не знать.

В госпитале я провалялся месяца два. Выписался я, когда армия вела бои за Берлин. Лицо стало розовым, все в рубцах, нога сгибалась плохо. Но мне сказали, что я ее в части разработаю. Действительно, нога разработалась. Осколок попал в мениск и на первых порах не мешал мне. Я с ним прожил почти пятьдесят лет.

А недавно мне поставили протез левого коленного сустава. Мениск износился. Осколок стал мешать ходить. Врачи посмотрели: «Как же ты ходил?» – «Нормально». – «Как нормально? Осколок внутри сустава, и ты ходил нормально?!» – «Конечно, прихрамывал». Я поэтому и перешел на тыловую работу. Хотел перейти на штабную работу, но не получилось.

Вот так закончилась война. А с немцами я в расчете. Я три танка потерял и у них три танка сжег, плюс бронетранспортер. Ну, а людей сколько побил – это уже не считается

Андриевский Сигизмунд Болеславович *(Интервью Ю. Трифонова)*

рядовой 7-го отдельного гвардейского мотоциклетного батальона

Первый бой на фронте для меня произошел в деревне Кляйнкрихен в Германии, мы двигались по дороге, и тут немцы по нам ударили из засады, но наша группа не растерялась, мы открыли сильный ответный огонь и разбили немцев. Нас как

разведчиков вообще очень хорошо вооружали, у меня всегда был с собой автомат, гранаты и бутылка с горючей смесью. Мы же идем в разведку, можем столкнуться с танками, поэтому надо иметь возможность их поджечь. Надо сказать, что с танками я не сталкивался, хотя видеть их приходилось. Вскоре я был награжден орденом Славы III степени за разгром немецкой транспортной колонны. Получилось все довольно просто, мы нарвались на отступающих немцев, у нас были пулеметы, выбрали удобную позицию, и из засады разбили всю колонну от и до. В числе немцев оказался один «власовец», который нам сразу сдался. Этого изменника, казаха по национальности, мы в часть привели, он всю дорогу одно говорил, будто он только на машине ездил. Мы заезжаем в расположение, и тут командир наш идет, спрашивает о пленном: «Кто такой?» Как узнал, что это «власовец», сразу приказал: «Расстрелять!» Рядом находилась воронка от бомбы, у меня уже в автомате патронов не было, тогда ребята другие выстрелили, где его, собаку, жалеть, и кинули прямо в эту воронку. Расстреляли, не дали ему жить.

Из Германии нас направили в Венгрию, где мне довелось поджечь танк. Это произошло в г. Дебрецени, я сначала увидел стальную махину, сразу нашел старую яму, вскочил туда. К счастью, яма вся заросла травой, я там укрылся, немцы ничего не разглядели, а я тем временем подготовил им подарок – бутылку с зажигательной смесью. Танк мимо ямы прошел, оставалось до него метров 12, тогда я кинул бутылку и попал прямо в трансмиссию, когда бутылка разбивается, огонь образуется температурой в 1000 градусов. Естественно, танк сразу воспламенился, внутри все разогрелось, экипажу дышать невозможно, поэтому фрицы начали вылезать из люков, тогда я их из автомата всех расстрелял. За танк мне дали Орден Красной Звезды. Дальше мы пошли вглубь страны, на границе именно мы, разведчики, перебили пограничников, и путь стал свободен, наши войска подошли сзади, начали брать город за городом. Бои были тяжелые, особенно за Будапешт, я в городских боях участвовал, основная проблема заключалась в том, что немцы по нам из окон стреляли и откуда хочешь. Причем в городе оборонялись в основном немцы, были и венгры, но мало. Мы там долго дрались. Атаковали дома следующим образом: сразу простреляем хорошенько, подавим огневые точки, заставим немцев укрыться, а тем временем хлопцы подлезут поближе. И кто как в дом прорывался, особенно удобно было в двухэтажные забираться, потому что в таких домах немцы очень любили на втором этаже сидеть, сверху же им видно все. После того как мы оказались внутри дома, то все, он уже считай наш, мы немцев подушили и

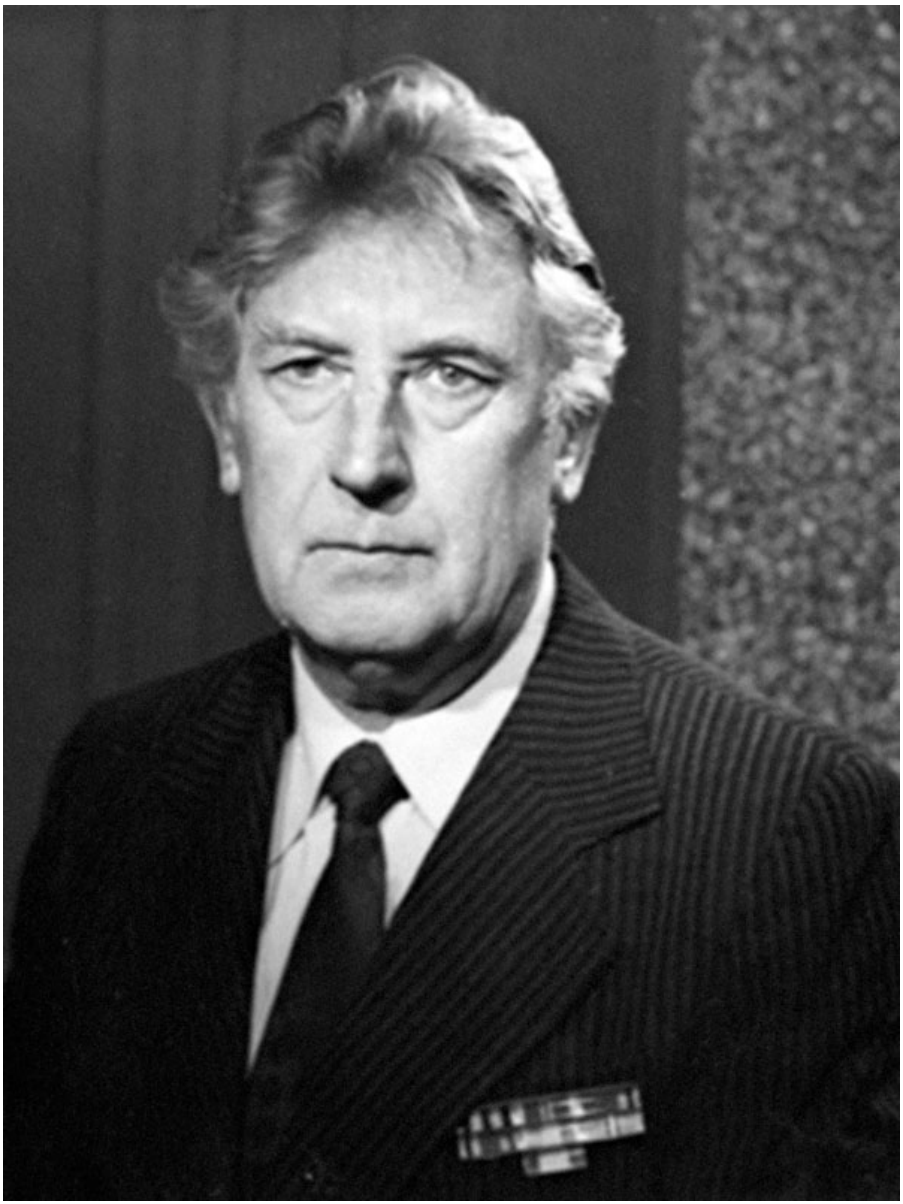
побили быстро, и новый дом захватывать надо. Почти все дома в городе мы брали в основном штурмом, и где немцы могли тикать через двери или окна, там обязательно стояли два человека с ножами. Самое главное, во время штурма обязательно надо хранить боепитание, стреляешь по 2–3 патрона, там на автомате переводится на короткие очереди или одиночные. Кстати, переключать на наших автоматах режим стрельбы было очень удобно, к примеру, одного немца убили, хорошо, если еще лезут, то быстро перевел на автоматическую стрельбу и по пять человек скосил очередью. Попадались в городе и эсэсовцы в камуфляжных куртках, мы их в одном доме человек восемь уничтожили, вот они действительно сопротивлялись сильно. Но мы к тому времени были хорошо вооружены и отлично обучены, потому всегда эсесовцев побеждали. Больше всего в Венгрии мне запомнилось озеро Балатон, там нас кормили рыбой, до сих пор помню, какая она была костлявая.

Дальше мы опять вернулись в Германию, где в 11 марта 1945 г. меня ранило. Я пошел в разведку, а немцы тоже разведку выслали, у нас с ними получился встречный бой, во время которого меня ранило в ногу, пуля в колене сидела. Оттуда я очень быстро попал в госпиталь, привезли в Шепетовку, где я начинал войну, сразу операцию сделали, оказалось, что пуля сидела под чашечкой, ее достали и убрали. Я хоть начал ходить, а то ноги не сгибались, там же было инородное тело. Тогда наркоз не делали, кричи хоть как, видишь, как врач твою рану раздвигает. Но зажило все быстро, я оттуда попал назад в свою часть, сразу же снова сел на мотоцикл.

Вскоре после возвращения в Германию наша часть приняла участие в штурме города Берлина. Мы заранее переправились на один из плацдармов. Попасть на другой берег Одера было весьма непросто, немцы постоянно держали переправу под артиллерийским обстрелом, были у нас раненые и убитые, причем немало. Из-за обстрела понтоны раздвигали на день, мы переправлялись только ночью. Хорошо врезалась в память ночь переправы – понтоны подошли к нашему берегу, и сразу все устремились на тот берег, пехотинцы бросались в воду, кто на досках, кто как, лишь бы поскорее до обстрела переправиться, для танков заранее нашли брод, а вот легкие танки под водой прошли. Представляете, у нас уже были танки, способные преодолевать реки под водой. И все прошло в целом довольно удачно. Нас отправили на Зееловские высоты, дело в том, что там немцы сосредоточили много различных войск, там были аэродромы, большие и хорошо укрытые. На наше счастье, Жуков разоблачил немцев. Поэтому сразу после переправы нас послали в

разведку, мотоциклы мы оставили с часовым под деревьями, а сами переправились через реку по веревке, дальше все время ползли. И как раз наша группа была в числе тех, кто разведал всю тайну, я лично наблюдал картину скопления на высотах большого количества немецких войск, в том числе аэродромы. В этой разведке я был ранен, потому что там стояло очень много часовых по периметру, и один из них засек нас, открыл огонь и ранил меня пулями в голову. Кстати сказать, операцию мне сделали только в 1957 г. в институте им. Бурденко в Москве. А так остался я на фронте, меня хотели отправить в госпиталь, но что-то помешало, и я лечился при части. 2 мая 1945 г. я вместе со своими однополчанами встретил в Берлине, всем было так хорошо, радостно, мы стреляли в воздух, подбрасывали шапки и пилотки, наконец-то свершилось. Помню, что я в воздух целый автоматный диск выпустил. Наша часть была недалеко от Рейхстага, нам даже показывали какие-то обгоревшие куски, говорили, что это Гитлер.

Логачев Владимир Герасимович
(Интервью Н. Чобану)



минометчик 339-го стрелкового полка 120-й гвардейской стрелковой дивизии

13 январе 1945 года началось наступление на Сандомирском

плацдарме, а мы пошли вперед на следующий день. Мы пошли вперед за танками, и помню, что за день потеряли всего двух человек. Но что было страшно? Снега почти не было, но холода стояли сильные, и окапываться было невозможно, так как земля была твердая, как камень, и при взрывах комья земли поражали так же, как и осколки. Заняли мы позиции возле какого-то хутора, а это было на самой границе с Восточной Пруссией. Особого сопротивления мы не встречали, и тут немцы предприняли контратаку, сильно нажали. Откуда-то с фланга нас начал обстреливать крупнокалиберный пулемет, командиры растерялись, и началась паника. А это самое страшное. Мимо нас прошла отступившая пехота, и мы фактически остались с нашими минометами прямо перед немцами. Кроме нас, там оставалось еще одно орудие, командир которого попросил нас помочь развернуть его, чтобы он смог подавить немецкий пулемет. Наш командир, совсем юный, только-только прибывший на фронт, необстрелянный младший лейтенант, растерялся и забился в щель. Мы его начали убеждать, что нужно отступить в рощицу, так как без прикрытия пехоты немцы нас «возьмут голыми руками». Убедили. Разобрали минометы и начали отходить, причем кучно, жмемся друг к другу, а ведь группа солдат – это такая удобная цель. Но я уже тогда понимал, что в критические моменты человеком овладевает стадное чувство, поэтому постарался идти чуть поодаль от солдат нашей роты. Помню, что я еще думал, как бы не попасть в плен, в оккупации насмотрелся на их состояние… Приготовил на всякий случай пару гранат, подобрал кем-то брошенные автомат и винтовку. В этот момент появились немецкие самоходки и начали нас обстреливать. Только я достиг спасительной рощицы, как меня сильно ударило и бросило на землю. Боли я не почувствовал, но понял, что ранен в поясничную область, как потом оказалось, был задет и позвоночник. Пытаюсь встать, а ноги не действуют. Лежу, как говорится «скучаю» и ясно понимаю, что мне «конец»: двигаться я не могу, и помочь мне абсолютно некому, вокруг ни души… А в таких ситуациях только в кино кричат: «Санитары!» У нас в батальоне, например, была только одна девушка-санинструктор, два пожилых санитара и всего одна санитарная повозка. Ну сколько человек они могли спасти? Поэтому выживали в основном те раненые, которые сами могли добраться до медсанбата… Но мне крупно повезло! Вдруг вылетает из-за поворота открытый «Виллис». В нем были водитель и два офицера с рацией. Они меня спрашивают: «Солдат, где тут немцы контратакуют?» Я как смог показал направление, они передали это по рации и… развернулись, чтобы уехать… Я закричал:

«Ребята, заберите меня отсюда!» Они посмотрели на меня, как бы решая, стоит ли… Один из них говорит: «Х… с ним», и правда, что тогда стоила солдатская жизнь? Ничего! Но второй сказал: «Давай возьмем его». И они меня все-таки подобрали и отвезли в тыл. По дороге из машины я в последний раз видел солдат моей роты. Но медсанбат, в который меня привезли, уже почти был готов к эвакуации, и меня не хотели принимать… А мне было уже очень плохо, и, набравшись последних сил, я заявил тому санитару: «Сейчас пристрелю тебя, и мне за это ничего не будет», у меня еще была с собой винтовка. Угроза подействовала, и меня отправили в прифронтовой госпиталь. В этой палатке меня прооперировали, и транзитом через еще один госпиталь я оказался аж в Уфе. И там я пролежал до середины июня 1945 года, то есть фактически полгода.

Пятиэтажное здание госпиталя, бывшей школы, было переполнено страдающими людьми. Поначалу мне не давали никакой надежды, что я буду ходить. Один врач мне так прямо и сказал: «Парень, готовься к самому худшему»… А таких инвалидов сразу после войны были миллионы, всем им помочь не могли, и поэтому их основная масса спилась и погибла в первые послевоенные годы… Помню, что инвалидов без рук и без ног называли «самоварами»… И так мне обидно стало! Я ведь был совсем пацан 18 лет, даже не брился еще тогда, жизни совсем не видел и не знал… Врачи мне помочь не могли, так, кормили, перевязывали, конечно. И что тут сработало: тяга к жизни, какая-то генетическая память? Я не знаю, но эти слова врача меня задели и подстегнули. Ведь я толком и не учился еще, знаний, тем более в медицине, не было, что такое мануальная терапия, и даже массаж, в то время не знал. Но я, сначала превозмогая боль, научился сидеть, а потом стал мять, сейчас бы сказали массировать, свои ноги. И как оказалось, интуитивно я стал делать именно то, что мне помогло. Мои многочасовые сеансы «массажа» стали давать результат: вначале я смог пошевелить пальцами, а потом, постепенно чувствительность начала возвращаться к моим ногам. Кое-как я начал ковылять, но к моменту выписки уже ходил с палочкой. Так я фактически сам поставил себя на ноги. Система физических упражнений, разработанная мною тогда, помогла мне прожить полноценную жизнь. Занимаюсь я по ней ежедневно.

Темеров Владимир Викторович
(Интервью А. Драбкина)

штурман 122-го Гвардейского бомбардировочного полка

Надо сказать, что еще мальчишкой в Одессе, когда началась Вторая мировая война, из сводок было известно, что английская авиация совершала налеты на город Кенигсберг. Тогда я впервые в жизни услыхал название этого города, конечно же, не представлял себе, что когда-то мне тоже придется бомбить Кенигсберг. Перед вылетом мы собрались в классе предполетной подготовки, где проводился инструктаж, был вывешен фотопланшет Кенигсберга, размером метр на метр. Дешифровщики обвели красным наши цели – порт, вокзалы, аэродром и прочее. От каждого из трех полков дивизии в вылете участвовало по две эскадрильи, 54 самолета. Вылетели мы из-под Истенбурга во второй половине дня. Под плоскостями подвешены две отличные 250 килограммовые немецкие авиабомбы, в бомболюке наши сотки. Помимо фугасных, мы использовали и немецкие кассетные ротативно-рассеивающие бомбы. Надо отметить высокие баллистические данные немецких боеприпасов.

Прошли южнее Кенигсберга, и на траверсе Куршской косы развернулись на цель, чтобы зайти с моря, со стороны солнца. Шли со снижением на высоте 5000. Впереди, по курсу над Кенигсбегом, наблюдаем сплошную стену черных разрывов снарядов зенитных батарей. Немцы открыли заградительный огонь. На такой большой высоте в неотапливаемой кабине, по логике вещей, мы должны были мерзнуть, но мы потели. Надо сказать, конверсионные следы от массы работающих моторов создавали впечатление грандиозности происходящего. Примерно за два километра до цели мы увидели прямо по курсу черные разрывы зенитных снарядов. Било не менее двух десятков стволов. Мы шли со снижением, и скорость у нас была довольно солидная. Тем не менее, когда мы вошли в зону этого обстрела, стало тревожно – кругом разрывы, самолет то подбрасывает вверх, то бросает вниз, то влево, то вправо, а надо соблюдать строй. Вышли на цель. Город с его черепичными крышами в лучах заходящего солнца казался красным, совершенно нетронутым. По ведущему сбросили бомбы по центру Кенигсберга и благополучно вернулись домой. А вот когда мы летали на него в апреле, так дым поднимался выше 3000 метров. Земля была видна, но запах гари стоял в кабине. Мы видели, как внизу утюжат землю штурмовики, видели батареи, которые по нам стреляют. После одного из вылетов мы насчитали 41 дырку. Пришел усатый дядька дядя Вася с ведерком эмалита и перкалевыми латками. Он подходил к дырке в фюзеляже, намажет клеем, латку шлеп – и все в порядке. Конечно, так делали только в том случае, когда осколки не повреждали детали конструкции. Но такого у нас не было.

21 февраля 1945 года после одного из вылетов пришлось нам садиться на вынужденную. Возвращаясь с боевого задания, наша девятка в районе аэродрома попала в густой снегопад. Даже консоли собственного самолета не просматривались. Когда вывалились – девятка распалась. Одни самолеты направились в Шяуляй, но там при посадке на раскисший аэродром одна машина скапотировала. Мы же взяли курс на Тильзит, где на наших картах был обозначен запасной аэродром. Прилетаем, а там стоит У-2 на пятачке и кругом лес, сесть невозможно. Пока мы туда-сюда, уже стрелка горючего на нуле. Валентин все же нашел площадку среди леса. Я только помню, как я его взял за грудки, прижался к спинке. Боковым зрением увидел, как слева проскочила трансформаторная будка красного кирпича. Вдруг трах-трах-трах – и тишина. Оказывается, мы приземлились на территории немецкого концлагеря, сбили два ряда здоровых столбов с проволокой и остановились. Я пытался открыть колпак, но открылась только передняя часть сантиметров на десять, а дальше никак. Выбираться пришлось через нижний люк. Смотрю, метрах в сорока из бурьяна выглядывает фигура солдатика, усатого дядьки в возрасте. Выглянет и прячется. Я ему кричу: «Свои!» Он подошел, сказал, куда идти.

Я говорю стрелку: «Давай откроем бортпаек. Нам говорили, что там шоколад есть». Открыли, батюшки, а там кроме трухи от галет, ничего нет. Вот это было обидно! Стрелка оставили у самолета, а сами пошли. Тут я впервые в жизни увидел немцев. Конечно, уже пленных. Небольшая группа человек пятнадцать, шла под конвоем нам навстречу. Они остановились, встали на край шоссе, и когда мы подошли, отдали нам честь. Они были одеты кто в чем, вид у них был затрапезный. Подошли мы к зданию начальника лагеря немецких военнопленных. Капитальное, одноэтажное здание штаба, анфилада больших комнат, все в коже, диваны, кресла, стоят напольные массивные часы с маятником, которые потом заполонили магазины Москвы. Пришли в кабинет. Огромный дубовый стол. За столом майор. Он говорит: «У нас очень сложная обстановка. Сейчас по лесам бродят немецкие подразделения, которые оказались у нас в тылу. У меня нет связи с авиационными частями, но я вам дам машину». – «Хорошо. Только надо охрану выставить у самолета, и стрелок-радист будет у вас, вы его возьмите на довольствие». Договорились. Поехали назад к самолету с отделением солдатиков, которые будут отвечать за сохранность оборудования. Я залез в кабину, включил приборы. А там 40 с чем-то электромоторов, они гудят. Начальнику караула говорю: «Смотри, там остались бомбы. Я сейчас их выключу, но если кто

полезет, живым он уже из кабины не вылезет». Припугнул, чтобы не воровали. Утром приехали в Тильзит. Запомнилось четырехэтажное здание консерватории. Окна раскрыты настежь, и из каждого окна раздается какофония на рояле – солдаты лазят. Зашли в кирху, а в ней громадный орган, смотрю, солдаты растаскивают трубы. Зачем они им нужны? Вмешиваться не стал, потому что народ был военный, если чего не понравится, то мало не покажется. Приехал за нами комэск Михаил Владимирович Брехов.

Он рассказал, что после нас в снежную круговерть вошла девятка из 119-го полка. Два самолета столкнулись и врезались в землю по хвосты и взорвались. Кто погиб, не ясно, поскольку судьба нашего экипажа была неизвестна. Пытались определить по номерам выброшенных взрывом пистолетов. Но учет оружия в частях оказался не на высоте.

Наше прибытие встретили с большой радостью. Даже налили по рюмке. На место посадки самолета выехали инженер полка и техник самолета Иван Жерносенко на предмет возможности его ремонта. Однако повреждения, полученные от столкновения с бетонными столбами, такую возможность исключали.

Дальше война пошла своим чередом. Как-то зенитный снаряд попал в наш самолет. Выбил в правой плоскости консольный бензобак. Образовалась большая дыра, но вернулись и сели нормально. Применять пулемет против истребителей мне за всю войну не пришлось. Только когда уже закончилась война, в Елгаве. Командир полка объявил: «Победа!», тогда мы сели в самолеты и устроили салют.

Когда закончилась восточнопрусская операции, Кенигсберг был взят, фактически война для нас закончилась. Мы стали заниматься трофеями. Надо сказать, что авиаторам трофеи не доставались. Мы приходили и располагались в населенных пунктах, где прошла пехота, а после нее ничего не оставалось. Они даже с кожаных диванов кожу срезали.

Развилось движение кладоискателей. Считалось, что немцы, уходя, что-то зарывали. Ходили целые группы, вооруженные металлическими штырями, щупали землю. Мы тоже один раз ходили, но никаких трофеев не нашли. Тогда мы рванули в Кенигсберг. Наши военные там жили припеваючи. Хотя Кенигсберг был разрушен, но по окраинам сохранились хорошие коттеджи. Немцы предприимчивые, уже были открыты заведения, куда можно было зайти, выпить шнапса и купить колбасу. На многих домах были вывешены белые полотнища и написано крупными буквами – тиф. Видимо, с тем расчетом, чтобы слишком не шастали по немецким домам. Мы ходили на

пепелища, собирали оставшуюся посуду. Мне даже удалось послать посылочку с тарелочками, блюдечками, чашками, которые мы там насобирали. Стрелком-радистом в экипаже комэска Брехова был одессит Фима Литвак. Он был награжден Орденом Красного Знамени за то, что сбил «фоккера». Ну кто еще может сбить истребитель, как не стрелок экипажа комэска? Вот как-то раз Фима, насобирав трофеев, ехал на полуторке. Мешок положил в кузов, а сам в кабине. Когда поравнялись с нашим КПП, шофер притормозил, говорит: «Давай спрыгивай». Фима соскочил, а тот по газам, и мешок так и остался в кузове. Как он переживал!

Где-то в это же время нам на экипаж выдали девять килограммов сахара. Мы стали варить сахарные помадки с молоком. А молока было – пей не хочу! В нашем БАО было 115 коров.

Вскоре нашу дивизию перебросили в Прибалтику, на аэродром у города Елгава. 5 мая 1945 года наш экипаж был удостоен правительственных наград. Меня и Валерия наградили орденами Красного Знамени, а Николая – Орденом Отечественной войны 1-й степени. Весьма кстати, незадолго до этого, нам на экипаж из трофеев фронта выдали 9 кг сахара. С этим сахаром мы снарядили старшину Ивана Жерносенко в город. Вернулся он с бутылью самогонки. Было чем отметить столь знаменательное событие.

А 8 мая боевая тревога – на аэродром! Боевая задача – разбомбить штаб курляндской группировки в городе Кулдига. Погода была плохая. Поэтому на разведку послали один экипаж. Полетел летчик Трегубов, а в качестве штурмана полетел подполковник из штаба дивизии. Видимо, просто хотел сделать еще один боевой вылет. Вскорости они вернулись. Мы их окружили, стали расспрашивать. Этот подполковник показывает планшет, рассеченный осколком. Облачность была низкая, шли на малой высоте, и их обстреляли. Тем не менее мы взлетели бомбить Кулдигу, но нас перенацелили на подавление живой силы и техники противника в городе Скронда. Я уже значительно позднее подумал: «Ну зачем же было бомбить город 8 мая?» Облачность была порядка 800 метров. По нам стреляло все, и зенитная артиллерия и крупнокалиберные пулеметы. Такое ощущение, что все пули и снаряды летят в тебя. Но мы зашли, как положено, сбросили бомбы, вернулись. Когда мы приземлились, оказалось, что не вернулся экипаж Трегубова. Они были сбиты и погибли. А ведь их предупреждали после первого полета, что нельзя им лететь, планшет пробили.

Жили мы в каменном доме, где были двухэтажные нары. Я

лично спал на верхних нарах. И вдруг ночью, около 5 часов, страшный шум, пальба, ракеты и крики: «Победа! Победа!» Некоторые стали пулять сразу в потолок. Начала штукатурка сыпаться. Кричали, обнимались. Победа!

Иванов Мстислав Борисович
(Интервью А. Драбкина)

помощник командира взвода 365-й отдельной разведывательной роты 303-й стрелковой дивизии

Прошли Молдавию, Румынию, Венгрию, Австрию чуть-чуть зацепили, а закончили войну в Чехословакии. Война окончилась 9 мая, а 11 мая подо мной убило коня. После 9-го двигались колонной. Меня и Ваську Сгурина на конях на всякий случай послали вперед. Там была засада. То ли власовцев, то ли эсэсовцев. Дураки, нервы не выдержали. Подпустили бы нас поближе и расстреляли бы в упор, а они с дальнего расстояния открыли по нам огонь. Моего коня наповал. Он упал и мне сломал ступню. Я сумел отбежать с дороги в кювет. Залегли. Видим, к нам по этой канаве ползут два цивильных парня. Мы стрелять не стали. Понятно, что это мирные жители. Я им показал, что у меня лапа сломана, кость за кость заскочила. Они побежали, приволокли носилки и вытащили меня. В полуподвальном помещении работает пожилой военврач в военной словацкой форме. Вокруг бегают медсестры. Наши-то ходили в рейтузах, а эти в таких плавочках. Лежу на носилках – мне все видно, так приятно стало. Ваську поставил на выход. С меня пот градом. Он берет пальцы и ставит их на место. Я молчу, хотя боль страшная. Говорит медсестре: «Бинтуй! Потом гипс». – «Нет, гипс не надо». Чувствую, он их не вытянул. Кричу: «Васька, иди сюда! Разматывай бинт». Сел на носилки, ногу вытянул, каждую косточку прощупал, поставил на место: «Теперь бинтуй туго. А теперь можно гипс». Врач только головой помотал. Через год уже сальто прыгал…

Пять месяцев пролежал с ногой в госпитале в Братиславе. Оттуда уже меня демобилизовали. Попал во вторую очередь демобилизации по количеству ранений. У кого больше трех ранений, того во вторую очередь. Вот по дороге домой, пока добирался, тут очень хотел выжить. Потому что у возвращавшихся была инерция убийства – за малейший поступок стреляли друг друга. Большинство ехало с оружием. И у меня за голенищем в разобранном виде был «Вальтер». В вагоне ко мне привязался один и здорово меня оскорбил. В другой бы момент довел бы дело до конца, но здесь старался ни с кем не конфликтовать. Попутчики мои, с которыми уже не первый день ехали и которые знали, кто я и что я, вывели его в тамбур и бросили под поезд. 7 ноября приехал домой в Ката-курган.

Переход к мирной жизни давался очень трудно. Меня многие криминальные группировки хотели приобрести, потому что я умел воровать и убивать. Как раз то, что надо. Очень агитировал преступный мир. Но не пошел по скользкой дорожке. Что удержало? Не хотел своих убивать и грабить. Я привык к настоящему противнику, который может оказать сопротивление.

И потом хотел учиться. В декабре поехал в Самарканд. С детства мое хобби – животные. До войны подал в Ленинградский охотоведческий институт. Мне пришел ответ, что по окончании войны примут без экзаменов. У меня осталась эта бумажка. Но после войны на какие шиши я туда поеду. Приехал голый, без всяких трофеев – демобилизовался-то из госпиталя. Если бы из роты, то и одели бы нормально, и трофеи были. Мы врывались в Венгрии в города, где все ювелирные магазины были открыты, ничего не успели спрятать. У всех были полные карманы часов, браслетов. Правда, трофейщиков, тех, кто набирал, убивало в первую очередь. Он думает об этих трофеях, значит, ему хочется выжить. Это губит. Я сдавал в обоз. Нинке я подарил бриллиантовый браслет с миниатюрными часиками. Она ко мне в госпиталь приезжала. Говорит: «Возьми с собой, тебе пригодится». Я отказался: «Нет, это мой подарок».

Я поехал в Самарканд. Пошел в университет на биофак. Там не было ни одного парня, одни девки. Решил, что в таком коллективе не смогу ужиться. Пошел в Узбекский государственный университет на геологический факультет. Там был декан Крюков. Он говорит: «Зачем год терять?! Поступай в этом году». – «Я по-русски говорить уже разучился, кроме мата ничего не знаю». – «Ничего, сделаем тебе формально экзамены». Я рискнул. В декабре поступил в университет.

У меня была одна гимнастерка, одни штаны и трофейные сапоги, которые я постоянно ремонтировал. Я любил спорт еще со школы. В университете начал заниматься акробатикой. Нам выдавали форму. Мы ее продали на базаре. На вырученные деньги приобрел ботинки, штаны. Голодуха была страшная! Из госпиталя я приехал отожравшийся. За год учебы потерял 16 килограммов.

Скопас Шалом Лейбович *(Интервью Г. Койфмана)*

помощник командира взвода 18-й отдельной разведывательной роты 16-й Литовской стрелковой дивизии

12 января 1945-го, за несколько дней до переброски дивизии

из Курляндии под Клайпеду, я получил приказ немедленно взять свежего «языка». Понимаете, мне приказали – немедленно! Даже не дали времени подготовить поиск или дождаться ночи. По опушке леса шла линия немецкой обороны, которую держали войска СС. Пошли днем на участке 156-го СП, вел за собой 17 человек. Ворвались незамеченными к немцам в траншею… и началась рукопашная схватка. В итоге – убили 29 немцев, а «языка» не взяли. Всех побили в «горячке боя». Наши потери – трое убитых, двое тяжелораненых. Я успел убить в рукопашной пятерых немцев, но не успел среагировать на эсэсовца, выскочившего из-за поворота траншеи и метров с пяти кинувшего в меня гранату. Достал меня, курва немецкая. Дальше взрыв, боль и полный провал… Очнулся в госпитале на третьи сутки, весь пораненный осколками, с перебитыми костями. Долго не мог понять, на каком свете я нахожусь. Хирург, оперировавший меня, принес мне мою покореженную медаль и сказал: «Если бы не медаль, тебя бы в живых не было, осколок должен был точно в сердце попасть!» Отправили меня в тыл «санлетучкой». Рядом со мной лежал раненый и обгоревший, ослепший капитан-танкист без обеих рук и без ноги… Я был полностью закован в гипсе. Через месяц снимали гипс по частям и иссекали язвы и струпья, руки и ноги закрыли гипсовыми «лангетами». Когда 9 мая объявили о Победе, я на радостях пытался пуститься в пляс, сорвал с себя все «лангеты»… Медработники меня снова «определили» в гипс. Прошло еще два месяца, прежде чем меня выписали из госпиталя. Дали 30 дней отпуска на долечивание. Поехал к тетке в Куйбышев, а оттуда уже вернулся в Литву, в свою 16-ю Литовскую Краснознаменную клайпедскую дивизию.

Бухенко Владимир Федорович
(Интервью Н. Чобану)

разведчик 23-й отдельной гвардейской разведывательной роты 27-й гвардейской стрелковой дивизии

Это было в январе 1945 года, в период Висло-Одерской операции, сразу после освобождения города Лодзь. Нам была поставлена задача проникнуть в тыл к немцам и уточнить: занята ли тыловая линия обороны немецкими войсками, так как шло наше наступление и сплошной линии фронта не было. Если да, то взять «языка» или добыть документы немецких солдат. На двух танках нашей группе из шести человек, я был старшим, беспрепятственно удалось попасть в тыл к немцам. Перед рассветом мы достигли какого-то населенного пункта, танкисты отправились выполнять свое задание, а мы свое. У поляков удалось выяснить, в каком доме находятся немцы, и мы решили взять их в плен. Немцы, уверенные, что у себя в тылу они находятся в полной безопасности, не выставили охранения, и когда мы беспрепятственно вошли в дом и осветили их фонариками, то они продолжили спать и не обратили на нас никакого внимания. Пришлось им скомандовать «Хальт! Хенде Хох!» Так мы взяли в плен группу примерно из двадцати немцев. Пока думали, что с ними делать, оказалось, что в нашем направлении движется еще одна группа немцев. Чтобы не оказаться обнаруженными мы решили захватить и их. Впятером спрятались за забором, и когда они проходили мимо нас, одновременно наставили на них автоматы. Так у нас оказался 41 пленный, из которых было три офицера. Решили выводить их в расположение наших войск, двигаясь полем на восток, параллельно дороге. Построили их в колонну по четыре, поручили командовать одному из офицеров, а сами шли позади. Сначала мимо нас проходили немецкие колонны, а потом появились и наши танки. Когда мы вышли на дорогу, колонна танков вдруг остановилась, вокруг нас собрались танкисты и начали бить пленных. Лишь с большим трудом нам удалось прекратить это избиение. Мы продолжили свой путь, но понимали, что время идет, данные нужно доставить быстрее, а мы возимся с этими немцами… Тогда оставили пленных проходящему артполку, причем его командир пытался уговорить нас остаться служить у него артиллерийскими разведчиками, и даже обещал представить нас к званию ГСС. Но мы с документами немцев отправились искать штаб дивизии, который нашли только к вечеру. Но начальник разведотдела дивизии лишь обругал нас: «Пока вы ходили, ваша информация устарела»… Конечно, своевременно доставить данные нам не удалось, но и так нас отчитать, не учитывая 41 захваченного пленного… Нам было

обидно.

Бои там были очень тяжелые. Были, конечно, там у нас и такие мысли: «что пройти столько боев, и погибнуть в самом конце войны»… Это было тяжело морально, но воевать хуже, беречь себя мы не стали. Немцы понимали, что им пришел конец, сражались здорово, но после того, что нам довелось «хлебнуть» в Познани, бои в Берлине мне лично дались легче, так как у нас было просто подавляющее преимущество в силах. Первоначально в Познани нас оставили 20 тысяч войск против 60 тысяч немцев. Можете себе представить… Как и в Познани, мы, разведчики, в составе штурмовых групп участвовали в уличных боях. А в Берлине было столько наших войск, что воевать было, конечно, легче. Зачастую это было просто избиение немцев. Например, я помню такой эпизод. Наша дивизия брала два берлинских аэродрома. На краю одного из них была железная дорога, чуть «утопленная в землю». По этой колее отступали немцы, так как через летное поле это сделать было невозможно. А сразу за этой дорогой стояли дома, которые мы заняли. И я помню, как мы с третьего этажа просто «поливали» из автоматов этих отступающих фактически прямо под нами немцев… Или когда огнеметчики поджигали дома, а немецкие солдаты, спасаясь от пожара, выпрыгивали в окна, то даже у нас появлялось чувство, похожее на жалость…

Наша рота закончила войну в Берлине, в районе Рейхсканцелярии. Акт о капитуляции Берлинского гарнизона был подписан на НП нашего командарма Чуйкова. Это произошло 2 мая, и с этого момента мы в боях уже больше не участвовали. Заданий никаких не было, мы в основном отдыхали, отмывались, приводили себя в порядок. Наша рота разместилась в одном из домов, немцы где-то прятались, а мы жили в их пустующих квартирах. Впервые за долгое время мы спали в нормальных постелях… Вечером 8 мая по войскам прокатился слух, что ведутся переговоры о капитуляции Германии. А утром поднялась дикая стрельба, вокруг стреляли из всего, чего только можно. Мы похватали свое оружие, а нам говорят: «Победа! Конец войне!» Радость, конечно, была огромная! Столько всего перенесли, столько людей потеряли! Не верилось, что мы дожили до Победы… Естественно, решено было отметить. Двор нашего дома был замкнутый, и мы поставили там столы. Старшина роты обеспечил еду и выпивку, и мы, коллективно, всей нашей ротой во главе с командиром, отметили Победу. А немцы, которые уже начали возвращаться, смотрели на нас из окон. Потом мы ходили смотреть Рейхсканцелярию, Рейхстаг. Но на Рейхстаге я не расписался, как-то не придал тогда этому значения.

Каждый из фронтовиков мечтал о Победе, о мире, и когда они настали, то ничего кроме радости мы не испытывали. Казалось, что даже дышится легче. Мы, конечно, уже начали задумываться о том, чем заниматься дальше. Но служба продолжалась, мы все были молодые, и демобилизовывать нас не спешили. После Победы мы были в Берлине примерно месяц, нас начали усиленно готовить к совместному с союзниками параду Победы, но произошла какая-то заминка, и нашу дивизию вывели на юг Германии. Там нашей разведроте довелось встретиться и пообщаться с американцами. Это были очень простые и открытые ребята, мы прекрасно общались. Вот англичане, я, правда, лично не общался, но рассказывали, что они были высокомерные.

Александрова (Савельева) Зоя Никифоровна *(Интервью А. Драбкина)*

разведчик 65-й танковой бригады

Помню переход через Одер, еще не сбросивший лед, узкую

полоску земли Кюстринского плацдарма, где мы обосновались. Пищу нам никто не доставлял, и пока плацдарм не расширили, мы жили на подножном корму. Через тридцать лет я получила письмо от нашего разведчика Ивана Маслоида. В нем он вспоминал эти первые дни на плацдарме: «Знаешь, Зоя, мне вспомнилось, как мы пошли на задание, где ты была старшей (это было под Франкфуртом-на-Одере). Была весна, грязь, у меня были чирьи на «сидячем» месте, мы шли вдоль переднего края на связь с какой-то частью для уточнения данных о противнике, а я не мог тогда идти быстро, все время отставал, но тебе признаться не мог, а ты меня ругала, чтоб я не отставал».

Пройдя несколько километров и не встретив ни души по дороге, мы нашли воинскую часть, получили нужные сведения и спокойно возвращались домой. Шли не торопясь и, пожалуй, беспечно, шутили. И вдруг на одной лесной поляне, где еще держался снег, наша группа столкнулись нос к носу с немцами. И, что удивительно, мы мгновенно, не говоря друг другу ни слова, как бы «разобрали» противника, и каждый из нас взял на прицел «своего» Они тоже увидели нас, но мы оказались проворнее – сказался опыт. Я пальнула из «ТТ», немец упал, успел выстрелить, но промахнулся. Вторая моя пуля попала ему в лоб чуть выше левой брови, фриц повалился на снег, струйка крови фонтанчиком била из раны, он «таял» на глазах. Боже, я убила человека!.. Внутренне я сжалась, чтобы не показать ребятам, как мне тяжело. Одно дело, когда стреляешь со всеми вместе и не знаешь, от чьей пули падает человек. Но один на один, глаза в глаза… До сих пор я вспоминаю этот случай и вижу как наяву каждое мгновение и… переживаю…

Нас на некоторое время вывели с плацдарма и отправили уточнить, охраняется ли мост через приток Одера. Было это днем. Танки обмотали белым материалом. Вошли в большую немецкую деревню. Продвигаемся с большой осторожностью. Вдруг из одного захудалого домишки выбегают девушки и бегут к нам навстречу. Это были наши девушки, угнанные в неволю. Радости их не было предела: они плакали, обнимали, целовали и очень тревожились, что мы уйдем обратно, а они-то останутся и как бы их тогда не угнали дальше в тыл к немцам. А мы дошли до моста, там нас нежданно встретили таким пулеметным огнем, что посбивали весь камуфляж. Мы вернулись в деревню и по рации сообщили командованию обстановку. Нам приказали остаться в деревне.

Ночью пришли танки нашей бригады, а мы вернулись на плацдарм и разместились в домике на «юру»; он стоял в стороне от полуразрушенной улочки деревни и ближе к противнику,

поэтому его никто не решился «освоить». Затопили котел в крытом дворе, ребята помылись, а когда очередь дошла до меня, фрицы начали минометный обстрел. Мне было не страшно, но я боялась – убьют, придут ребята, а я раздетая, да еще с черным пятном синяка во все бедро. Помните, меня пришибло к дереву на мотоцикле? Так вот я только здесь, на Кюстринском плацдарме, увидела, как же меня тогда здорово укатало.

С Большой земли нам приносили только спирт и курево. Кто приносил – остаться с нами не решался, а мы не уговаривали. Еду доставали где придется. По соседству в деревне Маншнов одна сторона улицы была наша, а другая нейтральная. Вот туда ребята приноровились ходить и приносить что-нибудь вкусненькое. Однажды Маслоид привел корову, а Саша Асульбаев, повар по специальности, приготовил нам натуральные котлеты.

Почти каждый день кто-нибудь ходил за поручениями к комбату расположенного по соседству 3-го танкового батальона Валентину Павлову, но дорога к нему простреливалась, поэтому темп «пробежки» был как на 100-метровке. Как-то бегу, запыхавшись, выскочила у танка Павлова, сопровождаемая сплошным треском автоматных очередей, цокот пуль которых оборвался на противоположной стороне брони танка. И тут один из танкистов вдруг начал изливать свои чувства ко мне. Пришлось дипломатично сказать, что война еще не кончилась, что неизвестно, кто из нас останется в живых… В тот день это было второе признание в любви. Много лет спустя при встречах с однополчанами я частенько слышала: «Зоя, а я ведь тебя любил». А бывший разведчик Маслоид сказал не мне, а товарищам: «Эту женщину любил и люблю до сих пор». А мне сказал, что ребята во взводе гутарили: «Кого из нас выберет Зоя после войны?» Я выбрала командира взвода Александрова. Мне сложно о нем писать, поскольку он с нашим танком не ходил.

Несколько человек, в том числе и я, были вызваны на Большую землю для получения наград. Пришли к переправе. Через Одер строился капитальный мост. Когда мы на лодке подходили к берегу Большой земли, налетела вражеская авиация. Господи! Что там было! Она почти без перерыва молотила переправу. Сколько же досталось саперам и строителям – уму непостижимо.

Выбежали на берег, а немецкие летчики строчат из пулеметов, спрятаться некуда. Шлепнулись на землю, но какой толк? Вскочили и… давай бог ноги.

За бои от Пулавского плацдарма до Кюстринского меня наградили орденами Славы III степени и Красной Звезды.

Обратно поехали на бронетранспортере, но водитель Кох, не доехав до Одера, остановился и сказал: «Уже стреляют – я не поеду дальше». Храмов стукнул кулаком по кабине: «Вези!» Но проехали еще немного и все повторилось. Ребята отматерили Коха как следует, но больше не стали с ним связываться – бесполезно, ведь у него во время боев обязательно что-то «ломалось»…

Перед наступлением на Берлин нас посадили в бронетранспортер и целые сутки держали в боевой готовности на окраине города Горгаст. Было еще темно, когда мы двинулись в сторону противника, медленно двигаясь по широкому полю. Началась артподготовка. Оглянулась назад и обомлела! Линия огня простиралась по всему горизонту. Только после войны я узнала о применении прожекторов для подсветки. Стало светать. Над нами эшелонами, туда и сюда на разных высотах шла наша авиация. Зрелище было потрясающее.

Передний край встретил нас густой дымовой завесой… Противник, отступив, перенес шквальный огонь на свои прежние позиции. Мы соскочили с бронетранспортера и наткнулись на окоп, покрытый фанерой. Вот радость – крыша над головой! Над нами гремит и грохочет, а в окопе – благодать! Повар Саша угостил всех пирожками – он напек их заранее, предвидя, что в коротком затишье сделает нам необыкновенный сюрприз.

После короткой передышки двинулись вперед вдоль линии железной дороги. Дымовая завеса стала развеиваться, и сквозь летящие клубы дыма можно было разглядеть трассы автоматных очередей…

Хамаев и Екатеринчук, оставленные в резерве, удрали с КП и пешком пытались догнать нас, но нарвались на засаду и оба погибли.

Продвижение застопорилось. Бронетранспортер остановился у железнодорожного полотна. Мы быстро спрыгнули, а водитель, выходя из машины, был ранен в ногу. Храмов перебежками подбежал к машине, завел ее и отвел за сарай. Стали подтягиваться пехотинцы. Через дорогу перебегал пехотный капитан и вдруг рухнул, раненный снайпером. Я упала на живот и поползла к нему, кто-то из разведчиков последовал за мной. Приволокли раненого в домик, перевязали наскоро, потому что разведчики пошли вперед пешком. Мы обогнули водокачку и увидели, что пушка танка лейтенанта Алексеева уперлась в танк противника, а его пушка в наш. В общем, расстреляли друг друга в упор. Наших танкистов в живых осталось двое. Раненых танкистов увез на мотоцикле наш разведчик Баранов…

Продвигаемся к Зееловским высотам с танками командира роты Киселева. Часто останавливаемся из-за обстрелов. Проезд под высокой железнодорожной насыпью завален и, наверное, заминирован… Киселев пускает машины на насыпь по отлогой диагонали. Они форсируют железнодорожное полотно и осторожно спускаются на другую сторону. Но после километрового марша наши танки останавливаются, встреченные плотным огнем противника. И тогда бойцы Храмов и Волков уговаривают комвзвода разрешить им поехать в разведку на одном танке. Прыгнули на броню и на большой скорости умчались в неизвестность…

Вернулись довольно скоро. Храмов был ранен в бок, но его спас широкий немецкий ремень. От боли разведчик сгибался пополам, но остался в строю. Подтянулась и пехота.

Вылазка оказалась удачной, и теперь мы знали расположение огневых точек противника. Комвзвода проинформировал об этом комбата Спивака, а тот, в свою очередь, попросил по рации комбрига «прибавить огоньку» на… наш участок.

Вскоре над нами что-то зашуршало, зашипело, да так зловеще, что сердце сжималось. Заиграли «катюши»… Но вместо немцев лупанули по нам. Это был ужас. Один наш разведчик погиб. Меня контузило… Сколько погибло… Сколько погибло ребят.

Полученная легкая контузия сказалась на моем нервном состоянии – я перестала выносить звук «катюш». К сожалению, в то время медицина не признавала легкую контузию как заболевание, и поэтому бывали случаи, когда люди гибли не потому, что они боялись, а потому, что с нервами справиться невозможно.

Меня определили в помощь хирургу на пункте первой помощи бригады. Размещался он рядом с позициями злополучных гвардейских минометов. Трудно передать мое состояние, когда я слышала, как они «играют». На счастье, ребята вспомнили обо мне и забрали.

По дороге к Берлину попали под шрапнельный обстрел, и я чуть не поплатилась жизнью, пытаясь на ходу выпрыгнуть из кузова машины.

Приехали поздно вечером. Вошли в помещение на окраине Берлина, где разместились на отдых разведчики. В большой комнате слышался храп и стоны спящих ребят. За столом со свечой сидели Храмов, Волков, Гутник, Горошко и Александров. Когда они увидели меня, все, кроме Александрова который не брал трофеи, молча встали, потом, как по команде, их руки

потянулись к заветным кармашкам и, вот диво, открыли коробочки и протянули мне: «Выбирай!» Я поняла, если откажусь – обижу. И взяла у каждого по одной вещице. Вообще из трофеев мы брали только белье и еду. Ребята подбирали иногда часы, побрякушки. Правда, они их быстро спускали на доступных девчонок. Я ничего не брала, была примета: если будешь брать – погибнешь. Только один раз я взяла отрез материи в брошенном немцами доме. После войны, когда командир бригады распорядился и меня вызвали на склад, полный трофейных вещей – выбирай, что хочешь. Открывают коробку – платье. На этой фотографии я в том платье.

Утром пошли в город, где страшные, изнуряющие бои шли на улицах Берлина. Встретили Грошева, который чудом уцелел. Он оказался в расположении противника и спрятался в подвале, в котором отсиживалось цивильное население. Целые сутки был он там, и никто его не выдал!

2 мая 1945 г. для нас война кончилась. Радости не было конца. Но мы с горечью провожали глазами бесконечные потоки пленных, шагающих по развалинам Берлина…

Так, в грохоте и огне, в радости побед и скорби потерь боевых друзей, добрались мы до Берлина. Как я вынесла этот умопомрачительный, всесокрушающий марш-бросок, этот прощальный грохот и шквал огня, и сама не знаю. Однако твердо знаю, что с гордостью расписалась на стене Рейхстага…

Батиевский Алексй Михайлович
(Интервью О. Корытова, К. Чиркина)

заместитель командира эскадрильи 35-го штурмового авиаполка

– *Когда был ваш последний боевой вылет в войну?*

Последний боевой вылет я сделал в январе 1945 года, на острове Эзель. Я некоторое время не летал, у меня был перерыв. В отпуск меня послали, потому что погиб мой облегченный штурмовик. Назывался – «тяжелый истребитель». Этот самолет мне пригнал на Гора-Валдайский аэродром мой инструктор Яков Данилович Форостенко, после войны – заслуженный тренер, установил два рекорда мира.

Эти Ил-2 были выпущены малой серией под названием – «тяжелый истребитель». Цельнометаллический, со скошенными стреловидными крыльями.

Все знали в полку, что я никому не даю свой самолет. Но тут подходит Коля Никитин. На нас первых в полку посылали представление на Героя.

– Батя, дай самолет, нужно на топ-мачтовые бомбометания идти.

Я говорю:

– Бери. Только тебе даю, больше никому не дам.

Он вернулся из полета и говорит:

– Больше не давай мне этот самолет. Он переворачивается. Не успел взлететь, как он уже норовит упасть. Легкий, неустойчивый, вертлявый.

А тут я гриппом заболел, и полковой врач об этом сказал командиру полка и тот отправил меня отдыхать. А в это время команда на вылет. Игорь Ладнов, с которым мы в Ленинград летали, давно крутился около моего самолета. Он упросил командира эскадрильи на нем полететь. Полетел и погиб. Сбили его…

А тут как раз адмирал приехал на аэродром, и отправил он меня в отпуск. А отпуск оказался такой: я узнал, что шесть моих двоюродных братьев уже погибли на фронте… Настроение такое… Возвращаюсь из отпуска, прилетаю на остров Эзель. Командир говорит:

– Тебе разведывательный полет: поиски подводных лодок. Ищите в Ирбенском проливе, между Курляндским полуостровом и полуостровом Церель.

И мы полетели искать. Я и командир звена Серафим Урывин, хакас по национальности, старше меня лет на десять лет, толковый парень, больше меня летал. Он до войны был пограничником, потом был инструктором.

Летали мы, летали, пора возвращаться, и тут я прозевал снежный снаряд, и он накрывает остров снегом. Урывин успел проскочить и сел. А я прозевал… Горючего у меня осталось всего на несколько минут. На второй круг нельзя идти. Я прыгнул выше

заряда. Из него торчит вышка – ее я узнал, рядом мне известный поселок. А в другом поселке, Ифелькона, были две церкви, у одной крест, у другой петушок вверху. Я по ним ориентируюсь. Возле этого креста снижаюсь, и километров пятнадцать я лечу буквально по кустам на аэродром. Там на острове Эзель на вынужденную не сядешь – валуны кругом, обязательно наткнешься на валун и убьешься. Так убился при посадке мой ведомый летчик, Ян Борин, красивый парень, баянист…

Что делать? Вдруг справа мелькнуло крыло мельницы. На аэродроме Кагул, на окраине была мельница. И тут из тумана летят на меня зеленые ракеты, направление посадки показывают. Я снижаюсь, не знаю, сколько осталось – десять метров или пять. Проходит одна секунда, вторая, третья… Жму на тормоза, но лечу… И вдруг тормоза заработали – зацепился за землю. Я выключаю мотор, и останавливаюсь. Вообще не видел земли! Только ракеты видел. Вылезаю из самолета ошалевший… И оказывается, остановился недалеко от стоянки самолетов!

Тут ко мне подходят Суслин и Третьяков, командир полка и командир эскадрильи. Подходят вплотную и хором говорят:

– Такой посадки второй раз у летчика не бывает.

Потом добавили:

– Иди в общежитие, гуляй. И на аэродроме не появляйся…

День гуляю, два. В бане такую жару устроили, что довели старого писаря полка до того, что он выполз из бани и стал лизать лед на пороге… Потом гуляю еще четыре дня…

Решили, наверно, меня поберечь, и появился приказ командующего авиацией Самохина – меня отправили на Высшие офицерские курсы.

Вот такой был мой последний вылет.

Я приехал в Моздок на курсы. И тут 6 марта Указом Президиума Верховного Совета группе морских летчиков, и мне в том числе, присвоили звание Героя Советского Союза.

Собралась группа: Гриб был, по-моему, Стрельников и я. Поехали в Москву, получать золотые звезды. А возвращаться в Моздок я решил через Полтавщину, к матери заехать.

Добирался с трудом, автобусы ведь не ходили… Приехал, мать меня встретила. Сосед зашел, дед – Иван Павлович Батиевский. Хороший человек, сирот воспитывал. У него детей своих не было, двух сирот голодающих взял к себе. Посидели, чай попили, я лег спать, а утром дед меня дергает за ногу:

– Вставай! Победа!

Я выхожу, одеваюсь, иду в центр на базарную площадь. Село большое, старинное, очень разбросанное, войной почти все уничтоженное. Когда я пришел, трибуну уже сколотили, толпа

народа, плачут все… Война кончилась, а все плачут. Тут мой дед родной стоит. Из шести братьев пятеро погибло, а про шестого ничего не известно. А сейчас в этом селе в три раза меньше населения, чем было в День Победы. А ведь тогда еще не вернулась угнанная в Германию молодежь, и солдаты еще не вернулись с войны. Вот такое там положение сейчас…

Ну, я выступил, сказал. Сел на поезд и поехал опять на высшие штурманские курсы. Мы думали, с курсов полетим воевать в Японию. А пока мы на этих курсах были, японская война тоже кончилась…

Яганов Николай Максимович
(Интервью А. Драбкина)

разведчик 129-го гвардейского стрелкового полка 45-й гвардейской стрелковой дивизии

В марте 1945 года я угодил в госпиталь. Там что получилось… Уперлись в курляндскую группировку. После мощной артподготовки наши заняли то ли одну, то ли две траншеи, и все – нет продвижения. Я шел на передовую по следу танка. Смотрю, заяц бежит. Достал парабеллум. Думаю, стрельнуть или нет? Не стал стрелять. Тут немец стал из танка или из пушки стрелять по мне. Я полянку перебежал, а там землянка. Я в нее заскакиваю, а в ней немец! У меня пистолет в руке. Я ему: «Хенде хох!» Он руки и поднял. Хорошо, в запас, но немец нужен, потому что рано или поздно заставят за пленным идти. Тут и мои ребята из взвода подошли. Поговорили, решили, что я возвращаюсь в штаб, а они останутся наблюдать. Я немцу руки завязал, а чтобы не убежал, снял с него штаны. Вышли мы с ним на НП дивизии. Потом рассказывали: «Мы смотрим в стереотрубу, батюшки мои, идет Яганов и немец без штанов!» Пришли на НП. Немец показывает на меня, что, мол, я изверг, заморозил его, и в это время прилетела мина. Я остался живой, немец, а человека четыре было раненых.

Немца я сдал. Дали мне задание понаблюдать за стыком батальонов. Только я пришел в окопы, как немец пошел в атаку. Немцы поднялись из своей траншеи, и наши поднялись, чтобы удирать. Я думал, по кому стрелять? По нашим или по немцам? Дал очередь над головами наших. Они залегли, тут я их поднял, и побежали мы вперед на немцев. Немцы давай драпать. На плечах у них ворвались в поселок Калей. За этот бой я был представлен к Ордену Славы I степени.

Проходит несколько дней, и нас посылают брать немца. Мы отправились. Спустились в траншею. Нас было пятеро. Я направо несколько шагов за поворот сделал. «Хальт!» Я говорю: «Свои». Он мне автомат в грудь: «Пропуск?» Я правой рукой за ствол схватился, успел отвести его от груди, а левую занес, и в это мгновение он нажал на курок. Четыре пули в предплечье. Кто-то из парней, Мучников кажется, его по голове прикладом… А я как сжал автомат, так руку не могу разжать. Вернулись к своим. Рука у меня опухла, вся черная от пороховой гари. Мне налили одеколона, что ли, тройного… Он мутный, я пить не стал. Фельдшер Торопов мне налил спирта – я выпил. Рука ноет. Попросил особиста написать бумажку, что не самострел. Хотя как можно себе руку прострелить четыре раза, не знаю… и поехал по госпиталям до самого Молотова. Когда приехал в Молотов, меня в ванну посадили, медсестры помыли, спину потерли. Потом влили кровь. 400 кубиков. Потом еще. Доску привязали к руке, она у меня уже не ноет, все нормально, не гнется.

Пока был в госпитале, война закончилась. Я по-честному

скажу, мне было очень даже жаль, что она закончилась. Я не понимал, что же мне делать дальше. Ведь уже сложился военный быт. Вот операция закончилась, остатки полка вывели. Штаб пишет похоронки, по 100 грамм пьют. В медсанбате отрезают ноги, руки, раненые кричат: «Помоги, сестренка». А солдаты что? Разожгли костры… Идет треп: «Смотри, Лелька Бомба то к ротному в землянку ходила, того убило… Ты посмотри, уже к комбату ходит».

Бойцы сняли с себя гимнастерки, жгут вшей. Вшей было столько… У немцев в землянках было все благородно устроено, стены обвешаны шерстяными или байковыми одеялами, пол деревянный, не как у русских в землянках. И в то же время огромное количество вшей! Мы от них эту вшивость получали, оттуда. Вот такая самая нормальная жизнь…

Гольбрайх Ефим Абелевич
(Интервью Г. Койфмана)

агитатор 163-й отдельной армейской штрафной роты

Курляндия. Уже сообщили, что Берлин взят. Взяли высотку, готовимся к атаке, саперы сделали проходы в минных полях перед нами. Напротив немецкие доты и четыре вкопанных в

землю танка. До немцев метров триста. День «не обещал быть приятным». Смотрим, над немецкими траншеями шатаются белые флаги и исчезают. Все разочарованно вздыхают и матерятся. Вдруг белый флаг твердо возвысился над бруствером. На всякий случай артподготовку мы отменили. К нашим окопам никто не идет, видно боятся получить в спину пулю от своих. Все смотрят на меня. В роте я один знал немецкий язык, и иногда приходилось допрашивать пленных. Боец, стоявший рядом, мне говорит: «Да если что, мы от них мокрое место оставим». И оставят… Такое подразделение… Только я не увижу того самого мокрого места. Встаю демонстративно на бруствер, снимаю пояс с пистолетом, кладу на землю автомат. Достаю носовой платок, цветом отдаленно напоминающий белый, и на негнущихся ногах иду в сторону противника по разминированной тропинке. Тишина. Фронт замер. Вдруг сзади шаги. Один из наших штрафников, молодой и здоровый парень, меня догнал. Пошли дальше вдвоем и добрались до немецкой обороны целыми. Спустились к немцам в траншею. А они митингуют, кричат, на нас кидаются. Половина из них со знаками войск СС. Да, попали… Мой солдат нервничает, пот с него градом катится, да и я тоже гранату в кармане «ласкаю». И думаю про себя: «Это же надо, в последний день так глупо погибнуть придется!..» Немцы говорят быстро, я от волнения слов не разберу. Привели к оберсту. А у меня ступор, кроме «Сталин гут, Гитлер капут», не могу ничего внятно сказать. С трудом овладел собой и командным голосом заявляю: «Гарантируем жизнь, питание, сдаваться выходить колонной через проход в минном поле, следовать строем в наше расположение и т. д. и т. п.» Оберст только головой кивает, понял, что я еврей, до разговора со мной не унижается. Пошли назад, я все эти метры ждал выстрела в спину. Обошлось. Когда немцы шли сдаваться, бойцы кричали «Ура!» и обнимались. Все понимали, что война для нас кончилась и мы остались живы!!! Пленных немцев разоружили, «освободили» от часов и отправили дальше в тыл.

По случаю завершения войны весь личный состав нашей роты был амнистирован.

Покровский Александр Семенович

рядовой 47-го стрелкового полка

Нас очень торопили. Остался последний переход. Вот и последний привал в боевом порядке артдивизиона. Орудия вели непрерывный огонь, а «студебеккеры» с боеприпасами стояли рядом, в лесочке. Тут мы и сделали последний привал. Все были так измотаны, что многие падали от усталости и сразу же засыпали. Я сел на подножку кабины грузовика, чтобы перекусить сухим пайком. И тут же почувствовал сильнейший удар, меня всего обсыпало землей. Инстинктивно я бросился на землю, так и не понимая, что же произошло. Все солдаты тотчас рассыпались в разные стороны. Оказалось, что крупнокалиберный снаряд немцев угодил прямо под передние колеса «студебеккера», на

котором я устроился похарчевничать. Но не взорвался! А машина была доверху загружена снарядами. Хранил меня Господь!

Нас опять спешно построили, и – марш вперед! Когда мы проходили мимо других подразделений, то обратили внимание на то, что солдаты как-то по-особому смотрят на нас, не шутят, как это бывает обычно, не спрашивают о земляках, а сразу замолкают и молча смотрят на нас. Оказывается, они уже знали о нас самое главное на фронте: для них мы были уже обреченными на смерть.

Передовая была уже совсем рядом. Почему-то было довольно тихо. Слышались только отдельные разрывы гаубичных снарядов да изредка – пулеметные очереди. Там мы прибыли к месту своего назначения. Было это 26 марта 1945 г., до Победы оставалось 45 дней!

Местность по фронту была открытая. Лесок остался далеко позади. Кучкой стояли какие-то строения, вроде сараев. За ними нам и приказали укрыться.

Для нас наступил первый день фронтовой жизни.

Скоро к нам пришел с последним напутствием замполит полка майор Денисов. Эту фамилию я запомнил на всю жизнь. Он обратился к нам с такими словами:

– Вы все предатели Родины и смыть этот позор можете только собственной кровью. По этой причине вы и зачислены в штрафную роту, а у штрафников, как известно, только два пути – ранение или смерть. Но Родина милосердна к вам, и тот, кто выживет в бою, после возвращения в полк будет представлен к награде.

Конечно, такое напутствие не могло поднять наш боевой дух. Майор поставил перед нами задачу: захватить железную дорогу с мостом через овраг. Эта дорога подходила к городу Данцигу. А для этого мы обязаны были подавить огневые точки немецких снайперов, которые не давали нашим войскам возможности подойти к железной дороге. Для этого нам и были вручены немецкие фаустпатроны.

Ушел замполит, не прощаясь. С нами остался наш командир взвода, младший лейтенант, единственный офицер в роте.

От нашего укрытия начиналась проезжая дорога в направлении нашего наступления. Далее эта дорога поворачивала к мосту, так что уклоняться от этой дороги нам строго запрещалось. Но сначала нужно было преодолеть открытый участок, чтобы приблизиться к немцам на дальность выстрела «фауста» – 160 метров. Далее каждый должен был действовать по обстановке. Наш командир оставался в укрытии, пока последний солдат не покинул его, – он сам выполнял функции заградотряда.

Каждого он выталкивал вперед с матюгами и напутствием: «Вперед, бегом!»

И все бежали. И падали, уже не поднимаясь, чтобы продолжить наступление. А немецкие снайперы методично отстреливали наших солдат, как на стрельбище.

Есть у стрелков такое упражнение «стрельба по бегущему кабану». Роль кабанов в этом бою выполняли мы.

В нашем взводе были два солдата: отец и сын. Они всегда были друг с другом, никогда не разлучались. Сын этот был моим ровесником, тоже 17-летним. И вот на глазах у сына в первые же минуты нашей боевой операции был убит отец. На этом поле и так уже лежало много убитых, а тут еще и наши новобранцы падают один за другим.

Дошла очередь до меня. Оробел я, а взводный орет матом, хватает меня за шиворот и выталкивает из укрытия.

И я рванулся вперед. Очень хорошо помню, как почувствовал в какой-то момент, что в меня должна ударить пуля. В ушах стоял нарастающий свист, в последний момент я резко остановился, дернулся назад, и пуля шлепнулась в стену сарая чуток впереди меня. Полетела штукатурка. Не осознавая, что я делаю, опять рванулся вперед. И опять в ушах возник все тот же страшный свист со все нарастающей силой. Я не могу сказать, что и в этот раз поступок мой был инстинктивным. Продолжая мчаться вперед, я резко рванулся влево, увидел убитого солдата. Одним прыжком бросился к нему и всем телом прижался к трупу. Тут же почувствовал удар в спину этого солдата, его качнуло на меня. Через несколько секунд удар повторился. Снайпер дважды влепил пулю в моего спасителя. Я лежал лицом вниз, прижимаясь к телу, лицом к лицу. Это был уже пожилой солдат, похожий на калмыка, глаза у него были прикрыты, в ноздрях виднелись две маленьких капельки крови.

Но надо бежать дальше. Вскочил и побежал. Бегу, а в голове только одно: успеть бы добежать! Успеть бы добежать!! Только бы успеть!!!

Если бы у нас были саперные лопаты! Сколько бы жизней мог спасти этот простой инструмент! Но их не было… Видимо, командование посчитало, что задержки, попытки укрыться помешают проведению операции, поскольку день уже клонился к вечеру, а закончить все планировалось до темноты. И мы бежали, бежали один за другим.

Нам даже запрещено было развертываться цепью. Уцелевшие солдаты собирались у основания железнодорожной насыпи. Подошел к нам и наш взводный. И сказал, что недалеко за насыпью – немцы.

А они начали обстреливать нас из минометов. Я зачем-то полез наверх по насыпи. Но взводный, страшно матерясь, схватил меня за ногу и стащил вниз. В этот момент рядом ударила мина. Взрывом меня отбросило в сторону, я почувствовал очень сильную боль в правой ноге. Услышал крик взводного. Пополз к нему. Он кричит, что ранен в голову. Я пощупал его голову и тут же отдернул руку: у него в затылке торчал большой горячий осколок.

Уже начинало темнеть. Немного отлежавшись, взводный попросил меня помочь ему подняться, так как он услышал голоса санитаров, которые громко кричали, выискивая раненых. Я помог ему, и он позвал санитаров. Появление санитаров на этом участке было настолько неожиданным, что взводный сам удивился этому. Мало того, что они появились, так еще с таким замечательным средством, как собачья упряжка с волокушей. Он-то знал, что ничего подобного для нас, штрафников, не предусматривалось. В нашем взводе была группа молдаван, которые совершенно не понимали по-русски. Эти несчастные, ничего не понимая, действовали, только глядя на других, подражая им. И вот когда санитары укладывали взводного на волокушу и меня забирали с собой, эти молдаване решили, что надо уходить и им. Они стали отходить. Взводный, собрав силы, закричал на понятном для всех языке и, схватив автомат, дал очередь над их головами. Они поняли и поползли обратно. Кучка оставшихся солдат со страхом смотрела, как увозят их единственного командира, единственную надежду на спасение. А немцы были совсем рядом.

Так я попал в санбат, а потом в госпиталь. Закончился день 26 марта, седьмой день после моей мобилизации в армию.

Потом я месяц был в госпитале. Догнал свою часть уже на берегу Балтийского моря. Полк вел бой по захвату полуострова Вустров. В последние дни апреля я догнал свой 47-й стрелковый полк.

Со мной решили разобраться, что за солдат к ним прибыл. Для этого направили к штабным писарям. К моему удивлению, они мне сказали, что я не их солдат. Я начал спорить. И предъявил красноармейскую книжку. Они пошли рыться в архивах и потом мне сказали, что я, рядовой первой роты, 26 марта 1945 г. погиб в боях с фашистскими захватчиками и захоронен в братской могиле на подступах к Данцигу, у ж/д моста. Там, в братской могиле, лежит вся 1-я штрафная рота, кроме меня и того лейтенанта.

Купцов Сергей Андреевич *(Интервью А. Драбкина)*

летчик 154-го гвардейского штурмового авиаполка

Последний боевой вылет я сделал 19 февраля 1945 года. После первого боевого вылета меня вызвал командир полка: «Полетишь в одной из групп на то место, где был». А бомбили мы железнодорожную станцию в районе Бреслау. Я был недоволен – все пошли после полета по 100 грамм, а мне лететь. Я сам на вылеты не напрашивался, но никогда не отказывался. Был на хорошем счету, занимал должность заместителя командира эскадрильи. Пошли группой четыре или шесть самолетов. В первом вылете я приметил место, проходя которое нас обстреляли зенитки. Во втором вылете, пока на цель шли, оттуда опять огонь. Думаю, ладно, на обратном пути я вам дам. Отбомбились, идем обратно на высоте метров 600. Только я над этим местом развернулся, чтобы посмотреть, где у них батарея и проштурмовать ее, и тут удар. Самолет пошел в пикирование. Сразу мысль: «Попали». Только я это подумал, как что-то впереди фукнуло, отбросило назад, глаза закрылись рот закрылся и меня обсыпало какими-то осколками. Позже я решил, что взорвался передний бензобак, который расположен за приборной доской. Тогда я не понимал этого. Я пытался вернуть самолет в горизонтальное положение. Открываю глаза, чтобы посмотреть, вслепую-то не полетишь. Глаза открыть не могу – все горит. При пожаре единственное спасение – это выброситься с парашютом. Отбросил фонарь двумя руками, расстегнул привязные ремни, вскочил на ноги и рванул. Но зацепился о край кабины, и меня воздухом прижало к фюзеляжу. Я летал в шинели, видимо она зацепилась. Пока я все это делал, я не дышал, а тут рот открыл, вдохнул горячий воздух, и в глазах показалось лицо матери. Успел подумать, что она, наверное, плакать будет, и больше ничего не помню. Очнулся и чувствую, что вокруг меня все мягкое, меня обдувает холодный воздух. И лечу я как будто вверх. Такое ощущение, как будто я спал. Я задал себе вопрос: «Что со мной?» Ответил сам себе: «Я спрыгнул с парашютом». У меня заработало сознание. Я сразу за кольцо дернул, но рука соскочила. Тогда я двумя руками нащупал кольцо и выдернул трос. Сразу почувствовал, что парашют стал раскрываться. Ноги мои полетели вниз, я перевернулся, как мне показалось, потом осел на парашюте, при этом потерял один кирзовый сапог. Надо было приготовиться к приземлению. Попытался осмотреться – ничего не вижу, спрошной туман. Я еще подумал, что нахожусь на территории противника и туман поможет мне спрятаться. Я был в таком шоке, что не чувствовал, что обгорел. Приземлился, отстегнул парашют и забрался в канаву. Спрятался. Вскоре в эту канаву приполз и мой стрелок. Оказалось, что я-то быстро выскочил, а стрелок Борис замешкался. В какой-то момент он

открыл фонарь, привстал из кабины и выдернул кольцо, стоя прямо в кабине. Его выдернуло, и практически в тот же момент самолет упал и взорвался, а он упал на ноги и навзничь. У него болела спина, он ходил после войны с корсетом. Мы спрятались. У меня ощущение, что грудь разрывает. Сил нет, воздуха не хватает. Борис спрашивает: «Где мы?» – «У немцев». – «Надо выбираться». Поползли к своим, но так у меня сил не хватало. В глазах пелена. Я второй сапог сбросил. Ногам прохладно, и вроде мне легче. Вдруг началась такая стрельба, что нельзя голову поднять. Грохот стоял такой, как если молотком по столу бить. Все вокруг рвется, разлетается, кругом осколки. Я даже подумал, что мы на нейтральной территории. Потом, значит, стрельба прекратилась, и не успел я ничего подумать, как на канаву наезжает бронетранспортер, с него соскакивают автоматчики, и к нам. Видимо, это расчет зенитной батареи. Обыскали, забрали пистолет. Избивать не избивали. Посадили на бронетранспортер. И вдруг я в какой-то момент почувствовал холод – я же без сапог. По-моему, мне дали мои же сапоги или чьи-то еще. Немножко проехали, и нас ссадили. Я подумал, что меня сейчас расстреляют. Но нас привели к какому-то штабу. Здесь у нас забрали документы, посмотрели и обратно вернули. У меня было такое парализованное состояние, я не соображал, что происходит, как будто картину про себя смотрел, вроде как не со мной это происходит. Посадили нас на машину и повезли. Лицо у меня отекло, губы спеклись, рот не открывался – только маленькая щелочка, через которую кормили. Помню, немец дал кусочек сала.

Ночевали в каком-то доме. В нем был еще один штурман по фамилии Дремлюга с пикирующего бомбардировщика. Я был в полузабытье, а стрелок с ним разговаривал насчет побега. Я еще подумал, что же он так сразу с незнакомым человеком говорит насчет побега. Тут я отключился.

Утром поехали дальше, а я уже настолько ослабел, что ходить не мог. Ребята мне помогали. Привезли в офицерский лагерь. Стрелка отправили в другой, он меня нашел уже после войны. В лагере в больничную палату, наверное, положили. Не допрашивали. Я был почти всегда без сознания, в бреду. Мне представлялось, что я вернулся, прилетел в полк, меня там встретили, накормили. Когда приходил в себя, то очень болело сердце. Боль такая, что невозможно терпеть. Так болит, как будто зажали в клещи, рот открыли и сверлят зубы. Думаешь, хотя бы чуть-чуть отпустило, а потом отключаешься… Ничего не чувствуешь, но остаются картины бреда.

Мне мазали лицо каким-то жиром. Потом стал понемногу

приходить в себя. Глаза долго не видели, наверное, целый месяц. Лагерь был интернациональным, но все национальности содержались раздельно. В апреле нас группами стали уводить на запад, подальше от линии фронта. По дороге останавливались у немецких крестьян, бауеров. Я еще плохо себя чувствовал, еле шел, отставал от группы, наверное, метров на двадцать пять. Думал, что пристрелят. Помню, в пути летели английские истребители. Конвоиры дали команду: «Ложись!» Мы легли прямо на дорогу. Я стал бежать от дороги, думаю, какая разница, бежать еще хуже. Задрал голову, смотрю. Они начали один за другим пикировать, но не стреляют. Попикировали, попикировали и улетели. 23 апреля остановились на ночлег в каком-то сарае. Утром мимо нас пошли танки с белыми звездами. Прибежали бывшие пленные американцы и взяли в плен конвоиров. Те не сопротивлялись. Они уже чувствовали, что деваться некуда. Освободили нас из этого сарая, мы, конечно, обрадовались. Мы пошли дальше и дошли до какого-то городишка. В нем мы жили где-то до середины мая. К нам присоединились и другие военнопленные и угнанные на работу гражданские. Немецкое население вело себя нейтрально. Они боялись вступать с нами в конфликт. Ребята начали лазать по подвалам в поисках еды и спиртного, хотя американцы нас довольно сносно кормили. 9 Мая пошел шум, что окончилась война. Все выбежали на улицу, я тоже выбежал. От радости кричали, аплодировали, закончилась война! Немцы были просто, по-моему, потрясены.

Все время ходили какие-то слухи, что американцы соблазняли вступить в их армию, что нас не будут возвращать на родину, но где-то в середине мая пришла колонна «студебеккеров», и нас отвезли в Австрию, в расположение наших войск. Там был организован сборный пункт. Жить было негде, пришлось строить землянки. Я чувствовал себя плохо и обратился к охране. Меня положили в лазарет. Там я написал письмо матери в Москву. Сообщил, что такого-то числа был сбит, обгорел, чтобы она не расстраивалась, лицо заживает нормально. Мать отнесла письмо в Москворецкий военкомат, а то ведь оттуда уже похоронка пришла. Ведь моя группа улетела, не увидев мой раскрывшийся парашют.

Из Австрии нас на поезде отправили в Первую горьковскую стрелковую дивизию – так назывался фильтрационный лагерь где-то на территории Белоруссии. Там я узнал, что 23 февраля мне было присвоено звание Героя Советского Союза. Это сказали ребята, которые были сбиты после меня и тоже проверку проходили. Я особо не афишировал это дело, но во время проверки мы писали все, что знали друг про друга, и это,

естественно, всплыло. Поэтому ко мне относились очень хорошо, никаких нажимов не было. Я сам относился к работникам КГБ с большим уважением. Для нас это была героическая профессия. Где-то в августе, когда пришли все ответы на запросы, мне дали шинель с пехотными погонами, какой-то документ и выпустили. Я приехал в полк, а к этому времени весь наш корпус расформировали. Командующий вызвал меня: «Вы летчик опытный, но все же сильно пострадавший. Здоровья у вас нет. Образование среднее. Предлагаем вам поехать домой». Вот так в 1946 году меня демобилизовали. Приехал в Москву, обратился в военкомат. Там еще раз прошел проверку. В этом же году поступил в Московский энергетический институт. Через год меня вызвали в военкомат и вручили Золотую Звезду.

Стратиевский Исай Борисович
(Интервью Г. Койфмана)

командир взвода 223-го гвардейского стрелкового полка 78-й гвардейской стрелковой дивизии

Форсирование Одера. Саперы проложили штурмовые мостики, и мой взвод, один из первых в полку, перебежал на немецкую сторону и вступил в бой. Напротив нас, в домах, засели немцы и остервенело отбивались. Потом из-за домов вышла САУ и начала нас обстреливать. В десяти метрах от меня расчет ПТР вел огонь по самоходке, попадал в нее, но пэтээровский патрон не пробивал броню. И тут САУ «плюнула» снарядом, пэтээровцев разнесло в клочья, а мне осколок снаряда врезался в лобную кость и застрял в ней. Ординарец Лешка, рукой ухватившись за край, вырвал осколок из кости.

Мы смогли удержать захваченные позиции до подхода подкреплений, я ушел в санбат и через несколько дней вернулся в батальон. Комбат при общем построении вручил мне Орден

Красной Звезды. Мы продвинулись вперед при поддержке танкистов, но немцы выдвинули навстречу отряды истребителей танков с фаустпатронами, и наше наступление застопорилось. Танкисты боялись «фаустников» как черт ладана, и пехоте пришлось первой идти вперед. Залегли в кювете возле шоссе, на другой стороне дороги, также в кювете, немцы, но слева от нас они поставили пулемет, который фланкирующим огнем держал дорогу под прицелом и не давал нам перемахнуть через шоссе и выбить противника. Двое бойцов пытались перебежать через шоссе и были сразу срезаны пулеметной очередью. И тут мне помкомвзвода Ерохин сказал: «Я пойду», но он успел пробежать несколько шагов, и его убило. Я доложил по полевому телефону обстановку в штаб, и на подмогу к нам подошли три танка. Из одного вылез танкист: «Кто старший?» – «Я, лейтенант Стратиевский» – «Лезьте на броню. Если заметишь «фаустника», сразу стучи прикладом по броне, мы остановимся». Мы двинулись по нашей стороне, а вдоль шоссе стояли сооружения из бревен в виде буквы «П», и в одном из них засел «фаустник», которого мы вовремя заметили. На фаустпатроне есть специальный клапан, его сдвигаешь и так устанавливаешь расстояние для стрельбы зарядом на 90–150 метров, но этот немец замешкался, и танкисты из пушки и пулеметов «проверили» все впереди, мы благополучно перемахнули через шоссе, и танки рванули прямо по кювету, в котором засели немцы. За всех в тот миг отомстили, и за Ерохина, и за других павших бойцов…

Мы прорвались к Вроцлаву и внезапной атакой захватили небольшой немецкий город Вайсвассер, который поразил нас своим изобилием. В магазинах висели на вешалках пальто из великолепной кожи, костюмы, лежали тюки ткани. Заходим в местный ресторан, а на столах стоят раскупоренные бутылки вина, на вилках нанизаны куски мяса.

Никто из немцев не ожидал нашего появления здесь, в немецком глубоком тылу.

А вся наша «германская эпопея» окончательно закончилась после взятия города Шпремберг, на подступах к Берлину. Здесь часть нашей 5-й гвардейской армии пошла на штурм немецкой столицы, а другую часть, в том числе и нашу дивизию, развернули на юг, на Дрезден. Мы прошли через полностью разрушенный американскими бомбардировками Дрезден, освободив на окраине города узников из концлагеря, и без остановки продвинулись до Пильзена, где навстречу нам шла колонна американских «джипов» – так мы встретились с союзниками.

Но война для меня закончилась только 19 мая 1945 года.

После объявления о капитуляции Германии в Рудных горах в Чехии засели остатки эсэсовских частей и «власовцы», не желавшие сдаваться в плен и пытавшиеся уйти через горы в американскую зону оккупации. И целых десять, уже мирных, дней нам пришлось прочесывать и зачищать эти горы, вступать в перестрелки и снова нести потери. Спустились с гор в город Карлсбад, где в отеле под названием «Пуп» разместился штаб нашего батальона. Моему ротному, старшему лейтенанту Бондарю, за эту операцию по зачистке Рудных гор вскоре вручили орден Александра Невского.

Михаленко Николай Фомич
(Интервью А. Драбкина)

командир звена 45-го гвардейского ночного бомбардировочного полка

Перед наступлением на Берлин нам дали коридор прохода над линией фронта шириной всего двести метров. Возвращаясь с задания, мы с Колей не пошли через этот коридор – сто километров до него, потом сто обратно. Ну его к черту! И попали в артподготовку. И знаешь, я не жалею – такая красота! Внизу бьют орудия, сверху «катюши», а мы между ними. Я только потом Кольку ругал: «Вот видишь, сократили путь, а теперь хлопнет какая-нибудь «катюша» по морде». – «Не. Своя! Не должна».

Когда началось наступление, мы поддерживали передовые части. Бомбили укрепленные районы, мосты на Шпрее. Помню, какое-то здание в самом Берлине бомбили. Много пришлось летать на разведку. В одном из последних вылетов я пошел севернее Берлина, на запад. Коля вдруг заметил «Хеншель-126», такой же тихоход, как и мы, который шел на 100 метров выше нас. Я оглянулся: «Коля, шмальни его, что ли». – «Война, считай, закончилась, пусть живет». Не стали стрелять, и он тоже отвалил без выстрелов. Посмеялись, что летел мирный парень, хорошо. Возвращаемся на свой аэродром. Заходим. Обычно старт обозначался одним-двумя фонариками, а тут полный старт, еще и посадочный прожектор нам включили. Думаю: «Точно война окончилась, раз такой старт зажгли». Включил фары. И вдруг смотрю, шары желтые катятся. Коля орет: «В хвосте, зараза!» И пошел отстреливаться – «фокер» зашел в хвост, но промазал. Коля тоже промазал. Сразу отвернул на наши аэродромные батареи. Они начали долбить – не знаю, сбили или нет, а я уже зашел без парада. Сел. Вот такой последний день войны. Надо сказать, что в последние дни ребята уже со мной летать не хотели. Вся дивизия сидит, а если полет на разведку, то обязательно меня пошлют.

Отрощенков Сергей Андреевич
(Интервью Н. Домрачева)

командир танкового батальона 170-й танковой бригады

Под конец войны мы уже обнаглели, часто лезли туда, куда вроде можно и не ходить. Опыт большой, нахальства и энергии много. Ни в коем случае не оставить немца в покое, обязательно пойти, раздолбать его. Солдат ведь уже другой пошел, не как в сорок первом. Там мы шли с опущенными ушами, а здесь с поднятой головой.

Раз в Венгрии оставалось в батальоне пять танков. Сидим, курим за моим танком, слышим, за горкой немцы шумят, что-то чинят. Говорю: пошли в атаку, прижимайтесь ближе к лесу, он вокруг горки был. Мы пошли вдоль леса, а один наш на горку сунулся, сразу 105-миллиметровый снаряд в него, танк взорвался. Такой отличный экипаж был! А мы вокруг обошли, вышли в тыл к немцам. Шесть танков сожгли и «Артштурм»-самоходку. Я на нее выскочил и подбил. Фрицы самоход бросили, начали выскакивать буквально в тридцати шагах, мы их всех перестреляли до единого. Потом залез в этот «Артштурм», посмотрел, все у него работает, развернул в немецкую сторону, еще и выстрелил разок.

За сожженные вражеские танки нам давали деньги. Командиру танка и механику по тысяче, остальным членам экипажа по пятьсот рублей. И я получал деньги. Пока воевали в Советском Союзе, все причитающиеся мне суммы я отдавал в Фонд обороны. Многие так делали. Патриотизм был мощный. Позже, уже в наступательных боях, просил начфина перечислять деньги родителям. Отец говорил, что получал. Как учитывали уничтоженные танки? Учетчиков там много было. Сзади шли. В наступлении на поле боя все видно, как на картинке, кто сжег, как сжег. Не с доклада, мол, я уничтожил танк, нет. Вот он стоит, горит. За всю войну я уничтожил 23 танка и самоходок. Не один, конечно, с экипажем.

Перед наступлением на город Веспрем бригада вела оборонительные бои. Мы стояли в местечке Чинадполота. Не уверен, что правильно запомнил, мы его называли Чертово Болото. Первому и второму батальонам комбриг приказал закопать танки на линии обороны, третий батальон находился во втором эшелоне. За нами в нескольких сотнях метров был спиртзавод, рядом с которым вела огонь батарея 152-мм гаубиц. Батальон мотострелков уже закрепился на рубеже, и для земляных работ нам в батальон выделили в помощь 40 человек. Я послал за ними две машины, а понадобилась всего одна. Все сорок человек влезли – пацаны 16–17 лет, худющие. Разметили танковые окопы, они копают. Подхожу к одной группе. Полтора метра ростом, конопатый, курносый, стоит паренек, опершись на

лопату, меня не замечает:

– Эх, мама, родила бы ты меня на два года раньше, или позже! – пацанам своим говорит. Я смотрю на этих детей шестнадцатилетних, и у меня комок в горле. Натуральные дети, им во дворе в футбол гонять, а не в окопах гнить. И надо же такому случиться, что именно эти пацаны спасли здесь нашу оборону, да и бригаду тоже.

Перед позициями простирались кукурузные поля. Ночью немецкая пехота по этой высокой кукурузе подошла вплотную к нашим траншеям. Немцы группировались и готовились к штурму на расстоянии броска гранаты. В это время один из мотострелков пошел в кукурузу по нужде и услышал говор. Подкрался поближе, разобрал немецкую речь. Парень тихо вернулся, доложил ротному. Тот не растерялся, быстро оповестил остальные роты и приказал приготовить гранаты к бою. Весь батальон ударил по команде мгновенно. Вначале закидали готовящихся к атаке немцев гранатами, затем открыли ураганный огонь изо всех видов оружия. Около трехсот человек потеряли фашисты в считаные минуты, ни о какой атаке речи быть уже не могло. Весь батальон мотострелков представили тогда к наградам. Большое дело сделали ребята. Член военного совета фронта лично привез мешок орденов. Командовал мотострелками после погибшего Осадчего капитан Василий Иванович Горб. Хороший офицер. «Я на своем горбу всю войну вынес», – шутил он над своей фамилией.

В Европе приходилось часто драться в городах. Тактика боя в городе принципиально отличается от полевой. Здесь танкиста за каждым углом может ожидать выстрел из фаустпатрона. Поэтому создавались штурмовые отряды, в каждый из которых входило два-три танка и десяток автоматчиков. Танки подавляют укрепленные огневые точки противника, а пехота зачищает дома и оберегает танки от «фаустников». Так, дом за домом штурмовые группы продвигаются вперед по своим маршрутам, пока не захватят весь город. Комбриг ставит задачу: куда и к какому времени должен выйти каждый батальон. Как это сделать, уже забота комбата. Он царь, бог и воинский начальник. Я делю батальон на штурмовые отряды, каждый взвод – это, считай, отряд, и даю задание каждому отряду. Все работают по плану.

Трудно было воевать в Австрии. В направлении Санкт-Пёльтен – Линц мы хорошо шли, ходко, по хорошим дорогам. Но как только пытались взять южнее, в сторону Граца, начинались проблемы. Лесисто-гористая местность. Дороги узкие, густые леса, горы. Места очень удобные для засад. Немцы малыми силами успешно и стойко обороняли эти районы. В Австрии я

горел больше, чем где-либо за всю войну. Четыре раза из девяти мне приходилось выбираться из горящего танка в Австрии.

Австрияки те же немцы. Относились к нам недружелюбно, с каким-то презрением даже. С тамошним крестьянином, бауэром, разговаривать все равно что с лошадью. Пытаешься ему на ломаном немецком что-либо объяснить. Смотрит и делает вид, что ни слова не понимает. Дома, в России, ни у кого рука не поднималась взять что-нибудь у населения. А теперь в Венгрии, Австрии находили в брошенных домах консервы, компоты. По городам бродила бесхозная скотина. Здесь наши хозяйственники, конечно, озорничали. Корову поймают, и в котел, солдат кормить. Коптили колбасу про запас.

Чему мы позавидовали, так это австрийской механизации труда. Привозит он сено на телеге, специальный электрический захват его с телеги сгружает в амбар. Много удивительных по тем временам вещей повидали, которые у нас появились еще не скоро. В городах население практически полностью эвакуировалось. Все бежали к американцам. Пропаганда сделала свое дело. Вошли в город Санкт-Пёльтен. Послышалась перестрелка, я отправил туда роту танков, сам остановился, чтобы сориентироваться. Бежит солдат, зовет меня в дом: «Товарищ комбат, посмотрите, что творится». Открываю дверь. На полу сидит пожилой, лет 50, австриец. На спинку кровати накинута удавка, и он, на ней сидя, повесился. Так запугали нами человека.

8 мая меня подбили в очередной раз. Два немецких самохода, как мне потом сказали новейшей конструкции. Они стояли в засаде, в придорожном лесу. Пропустили головной дозор батальона мимо себя и ударили по моему танку. Я шел в голове батальонной колонны. Танк загорелся, механик-водитель погиб на месте. Выпрыгнув, мы попали под минометный огонь. Осколок мины попал мне в голову. Ранение оказалось не опасное для жизни, перевязали рану бинтом, и я остался в части. 9 мая немцы тоже еще огрызались, и мы стрелять перестали, только когда получили известие о капитуляции Германии. Конечно, обрадовались, но я своим приказал, чтобы не было никакой стрельбы в воздух. Стрельба прекратилась, наступила тишина. Необычно так. Я танк поставил в небольшом фруктовом саду, вылез, лег под дерево. На дерево птичка села, поет. Четыре года птиц не слышал. В саду белым-бело, яблони цветут. Не передать это состояние словами.

Батальон вышел к реке Энс, в районе города Шпремберг. Мост через реку уже был в руках американцев. По мосту на запад

шли беженцы, среди которых, подозреваю, проскочило немало немецких солдат. Было братание с союзниками. Я тоже подарил одному офицеру свои часы, очень хорошие у меня были. Американец их как увидел, у него коленки от радости затряслись. Он мне свои часы отдал, недорогие. Не помню, куда их дел потом. Один танк моего батальона проскочил за мост, на территорию союзников. Там экипаж принялся праздновать победу с американцами. Еле вытащили их оттуда.

Без всякой задней мысли, увидев удобную позицию для обороны на берегу, я поставил там три танка, пушками в сторону союзников. Через пару часов смотрю, они выставляют против нас артиллерийскую батарею. Американца спрашиваю: Чего ты пушки выставил?

– А ты зачем танки?

Посмеялись, убрали танки, они пушки тоже убрали.

Комбриг мне потом фитиль вставил:

– Ты чего, – говорит, – тебе же сказали, война кончилась.

– По привычке, – отвечаю, – достиг рубежа, закрепись.

После окончания войны мне доводилось несколько раз наблюдать непонятную и неприятную нам демонстрацию силы. Наши штурмовики, несколько звеньев, из глубины нашей оккупационной зоны, в боевом строю подлетали к границе с союзниками, делали разворот и улетали обратно. Через некоторое время американцы еще большими силами делали тот же маневр. Для чего это делалось? Непонятно. Причем провокация шла с нашей стороны.

Там же, в Шпремберге, видел пленных власовцев. Американцы по договору передавали их советским войскам. Колонна автомобилей с пленными остановилась на дороге. Офицер из проходившего мимо патруля крикнул им:

– Ну что, засранцы, навоевались?

В ответ из машины, набитой пленными, послышалось:

– Мы вам морды били и бить будем.

Патрульный солдат, автоматчик вспылил и тут же дал длинную очередь по головам людей, находившихся в той машине. Из машины раздались крики, стоны. Офицер наорал на солдата. Американцы тут же дали по газам, колонна двинулась дальше.

Весенние, радостные, победные дни омрачались нелепой гибелью наших товарищей. Командир танка, лейтенант, не могу вспомнить его фамилию, прекрасный танкист и просто хороший парень, взял в компанию еще пятерых танкистов и пошел глушить рыбу. Глушить хотели немецкой миной, которая разорвалась у них в руках. Все погибли. Все мы были тогда молодые, бесшабашные, большинству по 18–20 лет. Я и сам, помню, с Васей

Брюховым ходил на реку глушить рыбу гранатами, когда ухи захотелось.

Наша рота технического обеспечения была направлена под Вену, на демонтаж военного подземного завода. Там ребята обнаружили бочонок спирта и, видимо, попробовали его. Погибло четырнадцать человек, спирт оказался техническим. Люди, перенесшие на своих плечах тяжелейшую войну, погибли из-за такой ерунды в мирное время. Смириться с этим было очень тяжело.

Матусов Григорий Исаакович
(Интервью Г. Койфмана)

командир танка 109-го тяжелого такового полка

Прибыли к передовой, и возле большого польского села наша колонна остановилась на последний привал. Я дал команду экипажу прочистить ДШК. Через десять минут зовут назад к танку. Оказывается, что при чистке пулемета, раструбом затвора, старшине Перкалову оторвало фалангу на указательном пальце правой руки. Кто виноват, я не стал разбираться, Перкалов и Возовиков, бранясь, показывали один на другого.

Доложил ротному по связи, что у меня ЧП, на что Михайлов ответил: «А что еще можно было ожидать от твоего старшины? Он же всю войну в штабных писарях просидел, и сейчас туда же!.. На окраине села разместился бригадный резерв, иди туда, пусть тебе дадут нового заряжающего». Я дошел по мерзлой грязи до большой хаты, где находился резерв, и его командир, старший лейтенант, сказал, что в резерве 20 человек «безлошадных», все с Т-34, сейчас их построим, забирай к себе, кого захочешь. «Резервных» построили, я подошел и сказал, что мне нужен заряжающий на ИС-2 и желающие пусть сделают два шага вперед.

И тут я был поражен, обе шеренги дружно шагнули вперед. Я сказал: «Вольно!», прошел вдоль строя взад-вперед и выбрал к себе в экипаж одного старшину, здоровяка, возрастом лет под тридцать, что в рост, что вширь, и хлопнул его по плечу: пойдем. Он представился: «Старшина Богданов Сергей, из Сибири». Пришли с ним к танку, завели мотор, подъехали к нашим артиллерийским позициям и стали ждать дальнейших указаний. Ротный вызывает на связь: «Разверни карту. За нашими пехотными позициями отмечено болото. Разведай, проход в болоте имеется, или нет» – «Есть, товарищ капитан». Проехали километра два вперед и остановились прямо возле окопов пехоты. Неподалеку от нас пулеметный расчет, что-то нам орут. Папков заглушил мотор, я открыл в башне «револьверную пробку» и услышал, что мне кричит пулеметчик: «Танкист. Земляк. Стрельни по амбару за насыпью, там немцы сбежались, человек тридцать». Даю команду: «Вперед. Приготовиться к бою!» – и Богданов загнал снаряд в орудие. Перед нами каменный мост, ведущий к насыпи, а сама насыпь высотой по башню, за ней идет роща, а дальше, на возвышенности, большой деревянный сарай или амбар. Я крикнул: «Короткая!», и Возовиков сделал два выстрела, сарай загорелся. Едем дальше, дорога шла как бы по диагонали, через лесопосадку, к группе больших зданий из красного кирпича, откуда по нам стали вести орудийный огонь. Мы, стреляя «с короткой» по вспышкам орудий, пошли напролом через рощу. Откуда-то слева появились наши Т-34. От нашего огня над кирпичными домами поднялось зарево. Грунт плохой, и

машина стала вязнуть в грязи, я только успел доложить ротному, как наш танк засел в грязь по днище.

Мы, втроем, моментально выскочили из танка, сняли с крыльев два толстых бревна и положили их поперек гусениц, одно в метре от другого. Папков надавил на газ, машина вылезла из грязи, и мы снова забрались в башню. И опять: «Вперед. Короткая… выстрел». Но машина вязнет, еле двигается.

Я перелез к смотровой щели механика и кричу: «Не газуй, с выхлопных идет масса искр». Где-то зарево огня, а справа звук от залпов шестиствольного миномета. Мины несколько раз разорвались прямо перед танком. Папков матерится, кричит, что танк «не тянет». Справа от нас траншея, видимо торфяная, и туда заскочил и застрял танк лейтенанта Уткина, пошедший в атаку справа от нас. Мы до этой траншеи не доехали всего метров пятьдесят. Смогли под углом градусов сорок подойти к уткинскому ИСу, и он через полуоткрытый люк прокричал, что они «увязли по полной» и механик уже сидит в воде. Мы подогнали свой танк вплотную, вылезли и под огнем зацепили своим тросом застрявшую машину, но сколько ни пытались, танк Уткина – ни с места, а еще глубже зарывался в траншею, уже по башню. Я к рации, передаю ротному, что нас надо вытаскивать, а Михайлов мне отвечает, что три остальных танка роты сейчас отходят по приказу, их заменит вторая рота, и приказывает мне охранять танк Уткина, чтобы немцы ночью не подобрались близко и не сожгли нас из фаустпатронов. Я отогнал свой танк в низину, Папков остался на своем месте, а остальной экипаж с автоматами вылез из танка, и мы заняли оборону. Из уткинского экипажа никто не вылезал. Под утро вдали по траншее – крики людей, немцы стали бить из пулемета. Я вскочил в башню, снял пулемет с диском с подвижной цапфы. Немного отошел на возвышенности, кинул на землю полушубок и залег сверху с пулеметом. Стал стрелять очередями на огонь немецкого пулемета, он затих. Отдаю пулемет Богданову: закрепи назад на место в башне – старшина отходит к машине, и тут на меня выходят два немца. Я за револьвер, а немцы оказались безоружными. Один худощавый, в очках, второй – невысокий коренастый крепыш.

Руки подняты вверх. Кричат: «Камрад, плен!»

У крепыша на мундире висит красно-черная муаровая ленточка. Немцы твердят в один голос: «кессел, кессел…», и я понял, что они говорят, что находятся «в котле». Хватаю рукой за эту муаровую ленточку и рву на себя, думал, что это какая-то награда. А немец говорит: «Москау», – понятно, значит, еще под Москвой гадина воевал. Ленточку до конца не оторвал, ее край

остался висеть на кителе у пленного. Мой Возовиков сидел на крыле танка, и я с грустью смотрел на его обмотки. Четвертый год война идет, немцы до сих пор все в сапогах, а мы, как «голь перекатная», в обмотках. Говорю немцу, чтобы «поменялся» с моим старшиной обувкой, а немец делает вид, что по-русски ни бельмеса не понимает, но после тычка дулом револьвера в живот сразу скинул сапоги. Но Возовикову они оказались малы, он вернул их немцу, который не скрыл своей радости, бормоча себе под нос «зер гут». Я показал немцам направление, куда идти в плен, и они ушли в утренний туман. На передовой было тихо, «фрицы» не стреляли. Когда рассвело, со стороны домов к нам подъехал танк командира второй роты, майора с редкой и очень «армейской фамилией» Подполковников. Он посмотрел на уткинский танк и заключил, что танк можно вызволить двумя тросами. На мой совет не подъезжать к Уткину со стороны траншеи, там «топь», майор не среагировал, и итог его «маневра» был заранее предсказуемый, танк этого ротного также закопался в грязь по башню, застряв прямо напротив танка командира взвода, под наклоном больше 50 градусов. Подполковников начал мной распоряжаться: «Мне в 12.00 с двумя танками надо идти в атаку. Пойдешь вместо меня». Я его послал подальше: «Ты, майор, меня за идиота держишь? Ты же специально свою машину в грязь засадил, а теперь я вместо тебя должен в бой ехать?! Я тебе вообще подчиняться не обязан!» Но Подполковников сразу по рации «накапал» на меня в штаб, и часов в десять утра к нашему «торфяному завалу» пришел капитан и передал мне приказ, написанный на обрывке бумаги и подписанный самим комбригом, генерал-майором Коноваловым, в котором моему экипажу предписывалось дозаправить танк горючим и снарядами и в двенадцать часов дня атаковать противника. Мы отъехали назад, к какому-то скотному двору, где нас уже поджидал заправщик. Тут же подошел тягач со снарядами. Ко мне присоединился командир другого танка лейтенант Львов и стал помогать грузить заряды. Я отошел за угол сарай «отлить» и тут увидел, что в одну выгребную яму стащили много трупов немецких солдат. И у одного трупа торчит на мундире муаровая ленточка, именно та, которую я так до конца не оторвал. Спрашиваю у Львова: «Почему вы пленных расстреляли?» Он отвечает: «Знаешь, Мушкет, с моря, в лесок, прямо туда, где стоял штаб нашего полка, прилетел большой снаряд, солидного калибра, видно корабельный, и с танка Черногубова аж сорвало башню, всего полтора десятка убитых и раненых. И тут эти два немца подходят. Кто-то крикнул: «Корректировщики!» А у одного из них под бушлатом тельняшка. Вот их и «хлопнули» по горячке…»

Я только выматерился… Взяли на борт десять снарядов сверх боекомплекта, уложили их на днище боеукладки, закрыв выход механику-водителю, и я скомандовал Папкову: «Давай! Вперед, к домикам!» Проехали метров пятьсот, и тут по нам стали долбить. И снова: «короткая – выстрел – вперед – короткая – выстрел». Выпустили снарядов шесть, подъехали к разбитому кирпичному дому, а рядом с ним в траншее бойцы. К танку подскочил представительный мужик с усами «под Сталина», не то солдат, не то офицер, запомнилось, что он был еще в ветхой гимнастерке старого образца и на петлицах были следы «шпал» (говорят, что у некоторых было такое «пехотное суеверие», в бой надевали старую гимнастерку, в которой начинали войну, считалось, что это приносит удачу).

Он сказал: «Я командир штрафной роты. Вы поступаете в мое распоряжение».

Я доложил: «Младший лейтенант Матусов». Здесь уже находились старший лейтенант Валинов и еще один лейтенант со своими экипажами. Командир штрафников сказал, что сейчас мы пойдем на рекогносцировку. Вдоль фундамента дома был выкопан длинный окоп, глубиной до уровня моих глаз. «Штрафник» начал давать указания: «Лейтенант, ваш сектор обстрела – лес с левой стороны». Мне: «Ваш сектор – опушка леса и станционное здание» – «Опушку вижу, а станционные постройки – нет!» – «Согните правую руку, пальцы в кулак, и справа от кулака все увидите». И действительно, сделав все по совету «штрафника», я заметил здание красноватого оттенка. Дальше выделили сектор Валинову – скопление вагонов на станции. И тут «штрафник» скомандовал: «Товарищи офицеры! Смирно! Наша пехота перерезала железную дорогу, и ваша задача поддержать стрелков огнем и броней. По машинам!» Я побежал к танку, почему-то думая, что этот командир, наверное, бывший «академик» (преподаватель Военной академии), посланный в «штрафную» за какой-нибудь грех самим Верховным. Забрался в танк и сказал Возовикову, чтобы он перелез на мое место, что я сам буду вести огонь, хорошо понимая, что у старшины боевого опыта мало, а я уже успел побывать в переделках. Пошли в атаку, три танка в линию. Перед нами выросла как бы огненная стена от разрывов немецких снарядов. Бьем по вспышкам орудий с коротких остановок, от каждого нашего выстрела машина отходит на полкорпуса назад, я вижу отдачу по танку Валинова. Дошли до немецких окопов, вижу, каски перед нами, и артиллерия прекратила по нам бить, чтобы не задеть своих. Стреляем из орудия и пулеметов, и тут по рации команда: «Отойти на исходные позиции!», и механик-водитель это тоже услышал.

Не медля ни секунды, Папков, не разворачивая танк, стал сдавать назад на скорости, благо задняя скорость у ИСа 27 км/ч…

Мы снова оказались за домиками из красного кирпича. Я вылез из танка, подошел к этому командиру штрафников, схватил его за грудки и стал на него орать: «Ты, сволочь, сказал, что пехота перерезала «железку»! Где твоя пехота?! Почему никто за нами не пошел?!» Он спокойно похлопал рукой меня по плечу: «Мы вас в БРД посылали, браток. Для смелости. Если устав знаешь, так ты в курсе, что такое БРД». Устав я знал и что такое БРД – разведка боем, помнил еще по 1-му УФ.

Рядом остановился наш третий танк, и из него вытащили танкиста, раненного в плечо. Вылез лейтенант, командир этой машины, и сказал, что у него от касательного удара снаряда по башне отлетел привод – поворотный механизм. И тут меня этот «штрафник» спрашивает: «Ты стрелял в секторе опушка леса – станционное здание?» – «Так точно» – «Ну тогда пошли со мной в окоп». Спрыгнули в траншеи, прошли вперед, и он мне показывает. «Видишь, где черный дым? Это твоя работа, там «Тигр» горит. Точно, твоя работа. Можешь доложить своему ротному, что сжег немецкий танк». Я присмотрелся и увидел, что на земле лежит, по всей видимости, башня от «Тигра», все в черном дыму, слышны глухие взрывы… Вернулся к своему экипажу. Валинов поставил свой танк неподалеку, между разбитыми домами, высунулся из башни и стал наблюдать за полем боя. И тут ему немецкий снайпер всадил пулю прямо в голову. Тело Валинова экипаж принес за дома. На его переносице было маленькое черное пятнышко, а сзади было выходное отверстие с кулак величиной. Просто вырвало кусок головы. Вместе с его экипажем мы быстро вырыли с тыльной стороны здания могилу для старшего лейтенанта и похоронили нашего боевого товарища прямо на этом месте.

Коля Валинов, молодой москвич, умница и красавец с шевелюрой темных волос. Смелый танкист, одним из первых в бригаде вырвавшийся к магистрали, во время нашего рейда по тылам противника на Карельском фронте. Замордованный и униженный нашим «старым буденновцем» комбригом Коноваловым, старший лейтенант Валинов нашел свою смерть под Данцигом. Пусть земля ему будет пухом…

После этой атаки Михайлов по рации передал распоряжение вытащить танки Уткина и майора Подполковникова из топи и придал мне в помощь еще одну машину. Пока мы это сделали, пока выкопали капонир для своего танка, то потеряли последние силы и, будучи «вдребезги усталыми», в изнеможении забрались в танк и заснули на своих сиденьях в полускрюченном состоянии.

Вечером нам передали очередной приказ: в шесть часов утра по сигналу «две красные ракеты» – атака… Ночью кто дремал, кто «травил байки», но в пять утра поднялась стрельба с двух сторон. И мы стали готовиться к бою.

Папков предложил: «Лейтенант, давай НЗ съедим? Вторые сутки ничего не ели». В крафт-мешке лежал наш НЗ: литровая банка немецких мясных консервов, черные сухари и четыре грудки сахара-рафинада. Открыли консервы финкой, по очереди передаем банку друг другу, и только Богданов отказывается есть, говорит: «Вы молодые дураки. Зачем жрете перед боем? Попадет пуля в живот, подохнете как собаки», на что я ему ответил: «Дело твое, как хочешь» – и передал банку дальше, а Папков меня поддержал: «Зато сытыми помрем!» У меня от обильной еды стало распирать живот, и я ослабил поясной ремень, на котором у меня висели «через рычажок» две гранаты Ф-1. А свой револьвер я носил за пазухой комбинезона, чтобы он не цеплялся за откидное сиденье и не мешал быстро вылезать из башни. Я снял одну гранату с пояса и положил ее на казенник пушки, снова затянул ремень и продолжил есть из банки, заедая мясо сухарями. Вокруг нас все чаще стали раздаваться взрывы немецких снарядов. Возовиков глянул в прицел: «Командир, вижу цель – немецкая пушка. Давай шмальнем по ней!» Пушка была заряжена, и я кивнул заряжающему, мол, валяй, действуй. Выстрел, гильзу отбросило назад, часть копоти от порохового заряда ушла в башню. И тут я вспомнил, что положил «эфку» на казенник орудия. Включили тумблер освещения и башни, и я увидел, что граната заскочила в просвет между казенником и тормозом отката и наполовину зажата между ними… Я хотел попробовать вытащить гранату рукой, и… у меня в ладони оказалась только часть ее чугуного корпуса. Говорю экипажу, чтобы лезли под лафет, и попросил у Возовикова отвертку. И в это время в воздух взлетают две красные ракеты… Я отверткой поддел за оставшиеся полкорпуса гранаты… и она выскочила обратно на казенник.

Запал был погнут дугой. Я все ее остатки выбросил через открытый люк… Вот так граната, к нашему общему счастью, не взорвалась. Что интересно, видимо я был «туповат» и, доставая гранату, страха не испытывал, думал, что от силы мне оторвет несколько пальцев на руке. Мелькнула такая мысль. Но все обошлось благополучно. Кричу: «Папков! Вперед!» Сам сел на сиденье артиллериста, а Возовиков забрался на мое место. Мы не смогли сразу выехать, одна гусеница попала в широкую и глубокую обочину, и танк вело юзом. Я выскочил из башни, чтобы направить действия механика, забежал вперед и стал показывать Папкову, куда ехать. Сбоку, из-за деревьев, выбегает высокий

немец в грязной шинели и, чуть не плача, поднимает руки и кричит: «Я поляк!» Я махнул ему рукой – назад, танк выбрался из колеи, и мы пошли в атаку.

Впереди отблески, вспышки орудий. Короткая – выстрел – вперед. Все как обычно.

Папков выжимает сцепление, я стреляю, и танк снова идет вперед. Слева от нас лесок, рядом с которым идет в атаку танк командира взвода. На большом подъеме наша машина глохнет, и Папков не может никак ее завести вновь. Решили попробовать завести танк инерционным стартером, на боеукладке лежала заводная ручка. Вставили ручку в гнездо на перегородке моторного отделения и втроем стали ее крутить. Я, раскручивая торец мотора – храповик, крикнул Папкову: «Давай газ!», а сам оттянул рычаг включения, и машина завелась… По местам и вперед! Преодолели подъем и стали спускаться в низину. Я увидел обрыв, дальше шла колея железной дороги, а за ней шел сплошной лес. И в этот момент из леса по нашему танку стали бить орудия. Снаряд попал прямо в танк, и внутри машины все осветила громадная белая вспышка света, как будто смотришь близко на сварку. На какую-то долю секунды я увидел, что голова Папкова откинулась назад и из его рта идет белая пена. Наверное, это шла кровь, но в белой вспышке она показалась мне пеной. Кричу ему: «Папков!!!», а он… мертвый. Снова истошно кричу, уже своим старшинам: «Выскакивайте!» Мы выскочили из танка в разные стороны, они побежали в поле, а я к лесу. В руках у меня автомат ППС. Около леса стояли небольшие пушки, а между деревьями пулеметы на сошках. Кругом кучи стреляных гильз. Бегу в лес, пули свистят, и мне казалось, что это наши по мне по ошибке стреляют. Бегу инстинктивно, не понимая толком, куда и зачем, стреляю из автомата по сторонам. Передо мной бугорок с разрушенным блиндажом, заскакиваю внутрь, а там куча окровавленных бинтов, валяется большой раскрытый чемодан с блестящими хирургическими инструментами…

Я назад к выходу, и тут надо мной летят щепки от торцов бревен блиндажа. Я понял, что по мне стреляют, и юркнул снова в блиндаж. У правой стойки входа я, полусидя, изготовился к стрельбе. И в это мгновение в блиндаж лезет «фриц» с автоматом, он сразу меня заметил и закричал. Я жму на спусковой крючок, а выстрела нет, видно и немцу в этот день счастье, как и мне, перепало. Оказывается, я расстрелял весь рожок, еще когда бежал по лесу… Сначала в проеме показался ствол немецкой винтовки, и я оцепенел.

И тут в блиндаж летит граната на деревянной ручке. Я эти гранаты знал, мы их изучали, да в памяти крепко засел рассказ,

как во время гражданской войны в Испании республиканцы выбрасывали эти гранаты из окопов назад на противника, ведь они взрываются только через 6–7 секунд после броска.

И, видно, в критические моменты, когда все в человеке подчинено одному желанию выжить, сознание «выбрасывает» подобную информацию для спасения. Я потянулся к гранате, и в это время залетела еще одна. Взрыв… мне кажется, что я не терял сознания… Запахло горелым мясом, все внутри блиндажа заполнилось едким желтым дымом, и я стал задыхаться… Боли не чувствовал из-за возбуждения, но правый глаз ничего не видел. Я рукой за лицо, что-то мокрое, и я решил, что мне один глаз выбило осколками, закрыл правый глаз ладонью, левый видит, и я обрадовался. Дышать из-за дыма нечем, я дышал, «как рыба». Чувствую, что-то мокрое в одном сапоге, провел рукой – кровь, но вроде кости целы. И в это время начался орудийный обстрел по участку, на котором находился этот злополучный блиндаж, сверху на меня стала осыпаться земля. Желтый дым от сгоревшего тола слабо выходил из моей западни, я задыхался, но рядом слышалась немецкая речь, кто-то из «фрицев» подавал команды. Я отбросил в сторону бесполезный автомат и достал из-за пазухи «наган». В голове одна мысль: что, если немцы забегут в блиндаж, я не смогу притвориться мертвым, поскольку не могу успокоиться и сильно дышу из-за нехватки воздуха. Следующий снаряд разорвался совсем рядом, снова посыпалась сверху земля, и я приставил револьвер к своему виску. Плен – не для меня!..

В проеме, в двух метрах от меня, показалась спина в немецком мундире, руки раздвинуты, видно смотрит в бинокль. Меня уже посчитали мертвым, и немец не чувствовал никакой опасности сзади. Решение пришло за доли секунды. Я, вместо того чтобы выстрелить в себя и покончить разом со всем, выстрелил в немецкую спину. Немец сник, стал падать, заваливаясь вперед. И в этот момент снова разрывы снарядов в траншее. Еще осыпалась земля, как я выскочил из блиндажа, перепрыгнул через что-то и застыл на месте… Прямо по траншее, передо мной кучно лежали человек пятнадцать немцев в зеленых шинелях, прижавшись к земле, спасаясь от осколков. Я пальнул в одного лежачего и побежал куда-то, вроде вниз к редкому лесу. По мне, видно, немцы стреляли вдогонку, ибо у меня из руки выбило револьвер с такой силой, как будто палкой ударили. Я бежал, пока не оказался возле подбитого ИС-2, люки открыты, ствол сдвинут набок. Забежал сзади танка. Там воронка, я в нее. Осомотрелся, вижу, как недалеко отходит назад наш ИС-2 и в его сторону летит фаустпатрон, как желтая «свиная морда». Где-то недалеко взрыв, и тут я вылетел из воронки, побежал к этому

отходящему танку и заскочил за левое крыло. На опушке леса танк остановился, и я скатился с него и пополз туда, где находились позиции наших штрафников. Сил идти уже не было. На душе такая радость – живой! Дополз до штрафников, стал им рассказывать, из какой кровавой каши я только что вылез. Кто-то из них разрезал мой сапог и перебинтовал раненую ногу. Сапог был полон крови. В эту минуты в двухстах метрах от нас в лесу раздались очереди из немецких автоматов. Я посмотрел в сторону и увидел, как стоят в ряд наши танки Т-34, но тут машины стали загораться одна за другой, и часть танков просто стала уходить за опушку, стрельбой из пулемета сдерживая немецких автоматчиков. Штрафники разбежались по сторонам… И я снова пополз по вдавленному следу к линии наших окопов, переполз через них, впереди меня небольшой холмик, там вырыт окоп, и из него какой-то сержант с медалями на гимнастерке кричит мне: «Давай сюда!» Я подполз, а у него тесный маленький окопчик, глубиной по пояс, но рядом была вроде еще пустая вырытая ячейка. Оттуда вылез солдат с сумкой, на которой был Красный Крест. Сержант кричит ему: «Перевяжи раненого!» Я заполз, санинструктор стал бинтовать мне голову, оставив открытым только один глаз. Я ему сказал: «Спасибо, браток, я свое отвоевал», – и пополз дальше, в низину, и снова вверх на бугор. Смотрю на поле боя и насчитал на нем 17 наших танков, некоторые из них сильно дымились. Сержант кричит мне с другого бугорка: «Ползи назад, ко мне, по тебе стреляют». И я увидел, как навстречу бегущим штрафникам появился на возвышенности человек в солдатском ватнике, с винтовкой с оптическим прицелом в руках, и орал на бегущих: «Назад!» – и бойцы стали поневоле возвращаться в брошенные окопы. Дополз до сержанта, и он мне говорит: «Видал, это наш капитан остановил драпальщиков», а я еще подумал: вроде заградотряды уже отменили, откуда тогда взялся этот офицер со «снайперкой»… Меня всего мутило, я не мог найти себе места, дикая жажда, и я снова выполз из неглубокого окопчика и пополз к дороге, в кювете которой был маленький ручеек. Все руки в грязи и в крови, и я лакал мутную воду, как собака. Рядом разрывы мин, слышна сильная перестрелка. Возвращаюсь к сержанту, а он… сидит в окопе, голова откинута назад, руки выставлены вперед, уперты в край окопа, и с них как будто шкуру с пальцев срезали, все в крови. А на груди сержанта вогнута внутрь медаль «За Отвагу» и впадина, видно мина попала ему в грудь и разорвалась. Мимо ползет девушка с санитарной сумкой, добралась до убитого сержанта, сняла с его руки часы, кинула в сумку и снова поползла вперед.

Боец из соседнего окопчика, тот, который бинтовал мне голову, крикнул: «Это наш санинструктор, Маруся. Не баба, а конь с яйцами. А тебе, танкист, повезло. Как тебя сержант в свой окоп звал. Счастье твое, что ты от него уполз, а то сейчас бы также мертвым валялся!» Я снова стал испытывать жажду и опять пополз напиться к дороге. На ней появился тягач, Т-34 без башни, танкисты с него меня заметили, подняли на броню и привезли сразу в какой-то санбат или полевой госпиталь. Мне вкололи противостолбнячную сыворотку, раздели догола, положили на операционный стол, привязав к нему жгутами руки и ноги. Пришел врач-хирург, спросил: «Пьешь много?» – «Нет, я малопьющий». – «Это нормально». На лицо положили марлевую повязку, и медсестра начала капать раствор из бутылки.

Я задыхался, такое ощущение, будто тебя медленно душат и ты проваливаешься в бездну с великим грохотом в голове, словно тебя по ней кувалдой огрели. Очнулся я, как мне показалось, минут через тридцать, уже на носилках, и услышал, как хирург диктует кому-то из своих: «Запишите, сестра, сделано два продольных разреза голени: 18 и 12 сантиметров». Занесли меня в палату, а там уже лежит командир моей роты капитан Михайлов. Ему, когда он выскакивал из горящего танка, две пули попали пониже спины и прошли навылет. Михайлов ко мне всегда неплохо относился, хотя с другими танкистами был груб и заслужил от них прозвище «Волчара». Михайлов сказал, что Уткин погиб, ему оторвало голову. Мы пролежали в госпитале 18 суток, он уже ходил с палкой, а я на костылях, и когда бригаду пребрасывали на Одер, нас, по распоряжению танкового начальства, забрали из госпиталя с собой. Мы почти выздоровели, и когда вернулись в полк, то Михайлов снова стал командиром роты, а меня опять взял к себе командиром экипажа танка ИС-2. И тут выясняется, что в том бою мои танкисты Возовиков и Богданов также спаслись, они снова попали со мной в один экипаж, а механика-водителя мне дали из бывших политруков, прошедших после упразднения института военных комиссаров переобучение на строевые воинские специальности. Механиком оказался старший лейтенант, казах Джамбаев, которого я называл по отчеству – Джамбаевич. Было ему уже лет 40–45, невысокий, коренастый, с грубым смуглым лицом. Он рассказал, что в армии служит уже седьмой год, с его слов он участвовал в Финской кампании, а в Отечественную на фронт попал впервые только сейчас, весной сорок пятого, и под Алма-Атой у него осталась семья и четверо детей. Джамбаев был тихим, выглядел каким-то подавленным, и я подумал, что ему, старшему лейтенанту, неприятно, что он должен подчиняться мне, офицеру в звании на

две ступени ниже его. Как механик-водитель он был подготовлен слабо, и мне приходилось ему все время что-то показывать и подсказывать. Перед форсированием Одера весь офицерский состав полка собрали вместе, и нас предупредили, что мы будем двигаться по дамбе к реке и если какая-то машина заглохнет, то ее сразу будут сбрасывать под откос, чтобы не замедлять движения колонны полка вперед. Дамбу мы проехали без ЧП и добрались до тяжелых понтонов, которые должны были перебросить танки на другой берег. Мой ИС должен был переправляться первым, но командир полка Ленков приказал: «Отставить!» – и добавил, что первым через Одер пойдет его танк. И тут случилось несчастье. Танк комполка заехал на понтон всего метра на полтора, как противоположная часть понтона поднялась и вздыбилась на водой. Механик, старшина, с улыбкой вылез из танка, и ему Ленков махнул рукой, мол, проезжай дальше вперед. Механик обратно в танк, проехал еще с метр, и тут понтон «вывернулся» из-под танка, «сыграл», и машина моментально ушла под воду. Там глубина была метров семь. Механик утонул… А он был еще раньше, в Карелии, водителем танка у погибшего лейтенанта Валинова, и тогда произошла с ним беда, танкисты пошли поохотиться, и этот механик случайным выстрелом ранил своего товарища. Получил за это от трибунала три месяца штрафной роты, и когда он по истечении срока вернулся в полк живым, то подполковник Ленков взял его в свой экипаж как классного механика-водителя. И вот он… так глупо погиб на наших глазах… Уже потом, когда танк подняли со дна реки, этого старшину похоронили со всеми почестями. Стали разбираться с понтонерами, и выяснилось, что их командиру, капитану, сказали, что переправляться будут Т-34, а не ИС-2, которые на 18 тонн тяжелее «тридцатьчетверок», вот и произошла трагедия, – понтон не выдержал тяжести.

Мы ждали на берегу, пока не пригонят более мощные понтоны, нас перебросили через реку, а там еще один рукав разлился. Мы снова двигались по дамбам, потом скапливались для атаки в низине. К вечеру полк вышел на шоссе Берлин – Штеттин, и наши танки прорвали фронт противника. Впереди нас шли Т-34, а наша полковая колонна пошла по дороге за ними. Нас обогнали БТРы с пехотой, и в сумерках мы попали в засаду. Сбоку из леса по колонне стали бить несколько немецких танков, загорелись наши колесные машины, но паники не было. Мы развернули башню, выпустили по танкам несколько снарядов. А потом немецкие танки ушли вглубь леса. И мы снова пошли вперед. Наша лавина проскочила городок, который, кажется, назывался Демин, и на развилке увидели указатель: «До Берлина

– 80 километров». Доехали до какого-то большого города, все танки развернулись в линию и приготовились к атаке. Передо мной, чуть левее, метрах в трехстах, каменный мост, и я сразу подумал, что немцы «застрелятся», но этот мост обязательно заминируют. И точно, как только на мост заехал первый Т-34, раздался взрыв, и от моста полетели обломки. Экипаж погиб. Мы обошли переправу по каким-то канавам и оказались на окраине этого города. По нам не стреляют, стало не по себе. И тут мы видим, как навстречу нам с белыми флагами идет колонна немецких солдат, заезжаем в город… а там на всех окнах висят белые простыни или самодельные белые флаги. Германия сдается… Мы без боя дошли до центральной городской площади, и наша колонна остановилась. Это было 28 апреля 1945 года. Так для нас закончилась война…

Кузьмичев Николай Николаевич *(Интервью А. Драбкина)*

командир танка 38-й танковой бригады

Числа 10-го или 9-го нас разместили в небольшой рощице. На плацдарме войск уже было много. Мы опять зарылись. День был хороший, солнечный. Это уже ближе к 16 апреля. Остались мы по одному человеку в машине, а остальные в баню пошли. Я стою на боеукладке, крышка люка заряжающего открыта, моя голова выше крыши башни. Стрельба идет, слышу – что-то урчит, фырчит, я за ручку крышки люка беру и закрываю. В это время взрыв! У меня из глаз искры, дышать нечем! Больше ничего не взрывается. Очухался. Танк стоит, а метрах в двух от него воронка, метра два-

три в диаметре и глубина с метр не меньше. Хорошо, что это был одиночный выстрел. Чуть-чуть бы, и все… Смотрю, на стволе пушки вмятина приличная. Чехол, как пошли в наступлении с 14 января не надевали, а заклеивали бумагой, чтобы в ствол пыль не попадала. Открываю – внутри выступ, стрелять нельзя. Доложил по команде, с 15 на 16-го ночью нас на сборный пункт аварийных машин, менять ствол пушки. Посмотрели. Говорят: «Вы ложитесь». Мы легли спать на брезент и брезентом накрылись – тепло уже было. Разбудили. Гул стоит, самолеты идут туда и обратно, «катюши» играют, артиллерия бьет! Мы спали и ничего не слышали. Техники говорят: «Принимайте». Приняли. Догнали своих.

22 апреля мы вышли к восточному пригороду Берлина, Марцану. Там мы ночевали. Пришли туда к вечеру. Пригород выглядел так, как наши садовые участки. Небольшие домики, щитовые однокомнатные, в доме диванчик. Вишня или черешня под окном. Не разрушали ничего. Когда бои шли, конечно и дома эти, и сады давили, тут никуда не денешься. Пошли дальше. Вышли на улицу, которая пересекалась с Франкфурт-аллеей, что шла от центра и по направлению к Франкфурту-на-Одере. Пересекли ее. Дальше Шлиссенгарт, Восточный, а раньше Силезский вокзал. Мы остановились перед перекрестком, на углу справа виднеется ствол. Наши автоматчики сказали, что там зарыта самоходка. Фуганули по ней из фаустпатрона, а там никого – сбежали все. Мои товарищи были впереди, я шел несколько сзади справа, и ко мне обратились артиллеристы за помощью. Попросили пойти на улицу, которая шла параллельно Франкфурт-аллее и пересекала нашу, между Франкфурт-аллеей и Силезским вокзалом. Оказалось, что это артиллеристы 122-миллиметровых гаубиц. Они вошли на улицу, а с верхних этажей по ним открыли огонь и расчеты побили, они отступили, оставив орудия. Я по верхним этажам из пулемета и пушки работал, а автоматчики, которые со мной были, заняли эти дома. Орудия вернули.

Наш батальон через сутки боев вывели в резерв бригады, для штурма Рейхстага, и мы целые сутки не участвовали в боях. В резерве – это что значит? Мы на одной улице стоим, а на параллельной – бой идет. Вот это резерв. В штурме мы так и не участвовали, говорили, что нам не подготовили переправу через Шпрее. Пока в резерве стояли, автоматчики и экипаж нашли бутылки. Думали, ситро, а оказалось, это шампанское, жарко было, напились, и нас немножко повело. Весело было. Надо отдыхать. Легли под машину. И тут началось – бомбили тяжелые бомбардировщики соседнюю улицу – небольшое землетрясение.

Танк аж подпрыгивал!

Мы выходили на Александр-плац, ближе к центру. По-моему, это 29 или чуть ли не 30 апреля. Утро. Мы стоим посередине улицы – у стены нельзя, а то может обвалиться или сверху что-нибудь кинут. Впереди ИС-2 нашего корпуса, сзади метрах в 50, по ближе к стене, стоит Су-76. Стоит и стоит. Взрыв! Я стоял сзади своего танка – под машину забрался моментально. Видимо, в самоходку попала мина. Экипаж остался жив, потому что был в подвале. Они-то знают, что в их самоходке оставаться нельзя, если не идешь в бой. А мы, наоборот, под машину прятались.

Подошли к Александр-плац. С вокзала по насыпи идет колея, да и сам вокзал находится на уровне второго этажа. Под насыпью были какие-то складские помещения, рядом тюрьма. Получил задачу: занять позицию перед этой железнодорожной насыпью между двумя домами. С этой улицы, где самоходка взорвалась, чуть продвинулись и завернули за угол. Встали – наш танк и еще один из третьего батальона, но командира я лично не знал. Стоим – где что-то зашевелилось, мы туда снаряд или с пулемета. После одного из выстрелов командир орудия упал на колени. Я подумал, что его убило, а оказалось, что наши ремонтники болты, которыми держится специальная накладка на казеннике, не завернули, а забили. Стреляли мы много – за сутки несколько боеукладок опустошали. Стреляли практически по одиночным солдатам. Накладка отлетела и ударила по прицелу, в который смотрел наводчик. Может, он и сознание от удара потерял. Стрелять больше нельзя. Я доложил по радио и получил приказ на отход. Я отошел, и за угол – к остову самоходки. Механика-водителя на машине отправил на СПАМ (Сборный пункт аварийных машин), а сам решил вернуться ко второму танку. Прихожу – смотрю: машина оттянулась назад, командир танка прыгает с башни, и у него нога подломилась. У него ранение в ногу, кость перебило. Оказалось, что механик-водитель увидел, как появился ствол, и повел машину назад, вместо того чтобы туда сразу снаряд, как мой экипаж делал – выстрелил, и сразу заряжаем новый. Назад сдал – это же отступление, за это не погладят по головке. Командир, видимо, приказал вернуться назад, они высовываются, а им под башню и фуганули. Наводчика убило, он ниже его, а командира в ногу ранило. Если у тебя инициатива, ты первый вышел на эту позицию, не упускай ни под каким предлогом.

А в Берлине я танк потерял, правда, не безвозвратная потеря, но танк не мог участвовать в дальнейших боях. Правда, мне командир батальона дал выпить, сказал: отдохни. А на следующий день: «Вот тебе экипаж, машина осталась без

командира, давай вперед». Первое мая я не помню. Второго мая мы двигались, пересекли Франкфурт-аллею. Капитуляция! Нам приказали прекратить огонь. Неплохо! Для нас шансов побольше остаться в живых. Принимаем капитуляцию. Тут опять наука тоже. Хотя об этом всегда говорили. Один автоматчик сидит и пытается разобраться с пистолетом. Ничего в нем не понимает. Раз-раз, выстрел – и механик-водитель получил тяжелое ранение. Так вот, значит, 2 мая приняли капитуляцию. В основном пехота этим занималась. Мы остановились метрах в 100–150, наблюдали, и все. Тут выходит один немец и начинает стрелять из автомата, ну рядом были его же соотечественники, они ему по голове стукнули.

Когда с окна стреляют, мы туда из пулемета или автомата, в зависимости от того, какой этаж. Заходили проверять, в подвале сидят гражданские лица, мы смотрим, нет ли среди них военных. Не знаю, может, кто-то что-то, но так, чтобы поголовно, нет. Мирных жителей не трогали. Когда видели женщин с детьми – тем более. Потом мы перешли старую границу с Польшей за Познанью, город Бенчен. Утром туда нагрянули, остановились у дома. Как раз я заходил автоматчиком. Стол, на столе блюдо, в тарелки что-то наложено, никого нет. Мы в подвал. Языком не владели. Выходите! Кушайте! Садитесь! Мы есть не хотели. Попросили пить: «Дринкен. Дринкен». Налили нам по стакану. «Хозяин, пей первый». Он смеется, выпил. И мы ушли. Вот тыловики могли, особенно те, у кого семьи были расстреляны на Украине и в Белоруссии. Не знаю никакого мародерства, люди разные бывают, может, кто-то злой, что у него семья погибла. Отдельные личности были. Мы еще стояли на плацдарме на Одере, нам объявили приказ Сталина, верховного главнокомандующего: «Имеются единичные случаи мародерства и убийства там-то и там-то». Военный трибунал приговорил их к высшей мере наказания и приказал принимать самые строгие меры, вплоть до расстрела. В Берлине немцы своих стреляли больше, наверное.

Ночевали на том же месте. Утром приказ: «походная колонна марш». Нас вывели на юго-восточную окраину и разместили на позиции зенитных батарей ПВО Берлина. Позиции были бетонированные. Прошло пару дней. Ночью, по-моему, я в наряде не был, стрельба поднялась. Итить твою мать! Ракеты, трассирующие вверх идут. Самолетов не слышно. И вдруг: Германия капитулировала!!! Начали стрелять из пистолетов. Радость, конечно, была. Шансы остаться живым увеличились.

Потом нас перебросили на канал Одер – Шпрее, бараки сборно-щитовые. Мы разместили там парк и обслуживали

машины. В конце мая был приказ совершить марш в район Дрездена. Время сумбурное. Переход от боевой к мирной жизни в чужой стране. Какая-то психологическая перестройка. Не совсем веселая, радостная. Сказать, что угрюмая, тоже нельзя.

Анкудинов Павел Ефимович
(Интервью А. Драбкина)

командир эскадрильи 621-го штурмового авиаполка

В январе 1945 года я повел эскадрилью на штурмовку

танковой колонны недалеко за линией фронта. Зенитного огня почти не было, но видимо, я слишком снизился, и на выходе из пикирования мне «влепили» болванку в двигатель. Вода сразу вытекла, и мне пришлось его выключить, иначе мог начаться пожар. Перед тем я только успел горку сделать, чтобы высоту набрать. Ребятам сказал, чтобы шли домой, а сам стал тянуть самолет на нашу территорию. Ветер был западный, что, безусловно, помогло. Когда высоты оставалось несколько метров, я проскочил над цепью немецкой пехоты, распластавшейся на земле. В последний момент уперся ногами в приборную доску, чтобы не разбить голову. Плюхнулся на «живот» метрах в 80 от немцев, и меня потащило на подбитый немецкий танк. Слава богу, самолет остановился метрах в восьми от него. Выскочили со стрелком и «катом» – не поползли, а покатились в сторону своих. А немцы открыли огонь по самолету и бегут к нему, но нас уже и след простыл. Попали мы в окопы какой-то танковой бригады. Нам сразу спирта налили, мне подарили парабеллум и маленький пистолет вальтер. Накормили и напоили нас хорошо, но машину не дали: «К себе добирайтесь как можете». Мы добирались почти сутки. А потом я снова летал.

Конечно, я сделал для себя некоторые выводы. Все-таки надо быть более осторожным, бдительным. Страха у меня не возникало, и следующий после сбития вылет по ощущениям ничем не отличался от предыдущих – коленки ходуном не ходили, и руки не дрожали. Я всегда старался сделать больше вылетов – хотелось мстить и за товарищей, и за поруганную Родину. Старался воевать так, чтобы наносить врагу наибольший урон в каждом вылете. Поэтому и сделал 105 вылетов. Представляли на Героя, дали Орден Александра Невского.

Второй раз сбили уже под конец войны, 8 мая. Немцы колоннами шли через Судецкие горы, отступая в сторону Праги, чтобы сдаться американцам. Причем по одной долине двигались немецкие, а по другой, параллельно им, наши войска. Я зашел на одну из колонн, и мне засадили в двигатель. Стал садиться вдоль леса, что покрывал горы. А что такое посадка на лес? Все отлетело! Остались только двигатель с загнутым тюльпаном винтом и наша со стрелком кабина. Удар был резким. Я-то ногами уперся в приборную доску, а стрелок ушибся головой. Немцы – всего в 150 метрах ниже нас. Мы выскочили. Стрелок говорит: «Подожди, командир, немцы бегут. Я сейчас из пулемета по ним пройдусь». Он залез в кабину и открыл по ним огонь. Немцы залегли, а мы под шумок побежали вверх. Они отступали, им было не до преследования. Мы поднялись на вершину, смотрим, а по долине наши войска идут. Спустились к ним, ну а в

полк попали на следующий день. Пока добирался домой, везде встречал пехотинцев, шуровавших по магазинам. Я тоже зашел в универмаг, думаю, может быть, и мне чего-нибудь взять? Ничего не нашел. Только носки взял.

Приехали домой, а товарищи нас уже похоронили. Командир полка говорит: «Все, отлетался. Больше я тебя не пущу». И не пустил, хотя моя эскадрилья еще и 9-го выполняла боевые вылеты, еще гибли товарищи. В этот день погиб летчик Мохов из моей эскадрильи.

9 мая 1945 года полк сделал последний боевой вылет, и тут объявили, что война окончена. Мы стреляли, выпивали, обнимались. Так продолжалось дня два – стояла анархия, никто нами не управлял. Ну, а потом началась служба мирного времени…

Штангеев Николай Иванович
(Интервью А. Драбкина)

летчик 312-го штурмового авиаполка

Первые несколько дней, когда мы летали над территорией Восточной Пруссии, мы просто мстили. Нам сказал замполит, что мы подошли вплотную к логову врага и должны ему показать, что имеем силу и решимость отомстить за все страдания, которые он принес нашему народу. Есть приказ Сталина: «Кровь за кровь!» Вы, летчики, должны показать свое умение». Мы пошли с Колей Оловянниковым на дорогу, по которой отступали и военные, и гражданские. Расстреляли боекомплект. Сопротивления почти не было. Решили зайти над дорогой и рубануть винтами по головам. Но мы могли там и остаться. Запросто. Особенно когда винтом рубанул по головам. Все в крови. Надо было красить самолет. Во втором заходе я, видимо, зацепился за землю, и лопасти винта согнулись. Самолет завибрировал, но продолжал лететь. Вернулись благополучно. У меня левая плоскость была вся в крови, а у Кольки в правой плоскости торчал кусок черепа. Но вообще – риск слишком большой. Я ему говорю: «Коля, что мы с тобой сделали?» Это была уже сверхшалость наша, азарт такой.

Кстати, под Аленштайном погиб прекрасный командир эскадрильи, Герой Советского Союза Юра Ивлиев. Нас в очень плохую погоду послали на разведку колонн, уходивших из Аленштайна. Вышли на дорогу – она забита танками, повозками. Высота – 250 метров, Юра по радио говорит: «Будем бомбить. Но учти, у нас сотки подвешены, так что под самую кромочку облаков подойдем, сбросим бомбы, а потом в следующем заходе будем стрелять из пушек и пулеметов. Ты, смотри, иди метрах в двухстах от меня». Зашли, бомбы сбросили хорошо – там не промахнешься. Колонны шли сплошным потоком. Делаем второй заход, он пикирует и, смотрю, – не выводит. Я кричу по радио: «Юра! Юра!» – а он так до земли и пикировал и врезался в эту колонну! Я прилетел, доложил о случившемся, смершевец все записал. Через четыре дня наши войска освободили этот район, и мы поехали смотреть место его гибели. Приехали. Я удивился. Около дороги могила, обложенная камнем. Сверху лежит обгоревший парашют и Звезда Героя. По-человечески поступили.

Свой сотый боевой вылет я сделал четверкой из района Марьянвердер Мариенбурга на Гдыню. В полку была такая традиция – встречать летчика с 100-го вылета ракетами. Мы отбомбились, прилетели. Командир полка построил эскадрилью, объявил благодарность и зачитал приказ о представлении меня к званию Героя Советского Союза. Однако эту награду я так и не получил, хотя еще сорок два раза летал на боевое задание.

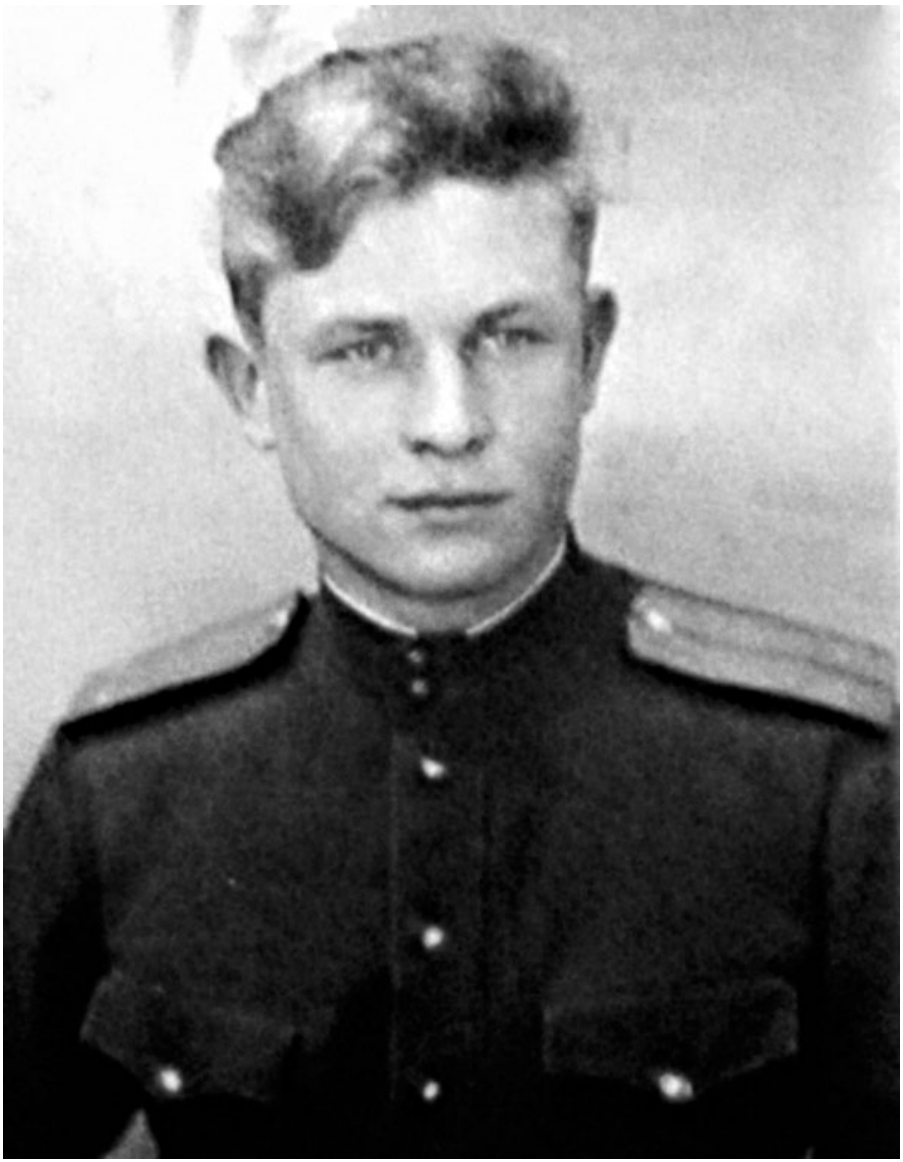
7 мая 1945 года командир полка объявил: «Ребята, война окончена! Победа!» Все стреляют, выпивка рекой! А на следующий день, в 6 часов утра, объявляют тревогу. Мы быстро

поднялись, оделись и – на аэродром. Полк построился, командир полка стоит с представителем командования дивизии: «Дорогие летчики! Командующий Четвертой Воздушной армией поздравляет вас с окончанием войны! Победа! Желает вам счастья, здоровья. Вы знаете, что в бухте Сванемюнде скопилась и не сдается эскадра фашистских кораблей. Командование просит вас сделать один дивизионный вылет. Я не могу никому приказывать, кто в состоянии сделать этот вылет, прошу – шаг вперед». Все летчики сделали шаг вперед. С дивизии собрали 32 самолета, которые повел заместитель командира дивизии. Чичканы в полном составе взлетели. Погода была прекрасная, шли мы на высоте 800 метров. Не долетая до Сванемюнде, видим заградительный огонь. Командир принял решение отвернуть вправо и уйти в море. Зашли далеко, набрали высоту 3000 метров. Развернулись и планируем на бухту. В одном заходе все выложили и пошли домой на высоте метров десять. Пришли, сели. Победа, радоваться надо, а, смотрю, техник стоит грустный. «Что такое?» – «Вы знаете, с этого вылета два экипажа из соседнего полка не вернулись…» Вот ты мне скажи, в чем был смысл посылать нас? Мы же не бомбардировщики, что мы могли сделать против боевых кораблей?! А четыре человека погибли…

А потом началась мирная жизнь. Стали переучиваться на Ил-10, вывозить пополнение. В полк стали приезжать жены техников и летчиков постарше. Чичканы решили – давай и мы женимся! Пойдем к командиру, чтобы он отпустил нас в отпуск. Как сейчас помню: 25 декабря 1946 года мы к нему заходим, объясняем суть дела. «Хорошо, отпущу только одного». Я говорю: «Колька, Герой – ты, и езжай ты. Я тебе дам московский адрес Риты (мы с ней немного переписывались). Придешь и скажешь: «Если ты хочешь соединить с ним жизнь, он делает тебе предложение». Если она согласится, то вот тебе мое офицерское удостоверение, пойдете и распишетесь». Он так и сделал. Когда он пришел к ним в дом, там была Рита и две ее подружки. Он потом рассказывал: «Я вошел, представился: «Николай Оловянников от Коли Штангеева. Давайте по-военному: «Где Рита?» – «Я». – «Коля предлагает тебе выйти за него замуж». Мать, которая стояла рядом, говорит: «Конечно, хочет она». Рита согласилась и спрашивает: «А вы женаты?» Он говорит: «Не женат. Я тоже буду жениться вот на этой девушке, если она согласится». Та соглашается. Что он делает? 6 января в одном районе расписывается с моей Ритой по моему удостоверению, а 7-го в другом районе – со своей. Через границу обеих провезли, спрятав их в чехлы для самолетов – никого же не пускали. Вася Чичкан женился на девушке из БАО. Свадьбу сыграли и стали жить-

поживать. Первыми у нас должны быть сыновья. Так и было. У каждого родился первый сын. И сыновей называем Сашами. Александр – церковное имя. У меня сын Саша.

Мясников Владимир Владимирович
(Интервью Н. Аничкина)



командир взвода 8-го Отдельного огнеметного батальона

16 апреля внезапно для нас началась артподготовка. Когда стало светать, приехал капитан, замначальника штаба батальона. Приказал огнеметы снять и приготовиться к передвижению

вперед. Тогда сильнейший туман был, как в молоке ходишь, ничего не видно. Мы огнеметы из земли вытащили, скомпоновали, потом пришли машины. Огнеметы на них погрузили – и вперед. Где-то войска задержались, надо закрепляться. Нам команда: «Поставить огнеметы на таком-то участке». Быстро развернулись, окопались, ждем атаки. Атаки нет. Опять команда: «Снять огнеметы». Сняли и пошли дальше. Так мы прошли Штраусберг и 22 апреля со стороны Карлхорста вошли в Берлин. В Берлине мы были приданы 144-й Азербайджанской стрелковой дивизии, входившей в состав 5-й Ударной армии. Выйдя к Шпрее, дивизия уперлась в мост, который долго не могла захватить. Этот мост был двухэтажным. На первом уровне шла пешеходная дорога, а справа от нее автомобильная дорога, а на втором уровне была железная дорога, метро. На первом ярусе была автомобильная и пешеходная дорога. Справа по мосту шел бортик высотой где-то метр, а слева от автодороги были столбы, на которых держалась верхняя часть моста. Отступая, немцы в двух местах взорвали автодорогу и в двух местах железную дорогу, а вся пешеходная часть моста осталась целой. Полк с ходу пытался преодолеть этот мост, но ничего не получилось. Тогда командование решило ночью послать огнеметчиков. Надо сказать, что в Берлине бои шли день и ночь, действовали штурмовыми группами, так что мой взвод был разделен на две группы по пятнадцать человек: одной группой командовал я, а другой – помкомвзвода. Соответственно одна группа действовала днем, а другая ночью. В час ночи я от командира роты получил задачу захватить мост и выбить из домов на набережной. Взял свою группу, пятнадцать человек, и начал движение. Вышли на мост, а он же давно немцами пристрелян… Кромешный ад… Немцы как дали по нам из автоматов, пулеметов, минометов и фаустпатронов. Одно спасение – вот те столбы, они четырехгранные, где-то полметра шириной. Мы за этими столбами укрывались, тут самое главное было выдержать, пока по нему бьют – искры летят, осколки камня, а ты стоишь, главное – вперед не броситься. Как немцы огонь перенесли – можно к другому столбу перебежать. Таким образом мы достигли середины моста, где стояло две башни, в которых был механизм развода моста. Пока дошли до середины – стало светать. На немецкой стороне справа и слева от моста стояло два здания, из которых немцы вели огонь, и как только стало светать – немцы огонь усилили. Я решил выдвинуть огнемет к правому дому, чтобы поджечь его и уменьшить огонь. Два солдата с огнеметом доползли до бортика и поползли вдоль него, чтобы поближе к дому подобраться. Я в это время лежал за завалом и командовал,

как двигаться. Все, на сто метров к дому подползли, можно стрелять, и ничего не получилось… Смотрю, солдаты огнемет бросили и побежали на левую часть моста. Добежали до столбов и залегли там. Оказывается, осколком разбило пороховой заряд, так что огнемет не мог стрелять. К этому времени рассвело, немцы, стараясь нас выбить, сконцентрировали огонь. Но тут нас поддержал полк. С нашей стороны моста было большое здание, у которого размещалась артиллерия, и она открыла огонь по дому, который слева от моста стоял. Дом загорелся, и мы, ничего не дожидаясь, бросились в него. Я понимал, что со своими пятнадцатью солдатами немцев из дома выбить не смогу, так что мы проникли в подвал этого дома и потом, подвалами, дошли до конца квартала, на Силезскую улицу, которая шла параллельно реке. Вылезли из подвала, где-то уже метрах в 300 от моста, и с двух огнеметов произвели выстрел по дому, который был справа от нас. Дом загорелся, а огня люди еще с тех времен, когда обезьянами были, боятся.

В нашей группе пять или шесть огнеметов – по два человека на огнемет. Так вот, после поджога дома мы, поджигая встречающиеся дома, пошли обратно к набережной. Вышли на нее и пошли вдоль набережной. Метров сто прошли, еще один дом. Выстрелили в подвал, тут сразу появился немец с белым флагом, который сказал, что в доме человек шестьдесят немцев, и солдат, и гражданских, и если мы сохраним им жизнь, они сдадутся. Я приказал поставить напротив подъезда огнемет и сказал, чтобы они выходили без оружия. Видя, что у нас успех, я послал посыльного за второй половиной своего взвода. Когда они пришли, нас уже тридцать стало. Командир роты увидел наш успех и послал еще один взвод. Мы еще продвинулись метров триста по набережной, саперы в это время готовили мост для прохода техники. А потом прибежал посыльный, который передал приказ сворачиваться для действия на другом направлении. За этот бой мне было присвоено звание Героя Советского Союза.

Бем Юрий Оттович *(Интервью А. Драбкина)*

артиллерийский разведчик 345-го гвардейского стрелкового полка 105-й гвардейской стрелковой дивизии

В начале февраля 1945 года нас погрузили в эшелон и отправили под Будапешт. В это время под Будапештом были

очень сильные бои. Это юго-западнее Будапешта, на озере Балатон, где наши войска потерпели довольно крупное поражение от немцев. Там были очень сильные танковые бои. Наши две дивизии, располагавшиеся под Киржачом, были так называемым резервом Сталина. Их долго не выпускали на фронт, и это было, честно говоря, на мое счастье, иначе вряд ли я вернулся бы обратно. Вот так получилось, что я попал на фронт только в 45-м году, когда дивизию отправили на помощь нашим войскам, которые воевали на Балатоне.

Наш 345-й стрелковый полк вместе с полковой артиллерией расположился в небольшом городишке Сальнок, недалеко от Будапешта. В это время я уже служил в штабе полка: чертил карты, составлял всякие диспозиции и прочее, то есть занимался штабной работой. Мы там стояли около месяца. Венгрия была союзницей Германии, и надо сказать, что жители относились к нам довольно плохо. Ходили разговоры, что они убивали наших бойцов. Но в этом городишке обстановка была довольно мирная. Я помню, что там вечерами собирались девушки на танцы, и мы туда ходили, танцевали. Интересная была картина, матери сидели сбоку и внимательно следили за своими дочерьми, которые в таких шикарных, белых юбочках танцевали.

Из Сальнока нас перебросили к озерам, примерно в 12 километрах от Будапешта. На этих озерах шли очень мощные бои. По пути мы расположились на обед в небольшой рощице (работала походная кухня). И тут вдруг раздался какой-то страшный гром, он все нарастал. Все бросились врассыпную, я нашел какой-то маленький окопчик, туда спрятался. Над нами что-то гремело и сверкало, кругом начали взрываться снаряды, было очень страшно. Потом полетели самолеты. Разрывы все время… Ни я, ни все другие наши бойцы, впервые попавшие в такую обстановку, не сообразили, что это была наша артподготовка. Очень трудно было понять, кто и откуда стреляет и где разрываются снаряды: над нами или за нами. Потом все стихло. Я когда вылез из этого окопчика, вижу, что артиллеристы уже начали готовить пушки. Я побежал в свой штаб. И мы пешим порядком вслед за артподготовкой двинулись за линию фронта. Наши орудия вышли немножко вперед. Штаб разместился в каком-то лесочке. Так прошел наш первый бой.

Надо сказать, что к тому времени мощь нашей артиллерии была огромной, орудия стояли почти вплотную друг к другу, да еще «катюши». Они совершали очень мощные артиллерийские налеты. Немцы очень быстро оставили эти озера. И отошли дальше, к Будапешту. Нас быстро построили в колонны. Пушки были тогда на конной тяге, так как мы много набрали местных

лошаей. Меня посадили, помню на орудие. И мы пошли в направлении к Будапешту. Вот так начались бои за освобождение юго-западной части Будапешта. Город мы обходили. Здесь я в боях не участвовал, хотя время от времени происходили стычки. Но, к сожалению, вскоре запас снарядов к нашим орудиям кончился. И никакие другие снаряды к нашим пушечкам не подходили. И никто об этом даже не подумал. Ну, бросить их, естественно, мы не могли, мы их таскали за собой. Пока какой-то умелец не обнаружил, что немецкие снаряды подходят к ним. Тогда нас послали собирать снаряды, и я в этом участвовал. Мы ходили по освобожденным полям, искали снарядные склады и искали эти снаряды. И действительно, какое-то количество снарядов мы собрали.

Будапешт уже был в основном освобожден. Правая, низменная сторона города, Пешт, была освобождена. А в Буде еще шли бои. Но в этой нижней части, в Пеште, только что закончились бои. Кстати сказать, в одном фильме я это видел. Там десантные самолеты снабжали немцев продовольствием и орудиями. Они были уже окружены. Подбитый самолет вонзился в верхний этаж какого-то здания, и из руин торчал его хвост.

После освобождения Будапешта мы походным порядком двинулись дальше в направлении на Вену. Причем мы шли по одну сторону Дуная, а немцы шли по другую сторону реки. Мы шли как бы параллельно с ними все время. Они отступали к Вене, и мы их вроде бы преследовали по другому берегу. Время от времени наши батареи открывали огонь по немцам. Но наша задача была иная: мы вышли к городу Секешфехервару, который был занят немцами. И там впервые я вступил в настоящий бой. Надо честно сказать, что я не был в эти дни на передовой, потому что был прикомандирован к штабу и там составлял планы, составлял карты. Мы чертили карты того участка, где находились. Намечали цели, показывали линии наступления, рубежи обороны.

Выбив немцев из Секешфехервара, полк вошел в город. Здесь я увидел много валявшихся трупов, страшное зрелище. Позиции полк занял на дальней окраине, там подразделения рыли окопы и артиллерийские огневые позиции. Штаб наш недалеко расположился.

Вскоре входит начальник штаба и говорит: ну, ребята, настало время и вам непосредственно принять участие в боевых действиях. Немцы прорвали наши позиции. Сейчас наш полк ведет бои, но они отступают, и наш штаб находится в непосредственной опасности, поэтому вы выходите на позиции, здесь есть небольшие окопчики. И помните, что у нас здесь знамя полка, которое мы должны всеми силами отстаивать, ни в коем

случае не сдать его врагу.

Нас вывели на позицию, мы залегли в окопах. И через наши окопы пошли отступающие наши ребята. Здесь наш комиссар и командир полка начали останавливать бегущих солдат, и они тоже залегли вместе с нами. А наступали не немцы. Это была власовская часть, которая прекрасно понимала, что пощады ей не будет никакой. Власовцев в плен не брали. Начался бой. Сзади подоспела наша артиллерийская часть, началась стрельба через наши головы. Мы как-то отстояли. Здесь было страшновато. Первый бой, пули летели. Власовцы все были одеты в немецкую форму. Так или иначе мы отстояли город. Подошли наши свежие части, и власовцы бежали. Их много здесь расстреляли. За эти бои меня представили к Ордену Красной звезды. Но Красную звезду я почему-то не получил, наверное, потому, что работал в штабе, считался штабным работником. Я получил медаль «За отвагу» за эти бои.

Потом мы прошли через город Секешфехервар и маршем пошли дальше вдоль берега Дуная на Вену. Причем был очень мощный марш-бросок. До этого мы шли пешком, потом нас посадили на что только возможно. Я ехал либо по-прежнему на лафете, либо на грузовике. Километров по 50–60 был марш. Потом остановка в каком-то городе, и дальше. Видимо, задача была в том, чтобы клещами Вену охватить. Здесь были отдельные бои, скорее с венгерскими частями, которые оставались в каких-то городках, а так мы не встречали особого сопротивления. По обе стороны шоссейной дороги, по которой мы шли, стояли вплотную одна к другой разбитые немецкие автомобили, танки, бронетранспортеры. Эту мощную технику расколотили наши авиация и артиллерия. Я был уверен, что среди автомобилей были исправные. Говорю, давайте я вытащу машину, я могу водить. Но вытащить ее было практически невозможно. Я пытался, но ничего у меня не вышло.

Вскоре навстречу нам пошли потоком наши пленные, освобожденные из концлагерей. Еще в полосатой форме. И те узники, которые работали на будапештских заводах на немцев. Они возвращались обратно домой. Это был тоже целый поток людей, которые шли пешком. Рядом по шоссе шла наша техника. Такого количества техники я никогда еще не видел. Это были «катюши», мощнейшая, крупная артиллерия. Она шла весь день и всю ночь. Когда мы останавливались на ночлег, мимо нас грохотала и шла эта техника.

В конце апреля – начале мая мы вышли ближе к Вене, через Дунай мы не переходили. Там был дальше мост. И около этого моста начались отдельные боевые действия.

Помню, что меня послали с каким-то донесением в штаб дивизии, располагавшийся в городке Веспрем. Я отправился туда, у меня был маршрут по карте, знал, куда мне идти. Шел по какому-то полю, скоро должен был появиться Веспрем. Иду себе спокойно. И тут вдруг слышу – жужжит самолет. Немецких самолетов было в то время мало, но этот небольшой самолетик, типа нашего У-2, с немецкими крестами на крыльях неожиданно нависает надо мной, и из него что-то летит, он бросает маленькие бомбочки, которые рвутся рядом со мной. Он летел так низко, что я даже летчика вижу. Я там один, никого больше нет. Летит надо мной и опять бросает бомбочку. Я, как заяц, бросился бежать, причем бежать некуда – поле. Но там дорога, смотрю – вдоль дороги, на обочине дороги, в канаве труба. Такие широкие большие трубы, вернее обрезок трубы. Я в эту трубу забрался. И это было моим спасением, потому что он полетал, полетал и отправился обратно. Это был случай, когда за мной гонялся немец. Долго пролежал в этой трубе, потом вылез, смотрю, небо чистое, пошел дальше. Доставил донесение.

С небольшими боями мы вышли к Вене. На окраинах Вены мы соединились с другими нашими частями, Вена была освобождена. Я получил медаль «За освобождение Вены».

Знаю любопытную историю, связанную с освобождением Вены. Там действовала группа наших разведчиков и австрийских патриотов. Их фамилии известны. Они разминировали мосты в Вене, когда немцы отходили из города, так что отступающим взорвать мосты не удалось. И наша армия быстро вошла по этим мостам. Благодаря этим венгерским патриотам и наши разведчикам Вена была, по сути, спасена. Вена практически не пострадала, и все ее прелестные дворцы, все ее памятники, все ее знаменитые кирхи и так далее, все это уцелело. По взаимной договоренности ни американцы, ни наши Вену не бомбили. Но вскоре мы вышли из Вены и вошли в город Винернейштатт, рядом с которым был немецкий аэродром. Мы вошли в город вскоре после того, как его разбомбили американские «летающие крепости». Это было что-то страшное. Город горел. Узкая улица Винернейштатта – сплошной пожар. Огненная полоса с левой стороны улицы, огненная полоса с правой стороны улицы. Мы идем посередине среди сполохов огня. Держимся буквально гуськом, потому что жар страшный идет от домов. Это был сплошь выжженный город. Тогда я первый раз понял, что такое бомбежка американскими «летающими крепостями». От этого города, действительно, ничего не осталось. Он выгорел насквозь. Потом я узнал, что большинство мирных жителей Винернейштатта было эвакуировано, они ушли в Вену.

Мы вышли на окраины Вены и прошли по городу. Надо сказать, что там во всех домах из окон были выброшены белые простыни, белые флаги. Все дома были в белых простынях. Мы прошли мимо знаменитого Венского дворца, в 19-м квартале. Мы остановились около одного из жилых домов. Там нас разместили, и там мы жили недели две, не меньше. Надо сказать, что жители Вены очень боялись наступления Красной армии. Потому что немцы вели пропаганду. Кругом были листовки, что всех уничтожат, всех расстреляют, никого в живых не оставят. Поэтому большинство венцев из Вены ушло вместе с немецкими войсками, осталось не так уж много. Поскольку я довольно прилично знал немецкий язык, мне часто приходилось переводить, когда в штаб доставляли «языка». Я был единственным, кто вообще-то знал немецкий язык.

Остановившись в большом шестиэтажном доме, мы проходили по всем комнатам. Было всякое. И стреляли в нас из подвалов, еще какие-то немцы оставались. Все это было небезопасно.

Расскажу один эпизод. Я вошел в одну из комнат. Там сидит семья австрийцев. Старик, пожилая женщина, девушка. Мужчин вообще не было. И посредине комнаты стоит гроб, кое-как сколоченный, и в гробу лежит мужчина. Когда я вошел в эту комнату, они все бросились ко мне и начали что-то быстро лепетать. Я им сказал: давайте спокойнее, говорите помедленнее. Я говорю по-немецки, но не так хорошо вас понимаю. Тем более австрийский акцент. Расскажите, что с вами случилось, и дайте мне сначала возможность осмотреть все ваши комнаты. Я прошел по комнатам, посмотрел, там никого не было. Тут они начали рассказывать. Когда немцы уходили из Вены, когда здесь были небольшие уличные бои, недалеко от дома был убит муж этой девушки. И когда немцы ушли из города, а наши еще не успели войти, она нашла его труп и перенесла домой. Он гражданский, не воевал, но кто его знает. Теперь они сидят, плачут, не знают, где его похоронить, не могут его вынести, не могут ходить по городу, все занято вашими войсками. Труп лежит уже неделю, уже начался запах. Что им делать? Я говорю: успокойтесь. Пришлю солдат, чтобы вынесли хотя бы куда-то за дом. А там вы уже решайте. Попробуйте захоронить на пустыре за домом. Тут они ко мне все кинулись, чуть ли не на колени встали, стали меня благодарить. Я говорю: да бросьте вы. Я попросил ребят, они вытащили гроб на пустырь.

Тут я немножко отвлекусь и расскажу вот что. Поскольку мы все время шли по венгерским деревням, очень много последнее время ходит разговоров о том, что были люди, которые

насиловали женщин, и немецких, и венгерских. Что грабили вовсю. Что были мародеры и прочее. Надо вам сказать, конечно, такие явления в принципе были. Но за это карали очень жестоко. Расстреливали на месте. Я сам был свидетелем таких случаев. Были, конечно, жестокие ребята, особенно те, у которых погибли родственники или были сожжены деревни. Они действовали жестоко, бесчинствовали. Желание отомстить, оно, конечно, было. И сказать, что не было таких случаев, я не могу, такие случаи были. Но наказывалось это очень жестоко.

А теперь расскажу о том, что было повсеместно. Выбивают немцев из какого-то села наши передовые части, располагают их в этом селе по домам. Людей, как правило, никого нет, все убежали, дома пустые. Солдаты брали кое-что. Как правило, это часы. Кроме того, наша армия была вся в обмотках и в ботинках. Все быстро переоделись в сапоги. Но каких-то ценных вещей особенно не брали. Это не возбранялось. Тем более что армия действительно там одевалась. Я не говорю о том, что продовольствие было полностью немецким. У них были подвалы, забитые колбасами, вином, консервами. Все что угодно было. Но в рюкзаке, да еще марш по 50–60 километров – с полным вооружением трофеев много не унесешь. А когда мы уже вторым эшелоном приходили, ничего мы такого не брали, да уже нечего там было брать. Зашел я в один дом. Такой старинный замок. Всякое барахло выбрасывали из шкафов, искали, может быть, там есть что-нибудь ценное. Все завалено материей, бельем, одеждой на полметра от пола все завалено. В подвале были старинные вина. Мы же не останавливались, как правило, мы шли маршем. На ходу забегаем в этот подвал, чтобы взять какое-то продовольствие. Ребята быстро в рюкзак эти бутылки с вином. Я был непьющим и некурящим, и ничего меня не интересовало. Смотрю, в этом подвале лежит повидло, они были в кубах, завернутых бумагой. Я этот куб на плечо подхватил и побежал догонять свою телегу, на которой я ехал. Было жарко, и весь этот куб потек.

По пути нам время от времени показались заградотряды. Эти отряды при проверке машин выбрасывали все награбленное на обочину. И только после этого машина пропускалась. Никого не задерживали. Главным образом это были машины с офицерами. У них были машины, было на чем везти. Я видел, какой-то полковник вез, все у него выкинули. Ему ничего не сделали, езжай дальше. Но такие заградотряды я видел собственными глазами. Поэтому разговоры о том, что было такое повсеместное явление, что наши войска так себя вели, это полная ерунда и чепуха. Все это пресекалось. Тем более это было в 45-м году,

тогда уже специально по этому поводу были листовки, которые раздавались и висели на домах, где строго это дело воспрещалось.

Что еще? Наша почта шла вслед за наступающими войсками, и мы могли отправить родным небольшие посылочки. Одежонку, продовольствие, но немного. Я думаю, мне что-то надо послать своим, какие-то вещички, рубашку, ерунду какую-то. Собрал посылку. Ее надо было как-то упаковать. Я забежал в один дом, там остались венгры и был один итальянец. Венгры говорили по-немецки. Я попросил их зашить мою посылку в рубашку. Пока они выполняли мою просьбу, я поговорил с итальянцем, который тоже говорил по-немецки. Он был антифашистом, был в итальянском концлагере, и сейчас он возвращался домой. И потом, когда мы уже выходили из этого городка, смотрю, идет целая колонна наших, и за ней идет Владик, он был очень крутой парень. Так вот, Владик тащит моего итальянца. Тащит его расстреливать, насколько я понял. Я подошел к нему и говорю: «Ты что делаешь? Он антифашист». Владик говорит: они такие-сякие итальяшки, их всех надо расстрелять. Тот бледный, лицо белое. Я говорю Владику: ты брось, я точно знаю, что это свой человек. Мой друг, очень недовольный, неохотно его отпустил. Надо сказать, что я очень рисковал. Дело в том, что, во-первых, я со своей фамилией немецкой тоже рисковал. Владик мог запросто и меня застрелить, ему ничего не стоило. Кругом мертвых трупов валялось полным-полно. Хорошо, что мы были с ним в дружеских отношениях, он отстал от этого итальянца. Я считаю, что я здесь спас человека. Может быть, он потом за меня молился.

В Вене мы услышали, что идут большие бои под Прагой, в Чехословакии. Одновременно из Берлина туда направили Четвертую танковую армию. Мы шли параллельно с танкистами. Раньше мы шли в основном в пешем строю. А теперь нас посадили на что возможно. Кого на велосипеды, много тогда забрали велосипедов. Кто на телегах, кто на лошадях верхом, кто на броне бронетранспортеров и танков. Был приказ как можно скорее ворваться в Прагу. В Праге началось восстание. Я сам слышал, как по радио они призывали на помощь. Действовали подпольные радиостанции. И они призывали на помощь наши части. Вторым украинским командовал Малиновский, который потом стал министром обороны. А нашим Третьим украинским командовал Федор Иванович Толбухин. Он умер раньше всех командующих. (Теперь наша дивизия уже называлась 12-я Гвардейская венская воздушно-десантная дивизия).

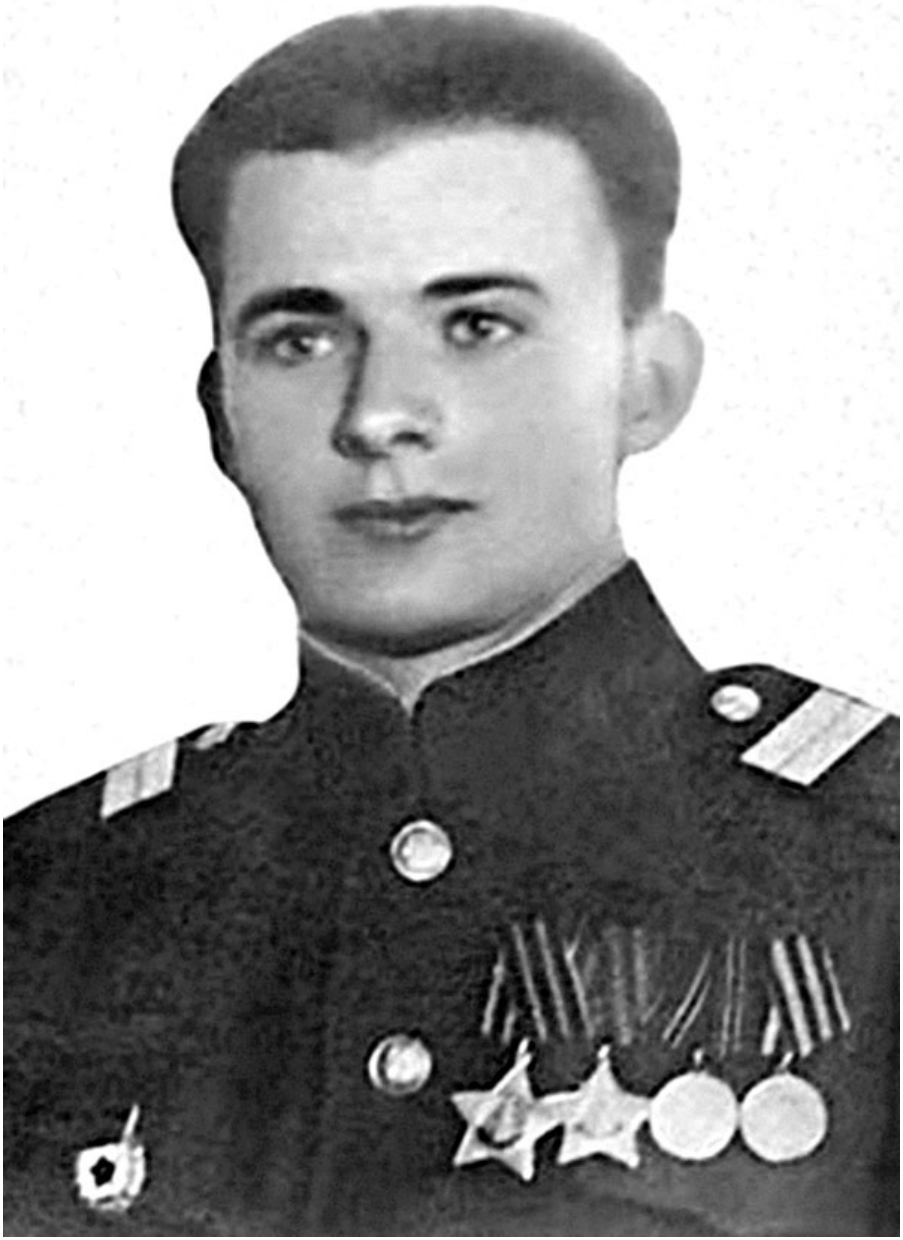
Но мы не дошли до Праги. Мы дошли до города Брно. И участвовали в боях за город Брно. Я там тоже принимал

непосредственное участие. Там был дважды награжден медалями «За боевые заслуги». Бои были не очень сложные. Немцев мы очень быстро выбили из города. И остановились. Потом нас вывели на австро-чешскую границу. Так что Прагу освободили уже без нас танковые части. Это было уже 9 мая. Этой ночью вдруг началась какая-то стрельба, все начали стрелять. Я выскочил из палатки и увидел, что все небо осветилось ракетами, стреляли кто из чего мог, из орудий, из автоматов. Что такое? Объявили, что окончилась война. Это было такое ликование, такая радость, что мы живы. Буквально на следующий день нас всех выстроили. И срочно направили опять на Прагу. Дело в том, что там одна немецкая дивизия из группы армии Шернера продолжала воевать, несмотря на то что им был дан приказ сложить оружие. И нас, поскольку мы были ближе всех к этой группе, направили срочно туда. Я, помню, ехал, сидя на облучке. Наша колонна туда очень быстро ехала. И вдруг началась страшная орудийная стрельба. Буквально в километре впереди нас эти немцы засели с правой и с левой стороны дороги и начали из орудий и стрелкового оружия всю эту достаточно беззащитную колонну поливать из оружия. Там погибло очень много моих друзей. Потому что мы как раз попали в эту засаду. Мы рассыпались все в стороны. Стали заходить по обе стороны этих группировок. Это произошло уже после объявления окончания войны. Нас выстроили, подобрали раненых, кое-как привели в порядок, и мы вошли в Прагу.

Прага встретила нас весной и безудержным ликованием. Там только что прошло восстание. Ничего подобного я, конечно, в Венгрии не видел. По обочине дорог стояли одетые во все лучшее пражане, с цветами. Они бросались к танкам, к повозкам, они забрасывали нас цветами. Они кричали: вы наши освободители! Наши родные!

После Праги нас посадили в поезд и отправили обратно в Будапешт. Расположили нас под Будапештом, в городке Гидер. Небольшой городок, мы жили в палаточках. Там я был до демобилизации. Потом, в июле или в августе, меня демобилизовали как студента второго курса института.

Чепик Василий Прокофьевич
(Интервью Ю. Трифонова)



автоматчик 18-й Гвардейской механизированной бригады

Потом нас перебросили под Берлин. Для последней битвы было приготовлено 7 знамен Победы и выдано командирам передовых батальонов, одно из них передали нашему командиру Нестеренко. Мы подошли к какой-то речке, на ней еще стоял лед, но танки ведь по льду не пойдут. Тогда мы положили на лед доски шириной около 1 м. Пустили легкие танки, они прошли, тогда пустили машины потяжелее, снова прошли, а мы, пехота, несколько дальше по льду, а где и по воде перешли речку за одну ночь. И закрепились на плацдарме. После этого еще где-то также перешли речку, и наши войска окончательно закрепились на том берегу. Все время до начала наступления немцы постоянно пытались выбить нас, было жутко. Причем и разбрасывали листовки, и кричали нам, что они дойдут до Сталинграда, ведь они от города Сталина до Берлина отступили, но теперь у них якобы есть секретное оружие (имелась в виду атомная бомба), и они накроют русских. Но нам, несмотря ни на что, удалось сохранить плацдарм.

Затем пришло время штурма, нас поставили напротив Зееловских высот, где нам пришлось очень тяжело, 8 дней мы их брали. Нас на машинах привезли в лес, приказали окопаться и ждать. Началось все ночью в три часа, мы сильно били из пушек, потом «катюши» как зарядили по немцам. Потом пошли в атаку танки с нами как десантниками. Хотя наша разведка очень хорошо определила, где какие немецкие части расположены, все равно в первый раз мы не смогли прорвать оборону. Опять начался сильный обстрел, потом через полчаса пошли в наступление, но пехота снова залегла, не могут взять, и все. Снова подготовка, и опять до рассвета атакуем, но не можем взять, что бы мы ни делали. Тогда где-то слева немецкую оборону прорвали, и туда нашу часть перебросили, там было немного, 5–7 км, 15–20 минут, для танков ерунда, и только так удалось взять высоты.

Въехали мы прямо на танках в Берлин и продвигались по таким разваленным улицам, что я таких нигде не видел, город был весь в развалинах. Стояли одни кирпичные стены от домов. Наша рота, в ней оставалось человек сто, вошла в пригород Берлина по сосновому лесу. Было утро, только чуть свет, встретиться с немцами не ожидали, но разведку надо было послать вперед, и вот моему отделению был отдан приказ: рассыпаться и идти вперед. Мы идем, оружие держим на изготовку, немцев вроде нет, но местность оказалась такая – взгорок, и оттуда, оказывается, так же, как мы, шли немцы. И как раз на вершине возвышенности мы встретились с точно таким же передовым охранением. Немцы сразу: «Стой, Иван (они нас всегда

называли Иванами, а мы их фрицами), сдавайся!» Я в ответ: «Нет, вы, фрицы, сдавайтесь!» А наши еще далеко, и я вижу, что с той стороны немцы так же идут, разбившись на небольшие группки. На взгорке начали собираться наши и немецкие солдаты, напряжение растет, но пока не стреляем, тогда немцы кричат: «Ладно, Иван, вы идите направо, куда вам надо, а мы пойдем налево, куда нам надо». Все понимают, что если сейчас начнется бой, то перебьем друг друга. Я быстренько человека послал к нашей основной группе, командиру доложили, и командир сказал: «Правильно сделали, поворачиваем направо!» Разошлись мирно, конец войны, они ведь пошли куда-то из Берлина, а мы в Берлин, зачем нам с ними драться было.

За парком стоял дом, стены кирпичные, очень большой толщины, в них окна были закрыты железом, в окнах прорези, и немцы оттуда по нам открыли огонь. Позже оказалось, что в доме скрывалось около 400 человек немцев, и наша задача заключалась в том, чтобы этот дом взять. Сколько туда наших ни лезло, ну никак не могли взять этот дом, потом подвезли пушки и с близкого расстояния, может, метров с 300, обстреляли хорошенько этот дом, послали людей подкоп сделать, саперы заложили большие мины, которые вырвали огромные куски металла и кладки. Тогда мы сразу ринулись в пролом, внутри началась борьба, в итоге захватили это здание.

Дальше пошли в город, каждый бой за дом похож один на другой, непрерывная череда стычек, и дня за 3 до конца войны мы подбили немецкий танк. Прорвалось мое отделение в подземелье, где шла в это время городская жизнь, мы шли под землей, одно отделение в 10 человек. И я нашел немца, который знал русский язык, сказал ему: «С нами пойдешь, будешь первым идти, посредине пути, если влево или вправо повернешь, то будем стрелять». А мы знали, что где-то впереди располагался немецкий танк «пантера», который не давал нашей пехоте последний рывок к центру Берлина осуществить. Немец согласился помогать, стоял перед нами, вышел, посмотрел, вернулся к нам и подтвердил, что впереди есть танк. Мы засели в подземном проходе, потом слышим: «тык-тык-тык», это значит, что по улице идет танк, подождали, я приготовил 2 «фауста», отделение так расположилось, чтобы по прикрывающей танк пехоте огонь дать. Ждем, прошли немцы, появляется танк, он медленно шел, я на мушку его взял, «пантера» до середины улицы дошла, оставалось до нее метров 30, не больше. И я выстрелил, танк сразу взорвался, пехота немецкая кинулась тикать и прямо к нам в подъезд забежала, мы их сразу всех длинными очередями расстреляли. Кто-то доложил начальству о произошедшем, и меня

наградили третьим Орденом Славы 1-й степени, но выдали его только через 49 лет. Так что с первого боя до последнего я беспрерывно воевал в течение полугода.

1 мая битва за Берлин закончилась, я расписался на Рейхстаге, когда нас водили к нему на экскурсию, но что там смотреть: обгоревшее здание, кто где мог, там и расписался. И 1 мая, в мой день рождения, мы с командиром батальона случайно встретили командарма-1 Катукова, и так как у меня был день рождения, то он мне в качестве подарка вручил свой танковый шлем, он у меня до сих пор хранится. Так что войну я закончил гвардии младшим сержантом, командиром отделения мотострелкового батальона в составе 19-й гвардейской механизированной Лодзинской ордена Ленина Краснознаменной Ордена Суворова, Ордена Богдана Хмельницкого бригаде.

Гершман Матвей Львович *(Интервью Г. Койфмана)*

командир отделения 1282-го стрелкового полка 370-й стрелковой дивизии

За четыре дня до форсирования принял взвод. Все солдаты были уже с фронтовым опытом. Дивизией командовал Герой

Советского Союза Дорофеев. Полком командовал подполковник Козлов, тоже Герой Союза. Ходил с черной бородой, выглядел, как витязь из сказки. Бойцы его уважали. Человек он был смелый, простых солдат не чурался. Меня он прозвал: «красный старшина», за цвет волос. Это сейчас я седой, а в молодости была рыжая шевелюра. Командир роты был вояка со стажем, имел два Ордена Красной Звезды.

Перед форсированием пришли политруки, проводили с нами беседу на тему: «Как ты будешь мстить врагу». Покрутились среди нас и смылись шустренько. Вечером пошли мы к реке. Лодки уже готовые стояли. Вдруг приказ: всем назад. Оказывается, что одна сволочь к немцам перебежала и они знали место и время переправы. Хотя какая разница, у них по всему берегу была сплошная, довольно крепкая оборона. Через день, на рассвете, начали переправляться. Первый батальон в тишине сел в лодки. Над рекой туман, мы думали, может, повезет ребятам, переплывут незаметно. Одер – река широкая, да еще разлилась в пойме. Где-то на середине реки немцы открыли огонь, а дальше по «обычному сценарию». Высадились, захватили, удержали и тому подобное. Мемуары полководцев читаешь, такое впечатление, что просто игра в «Зарницу», а не переправа через Одер. А там столько крови пролито… Вы когда-нибудь слышали крики десятков тонущих людей? На плацдарме когда держались, немцы нам по громкоговорительной установке «песни гоняли». Начнут с «У самовара я и моя Маша» или «Красноармеец был герой, на разведку боевой», а потом сволочь какая-то, наверное власовец, на чистом русском языке начинал пропагандировать: «Вы пришли на немецкую землю по колено в крови, по трупам своих товарищей. Берлин всегда будет немецким». А мы в ответ стрельбой отвечали из всех огневых средств… Потом были бои на Кюстринском плацдарме. За эти бои я второй орден Славы и получил. Все началось с того, что «влюбился» я в фаустпатроны. Все время лазил по немецким траншеям и собирал «фаусты». Позже мои бойцы к поиску подключились. Так я постоянно тренировался в стрельбе из «трофея». Брали мы немецкий городок, а у них на высотке дом стоял двухэтажный, как бы в стороне. Со второго этажа два пулемета нас расстреливали в упор. Спрятаться нет никакой возможности – местность открытая. Бойня, одним словом… Артиллеристов наших рядом не было. Пополз с двумя фаустпатронами к дому. Метров тридцать оставалось, думаю – все, надо стрелять. «Фауст» вообще на сто метров бьет, но лежа на земле, из него не выстрелишь, сразу спину спалит. Придется вставать… Оплакал я себя заранее. Встал, успел два раза выстрелить, и опять же повезло, оба раза попал

точно. Пулеметы замолчали. Бойцы дом зачистили, тихо стало вокруг. Фляжку со спиртом мне в руки сунули. Выпил половину фляжки, даже не захмелел поначалу. С того дня у меня какая-то «подленькая» надежда появилась, что доживу до конца войны.

Через неделю танк Т-4 подбил, тоже из «фауста». Пошел «фарт». Хотя бои были тяжелые. Немцы на своей земле дрались до последнего патрона. Только дети и старики из «фольксштурма» сдавались, а кадровые вояки стойко держались. Сдались они в плен только по приказу, после капитуляции гарнизона Кюстринской крепости. Как-то взяли немца в плен и спрашиваем его: «Что не сдаетесь, все равно вам «крышка», окружили мы вас намертво, никто не прорвется?». Немец отвечает: «Мы бы сдались, да власовцев боимся, они нас на прицеле держат». Да и заградотряды немецкие похлеще наших были. Кого из своих дезертиров ловили, сразу вешали. Я эти «гирлянды» пару раз видел. Мы пленных немцев не расстреливали, на эту тему был жесткий приказ. А власовцев убивали сразу на месте.

Вспоминается вот еще какая вещь. Отъелись мы там, впервые за всю войну ходили сытые. Немецкое население убежало на запад, дома брошенные стояли. В подвал спускаешься, а там – окорока, соленья, сало, варенья, консервов всяких – «море разливанное». Походные кухни ночью приедут на позицию, так мы «подначивали» повара, мол, что за «хвойные опилки» нам приготовил. Корова бесхозная приблудилась. Был грех, зарезали мы ее. Многие бойцы мяса жареного впервые с начала войны поели. Сидим, уплетаем «буренку» и вспоминаем, как в 1943 году топором хлеб мерзлый разрубить не могли. Или другой «деликатес» многие вспоминали: гнилую картошку выкапывали и из нее «блины» пекли на саперных лопатках.

Там же застала меня радостная весть. В январе 1945 года писал письма в Гомельскую область, в райисполком и военкомат, пытался узнать о судьбе семьи.

Через два месяца после этого идем маршем, вдруг бежит за нами полковой почтальон и кричит: «Гершман! Пляши!» Сразу три письма. Живы мои родные! Родители вернулись из эвакуации из Казахстана. А братьям моим тогда было 15 и 17 лет. Они на танковом заводе работали токарями. Им какой-то «очевидец» рассказал, что видел, как меня убили в Сталинграде в 1942 году. А я вот живой.

Настроение у всех было приподнятое, шли к Берлину. Если раньше кто-то в задушевной беседе и скажет: «Эх, хоть бы ранило, в госпитале бы повалялся», – то весной 1945 года все разговоры были о том, чем после войны займемся. Ну и две «вечные темы» – женщины и жратва.

Рядом с нами к Берлину танки лавиной идут, все дороги техникой забиты. Воюй на здоровье. А потом, как в песне: «Последний бой, он трудный самый».

Я прошел от Зееловских высот до Бранденбургских ворот – самый кровавый свой путь за всю войну. Две недели в бою, в составе штурмовых групп. Поэтому имею право сказать, что если в те дни и был ад на земле, то ад находился в Берлине. Это в штабах на гармошках играли да за победу выпивали. Всего не буду рассказывать, хватит вам нескольких эпизодов. Есть такая пословица: «Больше всего врут на войне». Так слушайте правду. Хотя начнем с информации, за достоверность которой я не ручаюсь. В лагере сидел с одним бывшим офицером разведотдела армии. Так, с его слов, 15 апреля немцы взяли «языка»-офицера и он сообщил им час начала наступления, и «гансы» все войска отвели вовремя в тыл. Когда начальство с «прожекторами баловалось», в передовых немецких траншеях было только боевое охранение… Но встретили они нас смертельным огнем. Был у нас солдатик 18 лет. Перед наступлением рассказал, что его три брата уже погибли на фронте и он у матери один остался. Думаю, как сохранить этого бойца. Приказал от меня ни на шаг, а главное, как в атаку пойдем, держаться только позади танка, вплотную к корме. Трудно описать ощущения, испытанные мной, когда пошли вперед. Свет прожекторов, небо черное над нами, канонада такая, что оглохли все сразу. Так у парнишки этого, обмотка распустилась. Он на мгновение остановился, чтобы ее поправить, и сразу пуля в сердце. Тоскливо мне стало. Не уберег я его… Два дня мы на этих высотах бились. Сержант с моего взвода лежит в воронке рядом и говорит мне, что так только в 1942 году под Ржевом людей гробили. Танки наши рядами стояли сгоревшие. Пройти они не могли, немцы на всех направлениях, рвы с водой сделали. Танкисты на склонах остановились, и их, как в тире, истребляли. Прорвались мы к концу второго дня. Все роты перемешались, командиров почти всех из строя вывело. Помню, ворвались на железнодорожную станцию, а нас из зениток «крошат». Подошли танки ИС-2. Снова живем…

20 апреля сформировали штурмовые группы. В нашей группе было человек пятьдесят. Огнеметчиков нам дали, взвод пушек из полковой батареи и прикрепили взвод танков. Даешь Берлин! Десять дней уличных боев… Из каждого окна и подвала по тебе стреляют, грохот кругом неимоверный. На каждой улице баррикады, куски от стен на головы рушатся. Снайпера свирепствуют.

Потери дикие, каждый день группы пополняют, сливают между собой, а к вечеру все равно нас меньше половины

оставалось. Театр какой-то захватили, еще бой идет, а я от усталости к роялю, стоявшему в центре зала, прислонился и сразу заснул. Бойцы смеются: «Наш старшина – пианист…» Стены комнат в домах «фаустами» пробивали и так шли дальше. Про рукопашные не буду рассказывать… Танки наши подбили. Я раненого механика из люка вытащил, на спину взвалил, отбегаю от танка, а в это время танкиста пулеметной очередью прошило. Выходит, телом своим меня прикрыл. Последний танк нашей группы получил снаряд от вкопанной в землю «Пантеры». Башня от Т-34 отлетела и своим весом еще несколько бойцов насмерть задавила. Вот такая война там была. Я эту Унтер-ден-Линден, до сих пор по ночам вижу. Снова нас объединили с другой штурмовой группой, разведчиков дивизионных подкинули, и опять вперед. Бьемся за здание какое-то, дым кругом, смрад, а потом рассказали, что брали мы министерство иностранных дел, национальный банк, министерство пропаганды.

Довелось мне и в берлинском метро водички похлебать. В фильме «Освобождение» то, что в метро творилось, показано довольно честно. Мы, правда, там тоже стреляли налево и направо. То, что я там не потонул иначе как чудом не назову.

1 мая вышли к Рейхстагу, если я правильно запомнил, на Вильгельмштрассе, здесь самый страшный бой был, там много наших ребят поубивало. Не сдавались немецкие гады. Там в конце боев одни войска СС были, а они сопротивлялись до последнего. В Рейхстаг зашли, когда бой в здании затихал, только в подвалах еще шла стрельба. Даже радоваться сил уже не было.

Вот такой кровью брали Берлин… Это я вам не содержание фильма ужасов рассказал… Расписался на стене Рейхстага: «Гершман из Гомеля».

На этом для меня война закончилась.

Белик Владимир Филиппович
(Прислала Г.Кравченко)

командир роты 22-го отдельного огнеметного батальона

В середине января началось наступление наших войск с плацдарма. В течение месяца прошли всю Польшу, пересекли

бывшую германскую границу, прошли города Ченстохов, Розенберг, Намслау, Оельс, Требниц, Волау, Любен, Лейбус, Лигниц, форсировали р. Одер, участвовали в завершении окружения г. Бреслау, выйдя к 15 февраля к западной его окраине, обойдя с севера и запада. Оказались в двух километрах от западной части города лицом на восток. 25 февраля нас перебросили в самый город Бреслау, на его южную окраину. С этого времени и до конца войны мы здесь вели ожесточенные уличные бои по освобождению города от фашистов. Дрались за каждый дом, этаж, каждую комнату, каждое окно. Противник дрался до последнего патрона, до последнего солдата. Приведу некоторые выдержки из своего дневника об этих боях.

5 марта 1945 г.: «Всего несколько дней в Бреслау, а кажутся вечностью. За эти несколько дней потерял до 20 человек из имевшихся 70, к тому же почти все убиты. Проклятые немцы сражаются как обреченные – сражаются военные, гражданские, мужчины и женщины. Дерутся за каждый дом, этаж, комнату. Вчера и сам чуть не погиб. Был на первом этаже четырехэтажного дома. Налетели самолеты противника и начали бомбить. Снесли 3 этажа над моей комнатой, стену в комнате вывернуло, все в комнате воздухом перевернуло вверх дном, вплоть до стульев и столов. Убит мой ординарец Ваня Сисоев, а меня лишь ушибло камнем».

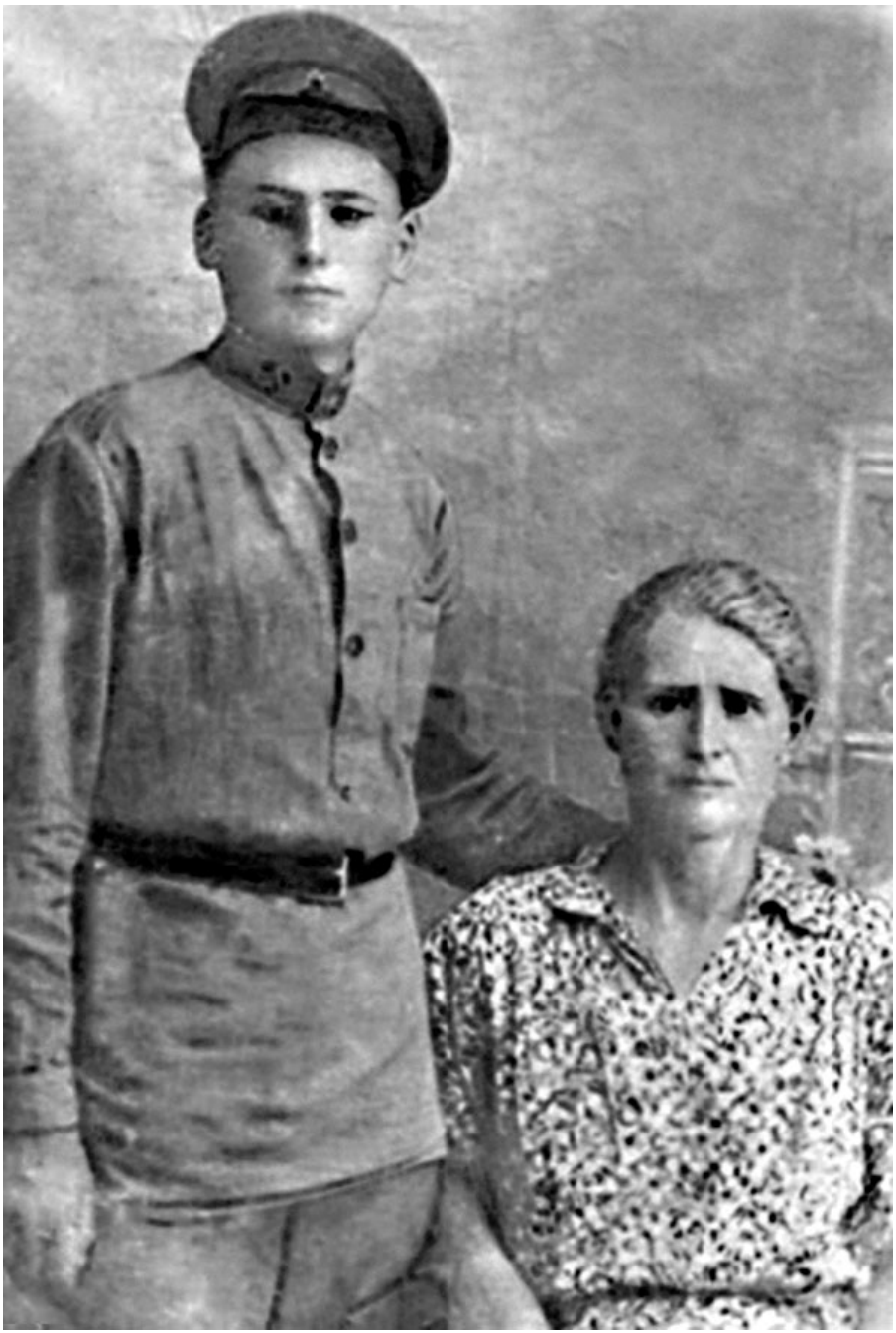
11 марта 1945 г.: «…идут беспрерывные бои, мы продвинулись за три дня лишь на два дома, а людей погибло много. Захватили первый этаж, противник сидит в подвале, захватим подвал – он сидит сверху и забрасывает гранатами. 8 марта взорвал дом, первый этаж которого захватили наши бойцы. Много было жертв, в числе их ранено 6 моих солдат».

14 марта 1945 г.: «Третий мой взвод поджег второй квартал, занятый немцами. Немцы бежали из горящего дома, а наша пехота заняла его. Командир полка, которому был придан этот взвод, объявил его составу благодарность».

И так каждый день – напряженная «работа» по уничтожению противника и ликвидации занимаемых им узлов обороны.

25 марта 1945 г. война для меня окончилась – я был направлен в Москву на курсы усовершенствования офицерского состава (КУОС) при Московском огнеметном училище, руководимые капитаном Хаустовым. В сентябре закончил курсы с отличием, в октябре демобилизовался. На этом и окончилась моя военная служба.

Климов Александр Митрофанович
(Интервью Ю. Трифонова)



командир эскадрона 121-го кавалерийского полка

14 января 1945 г. начался прорыв, пехота прорвала три линии обороны. Мы вместе с танками готовились войти в прорыв, чтобы тылы громить. Пехота три линии обороны прорвала, а там оказалась еще и четвертая. Нам пришел приказ ее прорвать. Ночью пошли вслед за танками. Оборону прорвали, много фрицев порубили и вышли, как мы называли, «на простор», во вражеские тылы. 22 января приняли участие во взятии г. Алленштейн. Там как получилось? Немцы создали сильный укрепрайон. Все подходы с юга и с востока были заминированы. А северо-запад они не прикрыли. Так кавалерийские части обошли и ворвались в город без единого выстрела с северо-запада. А наша кавалерийская дивизия тем временем создавала видимость наступления перед позициями немцев. Потом, под утро, когда наши в город ворвались, немцы начали драпать, бросали позиции и уходили. Так мы почти без боя вошли в г. Алленштейн. У немцев в каждой квартире по полтора-два мешка сахара стояло. Я в кубанку сахара набрал, на коня навьючил. Дальше пошел в сарай, думал зерна достать. Возвращаюсь, и в это время впереди меня рвется снаряд. Правду сказать, я его почти не услышал. Меня сбивает с ног, я три шага сделал и упал – мне щиколотку повредило. Один казак подскочил и притащил к моим товарищам. Пять дней в госпиталь не хотел идти, на бричке меня возили, боль была страшная и все сильнее становилась. Тогда меня отправили в дивизионный госпиталь, уже оттуда я попал в Польшу, в г. Псашниш, госпиталь № 2727. Там я лежал до 16 марта. Выписывать меня не хотели, но я поднял скандал, и меня с группой человек в сорок направили во все тот же 206-й запасной полк. Как шли? Я на бричках в основном передвигался – там ведь частная собственность была, поляки по дорогам туда-сюда ездят. Я к ним подходил, поляки сразу: «Пшеско, пшеско!» – и довозили до деревни. На четвертый день смотрю – легкий броневик пролетает. На нем эмблема была – подкова, эмблема нашей 32-й кавалерийской дивизии. Я чуть с ума не сошел от радости. Как второй подъехал, я прямо на дорогу вышел, броневик остановился. «Вы 32-я?» – спрашиваю. «Да». – «А я 121-й!» Они поняли сразу, я попросил их меня с собой забрать. Договорились, что они меня из церкви заберут ночью, в городе, где наша группа остановилась. Взяли меня с собой, так и доехал к своим. Как получилось? Я насморк подхватил, решил на ночь в копне согреться. Просыпаюсь – а никого уже нет, оказалось, что они остановились возле штаба 121-го кавалерийского полка в г. Штольтмюнде. Но мне ничего не сказали. Я думаю: куда же

теперь идти? Тут смотрю – идет казак в новой форме: темный мундир, из немецкой ткани шили, кубанка. Подхожу к нему, узнал все и пошел в свой первый эскадрон. Они стояли в большом здании. Как меня товарищи-казаки встретили! Обнимались долго, ведь редко кто после ранения так, в свою часть, возвращался. Тут из-за угла вылетает Ахмедов, потащил меня на второй этаж. А там сидят тридцать немок и шьют как раз новую казачью форму. Они с меня мерку сняли, пока мы всю ночь пьянствовали, утром форма была уже готова. Старую хотел старшине отдать, но Ахмедов сказал ее в каморку выбросить.

Стояли мы в г. Штольтмюнде, пока 9 апреля не был взят Кенигсберг. Наша задача была не дать немцам высадить десант в тыл наших войск. У нас артиллерия была, не дали фрицам высадится. И уже 15-го числа нас сменила пехота Прибалтийского фронта. Мы пошли на р. Одер, там шли страшные бои. Пока мы готовились к переправе, немцы забросили нам листовки: «Солдаты! Не ходите через Одер, потому что будете идти по своим трупам!» Многие у нас, в том числе и я, думали, что ждет нас впереди что-то очень страшное, ведь уже у Берлина, немцы его будут оборонять так, как мы Москву отбивали. Так вот, перед нами было два русла Одера, между ними – озера. Пехота оборону прорвала, саперы подготовили нам дорогу, и по ней мы с танкистами переходили. Дорогу подготовили в районе г. Штеттин. Это было что-то страшное! Мы действительно пошли по трупам, только по немецким, а не нашим трупам. Их артиллерия накрыла на первой линии, и как они отходили – человек 50–60, так кучей и лежали. Артиллерия сплошным потоком била, настигала немцев у переправ. Когда мы перешли за р. Одер, там уже пехота наша прошла, много было немецких сгоревших повозок, бронетранспортеров. Так мы вышли «на простор», весь день шли, только вечером встретились с немцами. Мы же были в казачьей форме, а у немцев «власовцы», кубанские казаки, были точно так же одеты. Вот они, видно, и приняли нас за «власовцев». По дороге в деревню какую-то нам встретилась механизированная немецкая часть. К нам подлетела легковая машина немецкая, тут звездочки наши разглядели, два немецких старших офицера из нее вылетели и начали пешком убегать. Мы, ошарашенные, стоим, немецкий шофер тем временем развернулся, подобрал своих офицеров и уезжает. Тут только Ахмедов проснулся: «Взвод, за мной!» И мы пошли, там я впервые на скаку выстрелил – по машине бил. Вылетаем за поворот: а там стоит чехословацкая машина и бронетранспортер, из машины немцы бегут. Саган, боец моего отделения, вперед вырвался, я

ему кричу: «Саган! Бронетранспортер!» Он увидел, коня осадил, сделал «свечку» и давай драпать назад. Я смотрю, фриц выскочил из машины и полез на бронетранспортер. Ну, думаю, сейчас весь взвод положит, а у меня в карабине осталось три патрона. Я по нему выстрелил, вообще неплохо стрелял, но там поджилки затряслись, сдал я как-то. Он падает, я перезарядил, фриц снова встает. Я опять стреляю навскидку, надо прицелиться, а я растерялся. Мы такие бронетранспортеры называли «душегубка»: пулеметы на них стреляли разрывными пулями, если попадет даже в плечо, все разрывает. Снова он упал, снова поднимается. В третий раз выстрелил, немец опять падает. Нервы меня начали подводить, карабин упустил, перед землей едва поймал, левая нога из стремени выскочила, повод потерял. Паника! Развернулся, а взвод уже драпает, Саган впереди всех. А немец все-таки залез и стреляет. Я к коню пригнулся, думаю, вот-вот достанет спину. Пули трассирующие, одна между ушей коня прошла. Тут вспомнил, что конь у меня работает от коленок, так и пошел зигзагом, скрывался за деревьями, что по обочине росли. Вдруг вижу: какие-то придурки выкатили две 57-мм пушки на дорогу. Пулеметчик меня бросил, начал по ним стрелять. Я мимо пролетаю, у пушек щиты горят, пули же разрывные. Тут уже наша зенитка на четырех колесах, мы такие «тявкало» называли, открыла по немцам огонь. Оказывается, там за поворотом целая механизированная колонна немцев отступала. Смотрю, мне танк «ИС-2» идет навстречу, я мимо него пролетаю, залетел в сарай неподалеку. Нервы никак не могут успокоить, с коня спрыгнул, и в сено. Конь рядом падает, думаю: «Ранили коня». Оказалось, он увидел, что я упал, и он вслед за мной лег. Конь ведь как человек, он все понимает. Потом уже мой взвод к сараю тому подтянулся.

Еще такой случай был. Подошли мы к какой-то деревне, впереди немцы бегут, как вдруг из деревни по нам танк стрелять начал. Я вижу, немец какой-то к деревне бежит, захотелось мне его с карабина снять. Я с лошади соскочил, на колено встал, я с колена стрелял хорошо, и раза три выстрелил, немец упал. Я прямо на трассе встал, она из булыжников была, как немец упал, сзади меня рвется снаряд и в ногу камнем, видно, врубило. Я во весь рост подскочил, Ахмедов меня сбивает, я на дорогу падаю. Говорю Ахмедову: «Вот, гад, не повезло, опять ранило!» Кровь-то по ляжке течет. Он посмотрел, вроде нет ни дырки, ни пробоины на шинели, Откинул полу шинели, брюки тоже целые. А кровь бежит. Оказывается, это камень когда попал, от удара кожа разорвалась. Такое на войне тоже бывает. Ничего, похромал, затянулось все.

Пошли мы дальше по тылам. Были небольшие бои, в ходе

которых 29 апреля погибает наш эскадронный баянист, от Сталинграда шел и погиб прямо перед концом войны. Как было? Мы шли рядом с лесом. Справа была деревня, из нее немцы из всех стволов открыли по нам огонь. Я же еще прихрамывал, нога не выздоровела, болела. Я за камнями спрятался, сверху шрапнель сыпется. Лежу и думаю: «Что я лег! Пока лежу, коня-то убьют». Я вскакиваю, коня под уздцы, и в лес. Только на поляну вышел, впереди рвется снаряд, конь делает «свечку», я кое-как прыгнул в седло, и дальше в лес поскакал. Так вот, за этими камнями, где я прятался, лег наш баянист, коновод командира эскадрона. И на этих камнях он и погиб. Весь эскадрон по нему горевал. Его лошади всю грудину пулей разорвало. Хотели пристрелить, я не дал, сказал Ахмедову, что выхожу. Подлечил кобыленку эту. Когда по воду ее водил, командир эскадрона мимо ехал, она учуяла коня нашего эскадронного и заржала, стала вырываться. Командир услышал ржание, увидел ее и заплакал. Мне благодарность вынес. Кобылу своему новому коноводу отдал.

Так прошел апрель, 2 мая мы подошли к г. Вюртембергу, хотели его брать нахрапом, без артподготовки, в конном строю. А город был окружен дамбой метра 2,5 высотой. Когда разливалась Эльба, дамба защищала город от наводнения. И только с западной стороны была прогалина, вроде как ворота. Наш полк должен был первым брать этот город. Мы только сунулись, а немцы, как оказалось, заняли оборону по этой дамбе. Дали они нам прикурить, мы быстро отступили в лес. Всю ночь сидели в седлах, меняли позицию, чтобы нас артиллерия не накрыла. Ночью же наша разведка пошла, ее немцы засекли и обстреляли, одного ранило. Потом немцы выслали машину за парламентерами, наши представители, два офицера, уехали в город, переговорили с комендантом. Потом приехали обратно наши офицеры уже с комендантом города, и все пошли к командиру 32-й дивизии Калюжному. Поговорил с комендантом наш комдив, вывел его на возвышенность, показал, сколько стоит вокруг города нашей артиллерии и «катюш». Калюжный немцу сказал: «Мы готовы стереть твой город с лица земли, но нам жалко немецкий народ. За что простые люди пострадают? Поэтому думай, комендант, как лучше. Решай, а то утром начнем артподготовку в 9.00». Договорились, что комендант к 9.00 выведет из города весь гарнизон к воротам в дамбе для сдачи в плен. Ночью к городу подошли янки, и комендант вместе со всеми нацистами, фашистами, всеми, кто нас боялся, сдался американцам. Потом этот комендант был заместителем натовского начальника. Мы в 9.00 немцев не дождались. Нашему первому эскадрону была дана команда идти в город. Входим в

город – ни одного выстрела, тихо. Немного прошли, вышли к перекрестку. Смотрим: с одной стороны идут наши, гражданские, кого на работу угнали в Германию, с транспарантами: «Да здравствует Красная армия и товарищ Сталин!» и т. д. Когда написали?! Ночью, наверное. Коней целуют, нам ноги целуют, сапоги. Тянут с лошадей. С другой стороны выходит колонна наших военнопленных, тоже с транспарантами. Вот такая встреча произошла в Вюртемберге. За нами все части пошли. Мы вышли на западную часть Вюртемберга. Из нашего эскадрона в город пришло человек 85, так только в нашем первом эскадроне в Германии человек 125 погибли, нас пополняли постоянно. Вышли на Эльбу, там встретились с американцами и англичанами. Так 3 мая мы закончили свою войну.

Рогачев Александр Васильевич
(Интервью А. Драбкина)

командир батареи 1513 истребительно-противотанкового полка

В последних числах марта мы пересекли австрийскую границу в районе города Кесег, после чего наш корпус лесами

пробрался в район города Винер-Нейштадт. Вошли мы в город на Пасху. Немцы совершенно не были готовы к появлению наших частей. Сопротивление оказали нам только «власовцы». К слову, мы ненавидели их больше, чем немцев. И рассчитывать им в бою, где ты и судья, и прокурор, и исполнитель законов войны, было не на что. Если попал – все. Некоторые выходили, бежали, руки подняв, а его на батарее из автомата – и все. А то в плен брать, куда-то отводить… Я в этом городе в бою лично семь человек убил из автомата. Мы катили орудие, а они засели в подвале дома и отстреливались. Пошли я и еще два человека. Ворвались и перестреляли их там.

Я воевал против немцев, венгров и румын. Если сравнивать их как противников, то самые сильные, конечно, немцы. На второе место по ожесточенности, по упорству я бы поставил венгров. Все остальные – слабые, а румыны – это вообще… мамалыжники. Когда в 1944-м они перешли на нашу сторону, их пускали вперед. Мы стоим в готовности. Смотрим, как они пошли в наступление. Потом венгры и немцы переходят в контратаку – они бегут. Уже знаем, что сейчас нам будет команда «вперед!». Они убежали, теперь мы в атаку. Или, допустим, на ночь в охранении румын не оставляли.

Захватив город Винер-Нейштадт, двинулись на Вену. Ворвались на окраину Вены, завязались уличные бои. Командиром батальона у нас был Гончаров Иван Тимофеевич, 1925 года рождения. Он все говорил: «Не отрываться! Артиллеристы, за мной! Вперед и вперед!» Улочки узкие, по ним машинам с орудиями не пробраться. Пехота дворами, какими-то палисадниками проскочит, а нам по улице надо ехать. А там из окон такой огонь ведут, нельзя носа высунуть. Мы отстали. Но батальон задачу выполнил – захватил Центральный железнодорожный вокзал. За это Гончаров был удостоен звания Героя Советского Союза. Впоследствии погиб у меня на глазах. После Вены мы атаковали какое-то горное село. После артподготовки и атаки штурмовиков ворвались на его окраину. Пехота залегла. С церкви по нам вел огонь снайпер, а за домами появились танки. Мы за винными погребами развернули орудия и открыли огонь по огневым точкам, а потом и по танкам. В это время Гончаров со штабом батальона перебегал чуть позади батареи – он смелый был. И буквально метрах в трех от меня снайпер его сразил.

После Вены пошли освобождать Чехословакию. В ночь на второе мая в ночном бою за город Вишков я был тяжело ранен. Мы отражали контратаку. Я стоял с биноклем и руководил огнем. Снайпер стрелял из дома неподалеку и, видимо, хотел попасть в

голову, но попал в руку. Пуля перебила кисть. Я думал, что рана пустячная, но оказалось, что очень серьезная. Меня отправили сначала в армейский госпиталь в Вену, потом в Будапешт. Там мне делали несколько операций, чтобы спасти руку. Началось заражение, дошедшее почти до плеча. Врачи сказали, что если пойдет дальше, то руку придется отрезать, но слава богу, этого не произошло. Находился я на излечении до середины августа 1945 года. В августе меня комиссовали, дали 3-ю группу инвалидности на шесть месяцев с последующим переосвидетельствованием и отправили в Москву. Я решил поступать в Московский автодорожный институт. Два раза ходил к ректору на прием, поскольку экзамены уже кончились. Уговорил я его и в порядке исключения без экзаменов меня приняли на 1-й курс. Учиться было сложно, к тому же мы, фронтовики, хоть и молодые, но все же старше остальных студентов намного. Я же войну окончил в 22 года. Причем мне было присвоено звание старший лейтенант в марте 45-го, а до выписки из госпиталя об этом и не знал. Мы этим не интересовались, так же как и наградами. Не за награды воевали, а чтоб добить врага…

Когда лежишь, долго не можешь заснуть, вспоминаются эпизоды боев. Я отчетливо вижу каждую высотку, каждую лощинку. Вот опушка леса, деревня, где ребята погибли, вот здесь мы выдвигались… Вспоминаются лица бойцов, с кем эти четыре года шел. Они ну как живые передо мной стоят, хотя уже прошло почти шестьдесят лет. Вернуться туда я не хочу. Такая мысль не посещает. Но часто думаю: «А правильно ли я в том бою позицию выбрал, орудие поставил? У меня в расчете трех человек убило. Может, если бы на другое место поставил, тогда бы они и не погибли?» Такой анализ идет до сих пор. Я чувствую себя морально ответственным за каждого раненого, убитого, потерянного бойца. И думаешь: «А нет ли здесь твоей вины?»